

Чего вы боитесь больше всего? Пауков, змей, сумасшествия?

А, может, высоты или одиночества? Возможно, как и все, вы чувствуете страх смерти и боли?

А как насчёт потери памяти, воли и контроля над собой?

Главному герою пришлось это пережить, но он даже не представляет, что эти удары судьбы — лишь капля в море на фоне того, что его ждёт дальше.

К счастью или несчастью, Она дала ему возможность собрать новую память из осколков чужих воспоминаний убитых им существ. И всё, что теперь остаётся — быть орудием в Её руках.

Ему придётся собрать всю доступную волю и силу в кулак и решить для себя, что есть настоящее добро и зло.

Он лишён выбора, будучи пустой куклой в этом холодном и жестоком мире, где не найти надёжный кров и тёплый очаг, а дальнейший путь обещает быть очень долгим и утомительным.

Глава 1 — Не нашедший желанного покоя

В двух километрах от Таедиума, окружённого лесом, есть обширная поляна, около ста метров, с полностью вырубленной древесиной.

Это место считалось у местных недобрым, из-за чего его старательно обходили стороной, ведь сюда свозили всех безымянных мертвецов, где они и находили последний приют.

Зачастую их просто закапывали в братские могилы, не особо беспокоясь об уважении к мертвым и личному посмертному покою каждого.

Редким счастливицам везло найти местечко без навязчивого соседа, впритык расположенного к ним.

К этим местам всегда стекалось зверье: старые и обессиленные, изгнанные из своих стай, они уже не могли находить себе пропитание.

Но люди так благосклонно им преподносили столь лёгкую еду, что они не могли не воспользоваться такой возможностью.

Ледяная земля всегда плохо поддавалась взаимодействию с лопатой, какую бы силой ни обладал ее владелец, благодаря чему мертвецов закапывали не более, чем на пол метра.

Этим и пользовалось зверье, ведь когти у них не отнять, а так же их способность рыть и нюх.

Все, что нужно — лениво раскопать и съесть свою заслуженную добычу.

Зачастую мяса хватает на всех — крайне редко идёт борьба за пропитание.

Все обитатели этого кургана давно стали олицетворять собой трусость, боясь людей, с руки которых и получали свое довольство, не прикладывая особых усилий к поиску добычи.

Эти факторы заглушили в них желание продемонстрировать свою силу и власть — свою природу.

А старость в комбинации с их опытом охладило в этих ледяных дебрях вспылчивый нрав звериной натуры.

Благодаря чему это место внушало ужас в людей: голая, вскопанная повсеместно земля, из которой проглядывались обрывки одежд, обглоданные конечности и кости, раскиданные по округе.

Но могильщики знали, что эти места не представляет опасности для двуногих, проверив неоднократно лично на себе.

Вот и в это мгновение, полуметровый зверь, с серым мехом и подслеповатыми глазами, укрытых белесой пленкой, рыл землю в окружении многих других, похожий на него и не очень четвероногих.

Когда-то в молодости его мех был бел, а когти и клыки острые, но старость приходит ко всем, отнимая последние силы у всего живого.

Теперь мех этого животного был покрыт залысынами, когти потрескались, а клыки, из тех, что сохранились, темно-желтыми.

Зверь явно задыхался от усталости, часто дыша и выдыхая из своей пасти пар, что тут же растворялся, сменяясь других.

Но вот, цель прямо у него под мордой — он видит тощую разрытую руку и довольно скалится, предвкушая желанную еду, вонзаясь клыками в неё.

Тот час по округе раздался дикий вопль, не похожий ни на одного из местных обитателей этого леса, а затем земля прямо перед зверем вздыбилась, раскидывая её в стороны.

В следующее мгновение что-то крепкой хваткой схватило его за шею и стало душить, опрокинув наземь.

На одних лишь инстинктах зверь начал царапать когтями, скулить и пытаться вырваться, но все было безуспешно.

Последняя его надежда пала на тех, с кем он обитал уже долгие недели, но на периферии своего зрения заметил, как трусливо исчезает всё зверье, разбегаясь по округе.

А вместе с ними и его шанс на спасение — его взгляд затмевала завеса тьмы.

Все ещё недоумевая, он решил посмотреть на то, что забирало его жизнь.

И зверь действительно его увидел: человек! Живой человек!

Весь покрытый землёй, в ободранные обноски, которые и нескольких часов не позволят прожить на этом холоде.

Борода и седые волосы, падающие на его лицо, не позволяющие что-то рассмотреть.

Но в последнее мгновение своей жизни зверь все же смог рассмотреть эти глаза: полные безумия, страха и жажды жить.

Этот взгляд зверь прекрасно знал, будучи и сам тем, кто множество раз цеплялся за последнюю надежду выжить, и ни с чем не смог бы его перепутать.

Ярко-голубые глаза, будто у одного из элементарей льда, виденных им в молодости.

«Значит вот она, смерть? От рук снежного духа, что даже из земли вылез, лишь бы забрать меня?» — было

последней мыслью зверя.

После того как зверь перестал двигаться, тощего человека скрутила судорога всего тела.

Тот час он принялся кататься по снегу, а его желудок вывернуло наизнанку.

Ещё миг и он замер, перестав подавать какие-либо признаки жизни, оставшись лежать на месте.

Ему снился сон: он очнулся внутри дворца, сделанного из дерева, где перед его глазами предстали декорации и предметы мебели из камня и драгоценных самоцветов.

«Эсперар, ты наконец пришел!» — звучал женский, старческий голос в голове человека, — «подойди же... ближе... ближе».

Этот голос, казалось, захватывал все его внимание — мужчина продолжал свой путь к центру этого места зная, что источник голоса находится там.

Все, о чем он мог думать — это о том, чтоб скорее добраться, не будучи способен даже сместить взгляд в сторону.

Будто не только его тело молча подчинялось этой команде, но так же мозг и даже все его естество видели весь смысл своей жизни лишь в том, чтобы исполнять эту волю.

Дойдя, пред ним предстал трон, сплетённый из корней дерева, покрытых рубцами, где медленно скапливался алый сок.

Вслед за этим тот неспешно капал на каменный пол, образуя ещё большую лужу вокруг трона с каждым новым звуком, развеивая местную тишину.

На нем сидела старая женщина, лицо которой покрывали морщины.

Она была в белом платье, которое, к его удивлению, доходя до пояса, перетекало в тёмно-коричневый цвет, а рукава в ярко-красный.

Мужчина удивился тому, насколько это не сочеталось и смотрелось безвкусным, но и одновременно казалось таким естественным.

Из-за такой мелочи он почему-то в себе самом не мог перестать спорить в этих противоречиях, шло ли ей это или нет.

Этот мыслительный процесс был остановлен осознанием, что он вернул контроль над собой и свободу мыслей.

Сейчас его рассматривала эта женщина, взгляд которой состоял из боли и усталости, образуя темные пятна вокруг глаз, но все ещё полный блеска жизни.

— Эсперар? — спросил мужчина, сдавленным, хриплым голосом, стараясь развеять неловкость, которую ощущал и проясняя, почему его так назвали.

Впрочем, он тут же об этом позабыл, когда после сказанного он ощутил странное чувство в лёгких, перетекающие в горло и ко рту.

Закашлявшись, тот выплюнул пару комьев земли, покрытых темной кровью на ладонь, ошарашенно на нее уставившись.

— Верно, мальчик... Эсперар — это ты. Впрочем, это не твое имя, нет, но твоя сущность, которую я дам тебе! — старуха на эту, казалось бы, странную ситуацию, и глазом не повела, не давая и намека на какую-то эмоцию.

«Имя?» — задумался человек, отвлекшись от своей ладони, внезапно осознав, что ничего не помнит.

Его глаза тотчас забежали из стороны в сторону в тщетных попытках вспомнить хоть что-то, из-за чего мужчину прошиб холодный пот, а лоб покрылся испариной.

В груди разрасталось чувство страха и паники, хватая его внутренности своей ледящей рукой.

— Что, ничего не помнишь, мальчик? — произнесла она, видимо увидев все по мимике Эсперара, от чего на ее лице появилась лёгкая, как дуновение ветра, улыбка, которая так и ощущалась искусственной, но очень качественной подделкой.

— Это ничего, не ты первый, не ты последний. Ты мертв — отдал свою жизнь и все, что у тебя было земле — теперь они мои.

Ее слова были тихими, но я этой тишине звучали громче набата, обескураживая человека

— Через это пройдет каждый живущий — это нормально. От меня вы вышли — ко мне и придёте. Вышли чистыми, как прозрачная вода, а вернётесь со своими ношами, очернив свои души.

Смягчился её тон, будто мать, успокаивающая свое новорожденное чадо.

Это действие каким-то неясным образом все же помогло ему придти в себя, но отчаяние в нём лишь нарастало с новой силой.

— Я знаю твое имя, но оно тебе более не нужно. Ты создашь себе иное, живя новой жизнью, если проживёшь хотя бы крупицу того, что тебе положено.

На этих словах колени и руки человека начали подрагивать, — он осознавал, что совершенно не понимает ситуации и происходящего, а тем более ничего не помнит.

«Но почему же эта незнакомка внушает такой животный, инстинктивный ужас?» — с этой мыслью он медленно осел на пол, слегка склонив голову вниз, боясь взглянуть на нее.

— Боишься? — сделала она паузу, внимательно рассматривая его, — Каждый раз одно и то же...

Он не видел в ней ничего отталкивающего, но его внутренность — она будто видела и знало то, что недоступно ему, ощущая себя букашкой перед ногой, что надвигалась над ним.

Впрочем, насекомым неведом страх — ими движут лишь инстинкты, а в нем же сейчас каждая клеточка вопила от ужаса.

«Не смотри! Не двигайся! Убегай! Закрой глаза! Растворись в мироздании! Только бы не быть под ее взором!» — слышалось от его собственных инстинктов.

— Пожалуй, странные вы, люди. Ежедневно топчете меня, проливаете кровь и покрываете из-за нее проклятием себя и меня — ведь она вопиет во мне, чтоб месть за ее пролитие свершилась.

Он слышал, как медленно нарастает её тон, меняя даже тембр, из-за чего тошнота подступала к горлу, а ему хотелось сжаться сильнее, свернувшись в клубочек.

— Я каждый день слышу эти крики! Крики полные боли, страха и ужаса — они сводят с ума во мне все живое! Они разрывают меня!

Её слова сорвались на крик, а голос изменился на что-то среднее между воем зверя и скрежетом металла

Затем наступила тишина, разрывающиеся лишь звуком капель.

— Но ничего, ты тоже поймешь этот крик. Вы, люди, пролили слишком много крови на землю. Взгляни на мои одежды, что покрылись ею! Они раньше были столь прекрасны, но теперь... Отвратительны! Это сделали вы, а не я!

Мужчина вновь ощущал, как контроль над телом и разумом затмевается и при любых её словах он станет лишь марионеткой.

— Вы чтите то, что в небе, но не чтите того, благодаря чему живёте, а лишь оскверняете это, а после же боитесь? Действительно, неизмерима ваша глупость, равной которой нет ничего под небом! Вы меня утомили, я устала от этого всего... Я устала от вас...

Её слова сопровождалась всплесками эмоций: от сарказма и гнева до готовой сорваться в любой момент истерики, заканчивая свои слова до дрожи пронизывающим безразличием в голосе.

— Теперь это часть твоей ноши, — закончила она свою речь.

Во время этого монолога человек то и дело бросал взгляды, скользящие по ее лицу, отчего дыхание перехватывало ещё сильнее, вынуждая задыхаться.

Он видел в её лице ещё тысячи и десятки тысяч других лиц, что мелькали десятками каждую секунду, сменяясь одно другим.

— Я вижу, что ты слишком напуган, чтобы мне что-то отвечать, смертный. Но ты можешь слышать. Так слушай же, Эсперар, ты не особенный, ты просто случайность.

Каждое её слово, будто пером по листу или раскаленным клеймо по коже выжигались в нем — он был уверен, что спустя и сотню лет не забудет каждую букву.

— Тот, кто чтит земли и мог получить от нее что-то, слушай же: последний мой избранник мертв, вернувшись в мои объятия, где обрел желанный покой и принес мне вновь бремя выбора нового, как и все погибшие до него.

Её глаза задумчиво проходились по оробевшему человеку.

— Я дарю частичку своей силы, дабы она находила тех, о ком вопиет кровь и удовлетворяли мщение за тех, кто уже не в силах за себя отомстить. Даже самый слабейший из них добивался чего-то, но сможешь ли это сделать ты?

Наконец, её губы тронута более настоящая улыбка, но не радости, а иронии.

— Настал твой черед платить за те плоды, которыми питала тебя земля. Платить, пока ты вновь не вернешься в лоно земли, придав ей свои силы, воспоминания и сущность, где обретешь вечный приют.

После этих слов она замолчала, но мужчина ничего не мог ответить, поскольку мысли и слова покинули его и он все так же пребывал в ужасе, уже не в силах от страха даже пошевелиться.

Больше всего его пугало осознание, что внутренний голос, предупреждавший его, все же подтверждал её правоту, имеет на это право.

Ещё страшнее мужчине было признаться в своих чувствах — он ощущал радость от этой участи, ведь в нем самом горело это стойкое желание отомстить, хотя он и не знал кому.

Собрав последние крупинки своей силы воли, он осмелился поднять взгляд, задержав его на ней, дабы увидеть, что она стоит прямо перед ним и смотрит сверху-вниз, но с какой-то долей материнской любви и нежности.

— Дитя, я дам тебе такую силу: забирая чужие жизни, — неважно чьи, — ты будешь становиться сильнее.

Одна сотая из эссенции жизни её обладателя становится твоей, передавая и мощь тела.

Сейчас её пальцы как-то ласково проходились по его длинным волосам, вызывая в нем двойное ощущение и мурашки по коже.

— Не только сила, но и воспоминания в том же объеме передается тебе, как мой дар, — она слегка склонилась над ним.

— Такова сила моего избранника — моя особенность и благословение тебе, прими же это. Ведь все возвратится обратно в землю, в прах, откуда оно и пришло. Земля питает всех, но она же заберет долг по времени. Всему свое время: время рождаться и время умирать, дитя.

С этими словами она вонзила руку в свою грудь, вырвав оттуда ещё бьющееся сердце, и с каждым ударом из него осыпались на пол комья земли.

Она молча протянула его ко рту мужчины, другой рукой продолжая гладить его и с нежностью в голосе произнесла: "ешь!".

После этой фразы разум человека затмила пелена и последним он запомнил то, как вгрызся зубами в сердце женщины, пока на задворках его сознания звучал ее хриплый смех.

Глава 2 — На худой конец

По прошествии нескольких минут человек застонал и медленно поднялся, сев на землю.

«Угх...Что за?.. Где?.. Ах... Точно», — человек, приложив ладонь к лицу и закрыв глаза, принялся вспомнить все доступное ему: он вспомнил сон.

И это все действительно можно было бы списать на что-то выдуманное, если бы не то, что произошло после.

«А что именно произошло? — Я проснулся здесь», — принялся человек сразу же приводить мысль в порядок.

«А потом? Волна эйфории и боли, которая закончилась отрывками чужих воспоминаний, как я, будучи в шкуре какого-то животного, бегал по лесам со своей стаей, заводил щенков со своей самкой...»

«Тьфу! Такое лучше не вспоминать! И на сладкое: в старости лет рыл ямы и ел падаль, а в конце от воспоминаний меня просто вывернуло наизнанку — до сих пор ощущаю этот вкус».

К его счастью, отрывки были очень краткие, быстро пройдя, не навязывая с собой ничего более.

Это все служило лучшим доказательством тому, что сон был реален.

«Нужно быть осторожнее с тем, чью жизнь отнимать», — поучал он себя.

Внезапно человек содрогнулся, осознав, что холод охватил все его тело и оно скоро окоченеет.

Пошатываясь, он поднялся на ноги, и слегка дрожа, побрел в сторону, куда глядят глаза, осматривая округу:

Пустая поляна с неравными горками земли и впадин.

Он замечал чьи-то руки, торчащие прямо из земли, а ещё через миг наступил на чью-то кость, вдавив ее в землю своей босой стопой, впрочем, из-за этого даже не ощутив этого.

Черви повсеместно ползали посреди разрытой здесь земли, а множество различных насекомых не очень располагало к себе — он старался их обходить стороной.

Бросив взгляд на убитого зверя он заметил, как на его тело уже набежало сотни мелких вредителей, пытаясь прогрызться в него, начав с глаз, ноздрей, ушей и открытой пасти.

Тошнота подступила к горлу и он постарался скорее покинуть это мерзкое место, но спустя десяток шагов остановился и прикрыл глаза.

«Я... Помню? Нора зверя, под корнями старого дерева, где он пережидал холода? Туда!» — обрадовавшись, человек резко сменил маршрут и побрел в одном ему лишь известном направлении.

Спустя тридцать минут ходьбы он дошел до места назначения, тяжело дыша и упираясь в дерево, дабы не упасть в очередной раз за время пути сюда.

Поскольку воспоминания были обрывочны — пришлось плутать некоторое время, пока он не узнал знакомые места.

На протяжении всего этого отрезка времени он встречал множество диких зверей, но к счастью, большинство было малого размера и избегали с ним встречи.

Те же, что были побольше, — давно прикормились на кургане и привыкли избегать людей, которые вечно приходили с оружием и сами приносили им еду.

Сейчас пред ним предстало высокое, очень старое дерево, которое не смогли бы обхватить руками и несколько человек.

Уже давно мертвое, прогнившее изнутри, что и позволило так легко прорыть себе убежище под его корнями зверям и прочим насекомым.

Последние пару метров он прополз внутрь норы, где в нос резко ударил мерзкий и сильный запах зверя и гнили, от чего сразу подступила тошнота.

Но слишком сильная слабость и усталость перетягивали большинство внимания и сил на себя, отмечая ту лишь на задворках сознания.

Нора была метр в высоту, из-за чего ему пришлось ползать по ней на коленях, но довольно таки просторная, что позволило бы человеку лечь во весь рост и даже больше.

С трудом он дополз до центра, где моментально потерял сознание, погрузившись в бесконечный цикл снов, состоящий из воспоминаний убитого зверя.

Мозг таким образом пытался обработать непривычные для него воспоминания и адаптировать в человеческий разум.

Во сне он не просто видел эти воспоминания — он жил ими, он и был этими воспоминаниями.

Моментами просыпаясь, человек был как в бреду, забывая, кто он, человек или зверь?

Где-то на задворках сознания он слышал, как рычит по-звериному, а потом стонет от этой боли, как двуногий, затем вновь погружаясь в свой беспокойный сон, видя уже совершенно другую грядку снов.

Где-то на просторах бескрайнего космоса есть галактика "Суноро", окрещенная так обитателями вселенной

из-за нахождения у самой границы исследованных территорий.

В этой галактике есть система "Эримос", именуемая так за практически полное отсутствие важных ресурсов.

И среди сотен других планета, знаемая уже местными как "Маледиктус", обладающая двумя естественными спутниками.

Которые в глазах местных есть два божества, что в вечном цикле погони друг за другом: пока младший, Бенигнус, всеми силами убегает, его пытается догнать старший брат, Малум.

За этим циклом уже долгие века наблюдают различные фанатики, строя самые смелые и нелепые догадки, кто же кого действительно догоняет и что будет, когда это произойдёт.

На этой планете, среди множества островов и семи основных континентов, есть один, именуемый "Триститиа".

Самый масштабный из них, но при этом и самый бедный, поскольку здесь царствуют вечные холода, не дающие населяющим его существам развивать свои цивилизации.

А на самом континенте, посреди бесчисленных стран, есть маленькое королевство "Долор".

В основном оно заселено людской расой, от природы устойчивой к холодам и привыкшим жить охотой и разбоем, поскольку они так и не приловчились брать от промерзшей земли себе пропитание.

Лишь редкие умельцы могли получить небольшой урожай от почвы, но, в основном, таковые были в пренебрежении.

Часто его у них просто отбирали силой или же и вовсе не давали взойти, поскольку пища сейчас, пусть иногда и незрелая, была важнее, чем ждать маловероятных всходов, особенно чужих.

Страна, как и ближайшие ее соседи, культивировала воинские ценности: умение обращаться с оружием было признаком силы и давало власть, ведь фраза: "кто сильнее — тот и прав" здесь была одним из железных правил кодекса любого воина.

Из-за этого всего земледелие стало уделом отшельников, живущих вдали от людей, где мешать им никто не станет, а питаться чем-то все же нужно.

У самой границы, рядом с морем, стоит город "Таедиум", окружённый лесом, сквозь который проходило лишь несколько дорог, ведущие в не менее забытые места, чем это.

Единственным преимуществом этого места над другими был порт, где местные смогли обуздать морскую стихию.

Отсюда совершали налеты и набеги на ближайшие острова и ближайших соседей по материку, что сделало город местом, куда стекаются наемники и молодые воины из округи.

Все они неустанно спешили попытать свою удачу, строя фундамент будущей жизни, либо складывая свои головы на чужих землях.

Так же сюда тянулись не очень богатые купцы, надеясь выкупить у глупых воинов что-то ценное и продать в более цивилизованном месте намного дороже.

Посреди города возвышается над всеми постройками масштабное сооружение, именуемое "замком", которое внутри и вокруг патрулировали денно и нощно воины, полностью закутанные в меха, оставляя открытыми лишь глаза.

В самых потаённых уголках этого замка есть скрытые для большинства глаз проходы, ведущие под землю, во тьму и мрак, изредка освещаемую факелами проходящих мимо стражей.

Ни смотря на то, что здесь было теплее, нежели снаружи, большинство стражей все же старались покинуть эти места как можно скорее, ведь это подземелье служило темницей, где многие мученики сложили свое тяжкое бремя жизни.

А стоны страдальцев, доносящиеся из закутков этих казематов, укрытых покрывалом тьмы, не внушали никому из них чувства безопасности за свою жизнь, но рождали в их душах лишь страх и беспокойство.

Гигиена и условия содержания в этом месте оставляли так же желать лучшего, поскольку за ними никто и не следил — запах здесь стоял хуже того, что эти воины привыкли ощущать в море крови на полях сражений, которые давно были для них не новы.

Почти на самом дне этой выгребной ямы, куда никогда не доходил и лучик солнечного света, была небольшая комната с металлической дверью и маленькой щелью для глаз — сейчас в ней находилось два человека.

Воины этого континента славились своей отвагой и были храбры, но так же и суеверны, боясь отмщения из тьмы от духов тех, кто погиб в этих стенах, а не в бою, в сражениях с ними, из-за чего такие места не любили и, по возможности, избегали.

Но были и такие, которые все равно получали наслаждение от таких мест, ощущая, что наконец оказались в родных стенах любимого дома — один из находившихся в этой комнате был именно такой породы.

Этот человек именовал себя с гордостью в голосе: "мастер пыточного ремесла", приплывший с другого континента, одной из империй, лысый, но с седой, заросшей бородкой, явно пребывающий уже в летах.

Вот уже как двадцать лет он был на службе феодала этого города ответственным за это подземелье, имея обязанность следить за заключёнными.

Что, впрочем, выполнял крайне скверно и сквозь рукава, но кому какое дело до всеми отверженных полумертвецов, что порою попадали сюда?

Никогда ему не давали разрешения на издевательство над заключёнными и всячески осуждали, но он знал, что всех все равно не хватятся.

Всегда будут нищие, не способные выплатить выкуп или же те, у кого и вовсе нет семьи и они давно мертвы для внешнего мира — этим он и пользовался, дабы удовлетворить свою давнюю страсть.

Когда-то в молодости он был рядовым воином на службе своей страны, но попал в первом же бою в плен.

Проведя в стане врага целых два года, его все же отпустили на родину, после окончания войны.

Но все, кто был знаком с ним раньше — видели в нем совершенно другого человек.

А случайные прохожие, неволей случая ловящие его взгляд и замечая это лицо и тело, покрытые шрамами и ожогами, пугались до глубины души.

Из-за этого его всегда сторонились и он так и не смог найти себе место в жизни и всю свою жизнь скитался от лорда до лорда, предлагая свои навыки и свой меч, пока не осел на этих забытых всеми землях, найдя себе дело по душе.

Комната, в которой они находились, называлась "пыточной", но местные воины за спиной главного надзирателя нарекли его "Siste hosly".

На их наречии это означало "последний приют", отдавая последние почести всякому, кто оказывался в этой комнате.

Сон медленно отступал, затмевая темнотой всю картину.

— Ну что опять? — закричал человек, содрогнувшись от щекотки на руке.

Ощущая покалывание, он попытался смахнуть это другой рукой, из-за чего это чувство перешло на другую руку.

Моментально его сонливость как рукой сняло и мужчина, разлепив глаза, уставился на руку.

Гигантское насекомое длиной в пол метра с множеством лап и длинных усиком вилась вокруг его руки и прокусывало кожу, вбирая в себе капельки крови, выступающие от маленьких укусов.

— Аааа! — первые несколько секунд ошолобления прошли. Волна ужаса охватила его, заставив заорать, что есть мочи.

Человек инстинктивно начал бить свою же руку о землю и камни под ним, метаясь из стороны в сторону, отдавая контроль над своим телом панике.

Он бы так и продолжал, но в какой-то момент по телу прошло лёгкое покалывание и поток обрывков памяти ещё более мерзких, чем от прошлой жертвы, из-за чего он замер на месте.

По сравнению с прошлым разом в этот все прошло намного легче: ощущений меньше, а обрывков памяти почти и не было вовсе.

Человек перевел взгляд на мертвое насекомое и его прошиб холодный пот, с опозданием принося ясность ситуации.

Какое-то время он так и сидел, дрожа всем телом, поскольку мандраж не отпускал его.

Когда все это закончилось — он упал на колени и медленно лег и свернувшись калачиком, начав тихо скулить и дрожать, изредка бубня себе под нос:

— Почему я?.. Почему со мной?.. Пожалуйста... Помогите... Спасите меня! Кто-нибудь! Эй! Почему я должен это проходить?! Выбери другого! Я найду тебя и убью! Слышишь, старуха? Найду!..

Его словесный поток продолжался довольно долго, но лишь тишина была ему ответом на любую из фраз.

Человек то впадал в истерику и рыдал, то гневно рычал, до тех пор, пока полностью не умолк.

Продолжая дрожать и молчать в конце концов от морального истощения его сознание вновь угасло и он уснул.

В этот раз его беспокойными снами стала жизнь насекомого, от которых он ворочался и слегка стонал, покрываясь потом.

Он видел, как она появилась на свет в этой же пещере, где была практически на вершине эволюции: пока зверь спал — она питалась его кровью, а в другие дни бегала за всякими различными обитателями этой дыры, которые были не способны от нее убежать.

Изредка ее добычей становились и короли этого логова: пауки. Это были её самые счастливые воспоминания, но до чего же дрянной вкус у всех, кем она питалась, а после наступила очередь продолжения все того же странного сна.

Пол, состоящий из коричневых досок, на который годами проливалась кровь невинных, и, хотя ее убирали —

эта древесина давно приобрела намного более темный оттенок.

Стены помещения, будучи замёрзшей глиной, во многих местах были покрыты пятнами различных оттенков крови, в зависимости от их свежести, напоминая собой слои краски, но не было и разу, чтобы она успевала утратить насыщенно-алый цвет.

В углу комнаты стоял очаг, обложенный камнями, где посреди лежали железные стержни различной толщины и формы, а по краям стен стояли несколько деревянных столов, на которых были инструменты разного происхождения и материала.

От строительных гвоздей, покрытых ржавчиной и кровью до бритвенно острых тонких ножей, идеально приспособленных, для гладкого среза кожи жертвы.

Внутри стоял крайне скверный запах, почти напоминая собой разлагающийся труп, из-за чего даже пыточный мастер был в маске чумного доктора, полностью забив ее травами.

Все его тело было покрыто свежей кровью, а глаза, сквозь мутное стекло маски, полные блеска жизни в них, смотрели на человека, который был прикован к стулу в углу комнаты.

И именно к этой крохотной песчинке на фоне всей необъятной вселенной, что окружает этот мир, вопреки всему тянулся круговорот мироздания.

Создавая свои завихрения, он преобразовывал этого мужчину тем самым "глазом бури" и создавал новую историю, наконец приближаясь к нему.

Сейчас он ничем не выдающийся, ничем не отличимый от тысяч и миллионов таких же.

Но что-то с ним сейчас происходило, что навсегда меняло его.

Это "что-то" готовое вслед за этим преобразить и весь мир, разразившись смертоносной бурей и ураганом; смерчем, сметающим все на своем пути.

Человек, заросший волосами и бородой, цвет которых уже невозможно было разобрать из-за крови на них.

Бледное тело с трудом проглядывалось в нескольких местах, не покрытых ожогами, ранами и срезанной кожей, свойственный любому северянину.

Кожа да кости, выпирающие везде, отличали его от своих собратьев, как и полное отсутствие ногтей, языка ушей я губ.

Сейчас это создание умирает — его искра жизни угасает и исчезает, растворяясь в небытие, и он медленно закрывает свои голубые глаза, покрытые дымкой пустоты в них.

Ещё миг и этот момент наступает — его сердце останавливается.

Палач и пыточных дел мастер видит это; он, хоть и не обученный пране или воле, но слишком много раз видел эту картину и не может ошибиться в ней.

Видя это, он наконец ставит инструменты обратно на стол, вытирая руки полотенцем со стола и бросая его на голову мертвеца, после чего разворачивается и уходит, оставляя за собой открытую дверь.

Спустя час в комнату вошло четверо стражей с угрюмыми лицами, один из которых, увидев эту сцену, моментально опустошил содержимое своего желудка, пока остальные трое лишь молча поморщились, не впервые видя это.

После минутной слабости и того, как они грубо, обильно приправив матом, успокоили своего товарища, что явно не мог справиться с этой картиной сразу, вместе взяли тело и куда-то понесли.

Но они не могли ощутить за ледяным телом мертвеца, что где-то внутри него сейчас разгоралось тепло, медленно циркулируя по венам и от сердца проходя через все тело, постепенно вдыхая жизнь в каждую его клеточку.

В этот раз пробуждение человека было более осознанным: открыв глаза, он медленно сел и уставился в пустоту взглядом, засланным какой-то пеленой.

Неизвестно, сколько он так и просидел бы, но из этой прострации вывел голос внутри него, исходящий прямо из сердца:

«Для серебра — плавильня, для золота — горнило, а для человека — трудный путь. Пройди все с достоинством война земли, приняв удары судьбы стойко, Эсперар, только так ты станешь достойным...»

Он узнал голос женщины из сна, наполненный спокойствием и нежностью, как шум ветра посреди листвы, прошедший через него и постепенно угасший где-то вдалеке.

Эти слова заставили его глубоко задуматься. Следующие пол часа он сидел на месте, а затем его взгляд резко сфокусировался и он ударил кулаком по земле.

— Что же, старуха, будь по твоему, но придет день, и ты ответишь за это! — не узнал он свой рык.

Человек принялся осматривать себя: руки, во многих местах покрытые запекшейся кровью и грязью.

Рваные внизу тряпичные штаны, босые ноги, и сшитый из разных кусков ткани непонятного происхождения кафтан с рукавами, что на локтях обрывались.

Радовало лишь то, что ткань была довольно-таки толстой и он не был совсем уж беззащитным перед холодом. Его смущал тот факт, что он ничего себе не отморозил: пальцы рук и ног плохо ощущались, но вполне слушались его.

Он не знал, почему должен был что-то обморозить за все это время, но какой-то глубинный инстинкт. Память, заложенная ещё в предках говорила ему, что ситуация выходит из рамок нормы.

Вместе с его решением и оживлением, желудок тоже решил дать знать о себе, сперва напомнив урчанием, а затем сосущей внутри болью, требуя пищи.

Так человек и решил сперва найти что-то, чем бы мог забить свое брюхо.

Запах, что сперва невозможно было стерпеть уже казался чем-то вполне обыденным, да и сам он явно им провонял.

Но холод по-прежнему ему не нравился и приносил сильный дискомфорт, поэтому сперва было решение осмотреть свое временное убежище, дабы найти хоть что-то полезное.

Обычная яма, которая хоть как-то сохраняла тепло и защищала от ветров, что служило заманчивым кровом для всего живого.

По углам роились копошащиеся насекомые, — их привлекала ещё и темнота этого места.

Над головой все пространство было овеяно паутиной и ее создателями, пауками — они в свою очередь пришли сюда за этими самыми насекомыми.

Он заметил недалеко от себя раздавленную недавно тварь, от которой уже осталось не так много, а вокруг ее облепили более мелкие создания, пожирая и разнося ее остатки по своим норам.

«Цикл, мать его, жизнь. Жри, пока не сожрали тебя», — мрачно думал он, убирая палкой эти остатки и насекомых поверх них ближе к стенке.

По всему полу были разбросаны палки разной длины, отчего человек во время своих исследований размышлял, зачем этот зверь стащил их сюда.

К концу своих поисков в полутьме он нашел место с костями разных маленьких зверьков и немного человеческих костей.

Уже собираясь уходить отсюда, он заметил кое-что важное: маленькие обрывки шкур и пару тряпок от тканой одежды

«Это именно то, что мне сейчас и нужно!» — обрадовался он.

Впрочем, человек быстро вернулся в прежнее расположение духа, увидев, что шкуры были покрыты с внутренней стороны гниющими остатками плоти и жира, которые облепили личинки.

Взяв обрывки ткани и стряхнув с них всяких тварей, он обмотал ими оголённые участки тела: голову, шею, руки, ладони, ноги, стараясь не обращать внимания на их запах и не задумываться об участии прошлых владельцев.

Видимо животу надоело, что его игнорируют и он решил продолжить приносить боль по нарастающей, дабы невнимательный к нему человек уже что-то сделал с этим, совсем не смущаясь запахов, которые никак не располагали к поглощению пищи.

Человек уже поднялся на ноги и собирался выйти наружу осмотреть местность, но остановился и посмотрел на палки под ногами.

Взяв самую длинную — он разломал ее пополам, получив два кривых куска дерева длиной в тридцать сантиментов, но при этом острых с одной стороны, взяв их в каждую руку.

«Лучше, чем ничего!» — всячески оправдывал он свое решение, внушая себе ощущение некой надёжности от того, что он больше не безоружен, после чего вышел из этой норы.

Глава 3 — Недружелюбная природа Треститии

Оказавшись на поверхности, Эсперар решил осмотреться по сторонам в поисках чего-то съестного, но все, что его окружало — это голые деревья, ветви которых были усыпаны снегом.

Холодный ветер пронизывал его до костей, будто требуя, чтобы глупый человек забился в свою жалкую конуру, не показываясь снаружи.

Он сразу же решил пройтись вокруг своей норы, не отходя от нее слишком далеко, дабы не заблудиться и в случае чего все же вернуться.

Вскоре он наткнулся на куст со скудными остатками ягод, плотно усыпанный снежным покровом.

Человек и дальше прошел бы мимо него, если бы не заметил выделяющиеся на белом своим ярко-красным цветом плоды.

Подойдя к кусту, он засунул палки под верёвку, удерживающую его штаны и заменяющую ему пояс, принявшись срывать ягоды и закидывать их в рот.

Почти сразу он скривился от горечи и хотел было выплюнуть все, но в голове сразу всплыли звериные воспоминания, как зверь питался этими ягодами и все было нормально.

«Ты не зверь! Очнись! Что может он — недоступно тебе» — где-то на фоне навязчиво кричало сознание.

Но человек не прислушался к нему и прижал ладонь ко рту, закрывая его и медленно проглотил содержимое.

Вскоре цело была достигнута: горечь ягод полностью заглушило чувство голода и его мозг больше не хотел ощущать этот вкус, унимая болезненный глас желудка и умолкая.

Но Эсперар осознавал, что этого мало и для его тела нужна намного более существенная еда.

Ему, как и зверю, которому они были лишь для утоления крайнего голода в дни без пищи, так и сейчас, эти ягоды не придали никаких сил.

Вслед за ягодами последовал и снег, который он, предварительно растопив во рту, глотал.

Все ещё ощущая слабость, теперь Эсперар был уверен, что протянет какое-то время, пока ему не выпадет шанс найти хоть что-то более съестное.

Но крайне важно и самому приложить все усилия для появления этого шанса, ибо в такой холод нужно особенно много еды.

Таким образом человек принял единственное в его понимании верное решение: вернуться на курган и попытаться удачу в охоте на зверя.

Путь туда прошел быстрее прошлого, когда он шел сюда, поскольку в этот раз он знал, куда идёт.

Но даже так, снегопад, разгоняемый ветром, заметал его следы и ставил преграду для глаз, мешая ориентироваться и замедлял его шаг.

Так он и направлялся туда, идя по бескрайним белым просторам в окружении деревьев, звуков зверей и пронизывающей мерзлоты.

Уже подходя к окончанию леса, за которым проглядывалась поляна — он дал волю инстинктам поглощенного зверя: замедлился, взял палки в руки, и слегка пригнувшись, подступался к добыче.

Очень скоро Эсперар выделил из толпы животных одного, хромящего на переднюю лапу, завсегдатая этой поляны.

Тот ощущал себя здесь довольно-таки безопасно, не особо оглядываясь по сторонам, а сосредоточившись на рытье еды.

Эта тварь была низкого роста, но очень плотно сбитая, а из пасти торчали несколько клыков, на вид давно тупых.

Он заметил этот взгляд, полный сонливости и усталости в них.

«Именно то, что нужно!» — подумал человек, в азарте охотника уверяясь, что легко поймает того.

Ещё несколько шагов и оголодавший рванул вперёд, в попытках настичь его и пырнуть своим самодельным и ненадежным оружием.

Всё зверье на поляне, заметив человека, разбежалось от него в разные стороны, в том числе и тот, к которому человек уже пробежал половину пути.

Не желая отпускать столь лакомый кусочек еды, Эсперар, не задумываясь, рванул за ним, что есть мочи.

Он уже предвкушал, как вгрызается зубами в, пусть и старое, жесткое, но свежее мясо и выпивает столь теплую, приятную кровь.

Следующие пять минут превратились в нескончаемую погоню: человек настигает зверя и уже поднимает руку с острым кольшком, дабы пронзить шею, как внезапно, зверь, не желая мириться с такой участью, втапливает так, что человек просто не поспекает за ним, увеличивая расстояние между ними и закидывая в лицо человеку комья снега от своих копыт.

Это повторялось до тех пор, пока Эсперар, будучи уже на последнем издыхании, не споткнулся, падая лицом в снег.

Опомнившись, он приподнялся на руках, но увидел свою добычу уже слишком далеко, из-за чего зарычал и бросил вдогонку ей свое недо-оружие, которое до сих пор крепко сжимал в руке, после чего сорвался на рев, полный злобы и обиды.

— Да будь оно все проклято! Аргх! Проклятая старуха! Проклятый зверь! Проклятый холод!.. — человек продолжал проклинать всех вокруг, молотя руками по снегу под ним.

Спустя несколько минут, Эсперар, тяжело дыша, все же успокоился и замер, смотря вдаль, вслед зверю хмурым взглядом.

— Да чтоб тебе все ноги подвернуть!

Напоследок прокляв того, он поднялся, взял брошенную палку и побрел обратно в свое не очень уютное логово.

По пути человек всячески старался найти хоть один куст с ягодами или что-то, чем можно было бы заполнить брюхо.

Пару раз он видел присыпанные снегом кусты, но разрывая их — находил совершенно пустыми, что портило и без того плохое настроение.

Полный огорчения, вернулся Эсперар к своей временной базе, пролезая под корни дерева, вернувшись в это маленькое королевство насекомых.

— Что, не рады мне, твари? — скалился человек, срывая свою злобу на всем, что попадало в его поле зрения, нещадно давя ногой.

Так продолжалось до тех пор, пока от слабости у него не начало темнеть в глазах, и он не облокотился спиной к одной из стен, которыми выступали корни местного дерева.

Эсперар сразу же услышал, как одно из насекомых, находящиеся совсем рядом с его плечом, зашипело на него, от чего он на автомате отшатнулся от него, падая на спину.

— Ц-ц... Тварь, плюнул бы на тебя, будь у меня хоть немного слюны, — тихо ворчал мужчина себе под нос, пытаясь скрыть стыд и сделать вид, что не испугался от неожиданности момента.

Сев в центр логова, человеку ничего не оставалось, кроме как сверлить взглядом, полным ненависти, обитателей этого места.

Ещё через время он переместил свое внимание на конечности, а именно на ноги: некоторые пальцы стали синими и больше его не слушались.

Хотя холод и пробирал до костей, напоминая о себе каждую секунду и заставляя его ненавидеть всеми фибрами души, но до этого такого не было.

Он ощущался, обжигал, не позволял чувствовать конечности, но не причинял столь сильного вреда, до сей самой поры.

«Казалось бы», — человек удивлялся, — «надо бы испугаться, верно? Да только что-то мне уже безразлично — ничего не чувствую».

Какое-то время он так и сидел, молча разглядывая свои пальцы тяжёлым взглядом и постепенно расслаблялся, а его веки тяжелели.

Как только этот момент наступил — желудок вновь напомнил о себе, причиняя телу новую волну боли, которое и без того повсеместно болело и ныло, а разум человека все больше и больше затмевал звериный голод, глуша мыслительные процессы.

Он уже почти решил пойти к кургану и разрыть одну из ям, когда вспомнил про личинок.

Эсперар с каким-то отвращением и нежеланием подошёл к вчерашним огрызкам шкур, что остались от каких-то зверьков и уставился на копошащуюся на них мерзость, что так противно извивалась и ползала посреди гнили.

Ему казалось, что он отчётливо слышит эти слизкие звуки, с которыми они перемещались в проеденных ими туннелях плоти.

Маленькие, но жирные уродцы с волнистой кожей белесого оттенка, роившиеся друг на друге и посреди того, к чему не хотел прикасаться даже падальщик.

«А может лучше курган?» — сдержав первую волну тошноты от мысли о том, как будет их есть, он вновь задумался.

Что-то внутри него: инстинкты, природа, интуиция — он не знал, как именно это назвать, — всячески противилось и говорило, что хуже варианта ему не найти.

Да и желудок больше не хотел верить его оговоркам и оправданиям: пока он дойдет, раскопает... Нет, зачем, если вот она, еда, прямо перед тобой?

Это противоречие разрывало его изнутри: в нем была память зверя и насекомого, которые легко ели своих собратьев, не видя здесь ничего необычного, но даже они брезговали этими личинками.

Тяжело вздохнув, он взял пальцами одну из них и пристально всмотрелся в нее с гримасой отвращения, на какое-то время замерев.

Прямо посреди его пальцев это существо начало бешено извиваться в попытках выбраться.

Ему казалось, что эти черные точки, служившие личинке глазами, заметив его, резко возмутилось такой наглости.

Существо принялось своими маленькими жвалами кусать его пальцы, принося легкое покалывание.

Уже почти решившись и поднеся ее ко рту, он остановился, вспомнив о кое-чем важном: память!

Он осознал, что его агрессия и злоба — последствия чужих воспоминаний, которые срослись с его личностью, а значит любое убийство будет нести для него непосредственную опасность разрушения личности и деградации.

Но голод слишком сильно терзал его, поэтому он не видел другого выбора, кроме как все же съесть это, но перед этим Эсперар раздавил ее пальцами, прикрыв глаза и прислушиваясь к собственным ощущениям.

По телу прошла почти неощутимая волна тепла, после которой в его голове появилась память нескольких минут жизни этой личинки.

«Совсем кроха, воспоминаний мало. Можно попробовать», — думал он, разглядывая липкую слизь между его пальцев с запахом хуже, чем он когда-либо испытывал на своей памяти.

Моментальное решение, о котором он старался не думать и вот, человек принялся поглощать этих созданий, не переставая морщиться и с гневом откидывая любые попытки желудка вернуть некачественный ужин.

«Представь, что ты жуешь просто землю и песок, пропитанный водой... Представь...» — вторил он про себя одну и ту же фразу, подобно мантре, в надежде перебороть рвотные позывы и гнетущие мысли.

Спустя неизвестное количество съеденных личинок, человека почти вывернуло наизнанку, но он в очередной раз закрыл рот ладонью, не дав всему выйти.

«Который раз за последнее время?» — мрачно добивал он себя мыслями.

Покончив с этим, Эсперар вернулся к своему месту сна, содрогаясь телом после случившегося.

Чем меньше он ощущал голод — тем большая волна истерики пыталась вырваться наружу.

Осколки воспоминаний десятков насекомых сливались в одно: ему казалось, что они ползают внутри его головы, рта и желудка, он даже мог слышать их.

Вскоре он разрыдался и принялся тихо скулить, не в силах унять это, после чего незаметно для себя самого уснул.

Пока он спал, воспоминания, как обычно, встраивались в его личность, но если спросить более конкретно, то он и сам не знал, каким именно образом.

Единственное, что он помнит — шевеления. Бесконечных цикл шевелений в чем-то и где-то, везде.

К счастью человека, он не знал, что каждый раз, когда он засыпал здесь — по его телу роились и ползали десятки тварей, будто ожидавших этого момента.

Некоторые пытались утолить голод его кровью, а другие могли полакомиться волосами или ресницами.

Впрочем, находились и те, кто способен откусить и кусочек кожи, но сон бедолаги был слишком крепок, чтобы это его беспокоило.

Но пока он спал — его тело понемногу зарастало, закрывая ранки новой кожей, не оставляя и следа недавнего акта поедания его части.

«Пора уходить отсюда и будь, что будет», — проснулся он с четкой и осознанной мыслью.

Голод притупится, паника ушла, а сам он на удивление спокойно себя ощущал, хотя и подозревал, что уже сошел с ума.

Однако, холод все ещё мешал — Эсперар молча поднялся и подошёл к шкуркам, с которых собирал вчера личинок, прокручивая сейчас весь этот процесс в голове с каменным выражением лица.

Даже не рассматривая их — он прижал стороной с мехом к самым замёрзшим частям тела и обмотал поверх теми тряпками, что были на нем.

«Что-то определенно щелкнуло в сознание. Странная перемена» — размышлял он про себя, пока занимался этим.

Затем заметил пальцы на ногах, что вновь слушались его и утратили свой темно-синий оттенок, поскольку теперь ему было намного легче ходить.

Хотя и это он ответил для себя лишь мимолётным фактом, ибо, как ему казалось, его уже ничем не удивить.

Примостив шкуры к телу, Эсперар сразу же вышел наружу и пошел туда, куда глядят глаза.

Вчерашняя буря утихла, позволяя передвигаться более свободно, а ветер будто бы делал послабление для уже сломленного человека, лишь слегка толкая того в бок.

Какое-то время он считал количество своих шагов по этим снежным широтам, но когда их количество перевалило за несколько тысяч — Эсперар отбросил эту идею.

Теперь его мысли переключились на более важные темы: он считает, знает язык, умеет говорить и ещё многое другое.

«Получается, я не помню событий и историй, но базовые навыки, что были вложены в мозг, как мышечная память, остались при мне?»

За этим и подобными ему размышлениями о себе, своей силе и осколках чужих воспоминаний, расставляя их по полочкам в голове, он шел дальше.

По пути несколько раз встречались различные ягоды: некоторые из них человек съедал, а другие проходил мимо, ориентируясь на память зверя, с которой к тому времени почти полностью разобрался.

Он продолжал идти, пока не осознавал, что идёт все медленнее, поскольку холод и голод ослабляли его.

Чтобы хоть как-то не думать о них и не поддаваться — он принялся учиться абстрагироваться.

Очень быстро у него это получилось и пришел Эсперар в себя лишь тогда, когда перед его носом показалась деревянное сооружение.

От этой находки он ободрился, но старался быть тише, медленно обходя ее по кругу и прислушиваясь.

«Изба охотника» — всплыло в голове человека, а память зверя подсказала, что в таких местах живут люди.

Не зная как быть, Эсперар не придумал ничего лучше, как последовать внутреннему ощущению, которое твердили ему толкнуть эту "дверь" и войти внутрь.

Так он и поступил, но постарался быть как можно тише.

Сразу же его обдал теплый воздух, исходящий изнутри, заставив его от приятного ощущения случайно промычать и зажмуриться, на миг растеряв всю концентрацию.

Уже сейчас его тело хотело предаться неге и улечься спать прямо на полу, но подобного позволить Эсперар себе, к сожалению, не мог.

После этого он сделал неуверенный и осторожный шаг вперёд, стараясь не издать ни звука, пока не оказался внутри.

Его взгляд зацепился за огонь внутри какого-то "очага", — как ему подсказал внутренний голос, но главное было не это.

«Опасность», — закричал в нем звериный осколок, а голос внутри дополнил его, дав понять, что в доме кто-то скорее всего есть.

Но человека был слишком изнурен, чтобы обратить на них хоть какое-то внимания.

Оставив за собой входную дверь открытой, он принялся обыскивать все, что казалось более менее съедобным по запаху.

Попутно решив окончательно довериться своим знаниям и внутреннему голосу, которые знали имена всех предметов в этом доме, не вызывая никаких сомнений в полезности своих способностей.

Было в них что-то очень родное, что не мог внушить ни один из осколков, поглощенных им, хотя их он знал намного лучше.

Эсперар решил слиться с ними, более не отделяя их от себя, а себя от них, благодаря чему сразу нашел несколько вяленых рыб, висящих над окном и кувшин, полный воды, который нашелся на столе.

Быстро проглотив рыбу и не обращая внимания на кости, он выпил так же и весь кувшин воды, после чего обернулся и застал странную картину.

В проходе к другой комнате стояла маленькая девочка с игрушкой в руке, которую сразу же выронила, стоило ей только увидеть лицо мужчины.

— Па-а... т-ты не... п-папа... Ааааа! — закричала она сразу после этого, на чей голос из-за спины этой малышки выскочила женщина.

«Всего лишь женщина, да что здесь такого страшного?» — хотел было подумать мужчина.

Но увидев в ее руках арбалет с заряженным болтом, направленным на него — он рванул со всех ног прочь из избы.

По пути на его глазам попала кочерга, за которую он тут же схватился, желая унести с собой, и которая заставила его замедлиться на краткий миг, что и спасло его от болта, летящего ему на опережение.

«Меткая», — с опозданием подумал он, слегка повернув голову, дабы посмотреть на нее и заметил второй арбалет в другой руке с ещё одним болтом.

Яростное лицо этой фурии явно говорила ему о том, что переговоров явно не будет.

К счастью, он был уже у выхода, и выбежав на улицы, сразу свернул в самую густую часть леса, продолжая бежать некоторое время, пока не убедился, что погони нет.

Остановившись, чтобы отдышаться, он с удовольствием рассмотрел свой трофей, добытый честным воровством под вражеским обстрелом.

Железяка, сделанная явно из какого-то тяжёлого, темного металла, совершенно непригодная для адекватного боя.

За это время погони она уже успела стать ледяной на ощупь, из-за чего ладони начали прилипать к ней.

В конце осмотра мужчина все же остался недовольным: ему пришлось развязать с шеи пару тряпок, дабы обвязать ими руки, хоть немного привнося ощущение комфорта от своего нового оружия.

Как только Эсперар закончил, уже было задумался, в какую сторону ему стоило бы двигаться, но тут же раздался волчий вой, что приближался к нему.

Глава 4 — Зов отмщения

Первая мысль, посетившая человека вопила громким криком: "Беги!".

Её уже в свою очередь поддержали все осколки памяти, ставшие частью его сущности.

Ни на миг не сомневаясь, он развернулся и побежал прочь в противоположном направлении от воя, пытаясь найти решение среди осколков.

Как и всегда, убитый им зверь, как самый старый и опытнейший, показал наибольшую пользу, будучи единственным, давшим ответ.

Но то, что Эсперар узнал, не утешало его ни на грамм, а лишь сильнее вгоняло в пучину паники.

Зверь сказал, что от этих существ ему не убежать с его-то скоростью, ведь чего стоит изнеможенный двуногий против молодых хищников с четырьмя лапами, специально приспособленных, чтобы догонять своих жертв.

Осколок сообщал, что времени его жизни оставалось лишь на несколько минут, пока те не догонят свою добычу.

В этой экстремальной ситуации решение прогремело, как гром среди ясного неба.

Вместе с тем приносящий с собой и дождевые тучи для орошения сухой землю, ведь у него появилась идея, а вместе с ней и надежда.

«Нужно вернуться к той женщине, ведь у нее есть арбалеты!» — звучала отчётливо мысль.

Считал ли он, что подвергает их опасности? Да, пожалуй так и было.

Но важно ли это было ему сейчас, когда за ним по пятам гнались твари, готовые отнять у него последнее, что у него осталось — его жизнь? Нет, это было совершенно не важно.

Вес собственная жизнь намного более весомей жизнью десятков других на этой чаше весов, когда смерть топчется у твоего порога.

Так он и бежал, спотыкаясь и задыхаясь в попытках быстрее добраться до нужного места.

Снег впервые в жизни так сильно злил его, мешая бежать ещё быстрее. Глаза затмевала туманная дымка.

Лёгкие жгло каким-то невыносимым, навязчивым жаром, а внутри ощущался острый, стальной стержень, мешающий сделать ещё хоть один вдох и сдавливающий грудную клетку.

Сердце, подобно боевому барабану, отбивало свои удары в его ушах и голове, заставляя ту пульсировать.

Вдруг за своей спиной Эсперар услышал рычание, на которое инстинктивно повернул голову, ощущая страх перед неожиданной атакой в спину.

Тут же он встретился взглядом с волком, чьи голубые глаза, такие же прозрачные и холодные, как у него самого, смотрели с особой жадностью на свежий кусок мяса.

В этот миг взор Эсперара укрыла кровавая пелена, забрав частичный контроль над его телом: он мог двигаться, но убежать от них — нет.

«Это он! Он пролил мою кровь! Я взываю к тебе за отмщением! Мне не найти покоя, пока он жив!» — зазвучал в голове человека какой-то совсем юный, навязчивый голос, отдаленно разбавленный голосом той самой ненавистной старухи.

Впрочем, времени обдумать все это у него не было: он видел надвигающихся на него четырех тварей, одна из которых будто излучала красный дымок со своего тела.

Эсперар сразу понял, что пока этот жив — он не сможет покинуть это место.

Либо его здесь ждёт смерть, либо он заберёт жизнь этого существа — четко ощущал человек внутри себя.

К счастью, нужный ему волк бежал на пару метров впереди других, видимо с особой, ненасытимой жадой и голодом желая попробовать его кровь и плоть.

— Что ж ты, тварь, так спешишь на свои похороны? — пробормотал он, ни на миг не переставая в голове строить план боя и совершенно не задумываясь о том, что за это за "похороны" такие.

Зверь раскрыл пасть, пригнулся в загравке и сделал рывок, оттолкнувшись лапами от снежной почвы, целясь в глотку человека.

Это понимал и сам Эсперар, который видел взгляд животного, целеустремлённо смотрящие на его шею.

Сейчас в его голове всплыло знание, что люди в экстремальных ситуациях способны на что-то невероятное, подражая скорости змеи и силе быка.

Правда потом расплачиваются за это порванными связками, сухожилиями и мышцами, а вместе с ними долгой и мучительной болью, но сейчас его это совершенно не волновало.

На одних лишь инстинктах и жадое выжить, он повернул свою кочергу, о которой вспомнил только сейчас, иначе ещё во время бега выбросил бы, как лишний вес, так, что один конец зашёл прямо в пасть волка, от чего тот попытался повернуть голову, уклоняясь.

Но человек резким движением вперёд вогнал внутрь глотки этой твари ледяной прут из железа, разорвав его

глотку и, как он сам надеялся, что-то из органов.

Его лицо тот час обдало смрадом из пасти зверя, сопровождаемая паром его горячего дыхания, что исчезал уже через мгновение.

Вместе с ним улетучивалась и концентрация к дальнейшей схватке.

Ещё мгновение и Эсперар получил сильный тычок в плечо, заставивший его ахнуть от неожиданности и сделать несколько шагов назад.

В разгаре боя, не ощущая боли, он понял, что его плечо прямо сейчас истекает кровью.

Все же один из волков добрался до него, отталкивая от своего товарища и причиняя вред.

Мгновением позже его зрение уловило движение ещё одной твари, благодаря чему с огромной долей удачи человеку все же удалось нырнуть с перекатом в бок, уворачиваясь.

Быстро поднявшись, он, не глядя, рванул вперёд из последних сил, поскольку ощущал, как ограничение того голоса отпустило его и он свободен в своих передвижениях.

Отсутствие тепла и воспоминаний сообщали ему, что волчара-убийца ещё жив, но его все равно больше ничего не сдерживало.

«Что бы это значило? Достаточно ли просто пролить кровь на землю, или он уже гарантированно умрет?» — не мог не начать анализировать ситуацию герой.

Впрочем, он быстро забыл эту мысль в своем-то положении, слыша рык недоброжелателей за спиной, не предвещающий ему ничего доброго.

Если бы Эсперар посмотрел сейчас на умирающее создание, то увидел бы, как кровь того вытекала и моментально впитывалась в снег, а вслед за ним и землю, вновь окрашивая поверхность в чистый белый цвет.

Вместе с потерей крови и красная дымка испарялась, уменьшаясь в своей густоте, а дополняло картину то, что тело ещё живого волка теряло всю свою массу, медленно высыхая и превращаясь в обтянутый кожей скелет.

Пока мужчина бежал, его несколько раз настигали эти твари, царапая когтями и клыками его ноги, из-за чего он ощущал, что ещё немного и оступится, предоставив тем прекрасную возможность.

Благо попытки поранить его смягчались гниющими обрывками шкур, которые он, по большей части, намотал на ноги, ибо те были самыми оголёнными и нуждались в тепле больше всего остального.

Но не пробежал Эсперар и несколько десятков метров, как мир в его глазах несколько раз перевернулся и его куда-то потянуло вверх от земли, отчего он заорал во всю глотку, больше не в силах сдерживать свой страх.

Ожидание мучительной смерти томили, растягивая краткие секунды в нескончаемые часы, но та все никак не наступала.

Или, быть может, из-за адреналина он и не чувствует вовсе, как прямо сейчас его разрывают на несколько частей?

С этой мыслью Эсперар все же открыл глаза и осмотрелся вокруг.

Его взгляд был перекрыт какой-то странного вида клеткой.

«Ага», — пронеслась у него мысль, узнавая сетку-ловушку, которая поднимает свою добычу над землёй, где она ждёт двуногого, поставившего эту сеть.

«Действительно, люди, будучи медлительны, всегда изощрались покрывать этот недостаток перед быстрыми четвероногими какими-то летающими кусками дерева, сетями или ямами», — пришлось по его мыслями мнение осколка зверя.

В одно мгновение из добычи волков он превратился в добычу для охотника, что, можно сказать, даже рассмешило бы его, если бы тот мог на этот миг осознать всю нелепость ситуации.

Где-то на задворках сознания Эсперар начал слышать нарастающий рык волков под ним — видимо освобождались от заложенности уши.

«Ух... А ведь здесь несколько метров высоты!», — заметил он и моментально осознал свое слишком спокойное поведение, которое тут же списал на только что пережитый стресс.

Впрочем, Эсперар зря радовался: как только волна адреналина начала сходить — его накрыло такой болью, которую до этого он ещё не испытывал ни разу, от чего заорал сквозь зубы и принялся ворочаться, крепко сжимая в кулаках сеть.

Это было встречено дружным воем и рычанием поддержки со стороны волков, что для человека звучало так, будто они смеются над ним.

Потеряв счёт времени, он лишь ощущал, как сорвал глотку от крика, из-за чего сейчас из ротовой полости раздавались лишь сиплые стоны, а сил становилось все меньше и меньше, но внезапно его разум пронзила другая боль.

Приятная, что прошлась волной тепла по телу, принося частичное облегчение.

А вслед за этим и воспоминания, но человек тут же применил то, чему научился за это время: максимально абстрагировался, погружаясь в себя и направляя эту память не напрямую в тело и мозг, но на полки библиотеки

знаний, что представлял в разуме, готовую в любое время быть вытащенной оттуда и прочитанной без спешки.

Что от части у него действительно получилось, ведь волчьи воспоминания он укомплектовал туда полностью.

Но тут же произошло то, чего Эсперар никак не мог ожидать: его наполнила вторая волна, состоящая только из памяти, которая моментально накрыла его с головой и он отключился от избытка информации, разрывающей его разум.

Ему снилось, что он был молодым юношей двадцати лет.

У него не было семьи, поскольку отец погиб в одном из конфликтов между странами хотя даже не был воином, а матери он и не помнил вовсе, поскольку та покинула этот свет слишком рано.

Но он был не один: у него была прекрасная старшая сестра, которая заботилась о нем долгие годы, заменяя родителей.

Увы, но та зима была особенно жестокой: многие слегли, в том числе и столь любимая им сестра.

К его сожалению нужно растение для отвара, чтобы спасти сестру, просто-напросто закончилось.

— Нет, ты не можешь меня оставить! Я ещё не оплатил тебе за твою доброту... Сестрёнка, умоляю тебя... Проснись... Ты очень мне нужна... — слезы застилали его взгляд, заставляя рыдать навзрыд.

Он видел, как прямо на его глазах сестра увядает день за днём, словно цветок без подпитки Солнца и воды и больше не мог этого выносить.

Положив на жертвенник Бенигнусу все свои сбережения, веря, что как его брат не способен его догнать, так и никакой зверь не сможет поймать юношу, а затем отправился в одиночестве за нужным ему цветком.

— Дождись меня, я скоро вернусь и мы вновь будем счастливо жить! Отныне всегда и во всем буду помогать, тебе не придется нести все на своих плечах одной, — Его глаза были полны решимости, пока он бормотал себе под нос эти слова.

В пути юноше везло, и помимо нужного цветка, он нашёл ещё несколько редких растений, которыми окупил бы сумму, оставленную на алтаре.

Он ощущал, что получил благословение от божества и теперь все ледяное море ему по колено, став лишь теплой водицей летнего ручейка.

— Когда я вернусь, то половину суммы отдам алтарю, а на остальную куплю сестрёнке чего-то сладкого! — решил он для себя.

Но всему хорошему когда-то обязательно наступает конец, привнося новые вехи в жизнь человека — юноша услышал волчий вой, что стремительно приближался к нему.

— Нет, только не это! — в его глазах мелькнула инстинктивная паника.

Но по-прежнему веря, что его не догонят — он побежал от них, однако реальность отличилась от ожиданий.

Один из стаи волков был быстрее своих собратьев, вцепившись ему в ногу и не позволил убежать.

Внезапно юношу охватила волна липкого и беспросветного отчаяния, отчего он закричал.

— Нет! Постой! Меня ждёт сестра, она совсем одна! Я должен ей помочь! Не-е... — оборвались его слова вместе с тем, как один из них прокусил его горло.

Звери совершенно не понимали его язык и чувств, не считаясь с ними и даже не давая жертве времени убежать.

Впрочем, даже если бы и понимали, то зов чрева заучить громче чужой мольбы.

Спустя несколько дней и его сестра отправилась вслед за ним, а он, наполненный злобой, осквернил землю своими эманациями, пропитав ее лишь мыслями об отмщении и ненавистью.

Это был один из самых скверных снов, что снились Эсперару за эти несколько дней.

Пробуждение было очень странным: затекшее тело, что в ответ на каждое движение отдает дикой болью, от которой человек, сжав зубы, стонал при каждом шевелении.

Он наконец понял, что было с обморожением и что происходит.

Часть забранной силы тратится на восстановления тела.

Это было определенно хорошей новостью, однако сейчас это совершенно не помогало и все его тело разрывалось от дикой боли, но хотя бы кровотечение остановилось.

«Как там во сне было? "Но всему хорошему когда-то обязательно наступает конец", так вроде? Зараза, ну и сон! Впрочем, похоже, это работает и в обратную сторону: всему плохому тоже наступает свой конец», — человек был доволен, ведь сейчас было много хороших новостей, которые не могло омрачить даже его нынешнее состояние.

Эсперар узнал много важного из этих отрывков жизни юноши.

Каких же именно? Ну, тут всё просто.

Учитель юноши часто ему повторял, чтоб он не недооценивал старое зверье, ведь те, кто питаются свежей

плотью людей, каким-то образом приобретали и мышление, отдаленно напоминающее человеческое.

И вот, казалось бы, осторожен ты с молодняком, который полон силы и ловкости, а те медленные, уже ставшие старыми, хрупкие твари на один зубок?

Как бы ни так, бывали случаи, когда эти твари делали примитивные ловушки, разрывая лапами ямы и вставляя туда острые палки своими клыками, потом закрывая это поверх какой-то веточкой и сухой листвой.

Так что, объем информации хоть и был мал, но невероятно ценен. Ощущалось, будто эту информацию специально для него отфильтровали от всякого мусора.

«Ну, а теперь ближе к сути: это что такое вообще было? Что за голос? Почему он не позволил мне выбрать самому?» — продолжал размышлять мужчина.

— Проклятая старуха! — в очередной раз к одному и тому же выводу он пришел.

Да, это было невероятно полезно с точки зрения информации, но его жизнь была на грани — он бы не хотел повторять подобного снова.

«Предупрежден — значит вооружен», — он пробовал на вкус звучание новой фразы, которую узнал из какого-то осколка.

Но эта фраза сейчас была максимально актуальной: ему нужно быть готовым в следующий раз не поддаться этой жажде крови.

Закончив со своими размышлениями, Эсперар закрыл глаза и замер, как казалось со стороны.

На самом же деле в это время внутри себя он просматривал воспоминания волка, представляя библиотеку с множеством книг, одна из которых носит на обложке волчью морду.

Изучив ее от начала и до конца — человек открыл глаза, в которых на миг блеснуло что-то хищное.

Что-то, что не опустилось бы до поедания падали, предпочтя лучше голодную смерть.

Настоящий хищник в своем истинном облике и со свойственной ему злобой.

Впрочем, это быстро прошло, а на Эсперара навалилась такая сильная усталость, что тот быстро уснул.

К счастью, он переварил уже все доступные знания и сны в этот раз его не тревожили — впервые за эти дни он спокойно уснул, насколько позволяла погода, положение тела и боль от любого движения.

Его разбудили скулеж волков, отборный мат мужского голоса и еле слышный звук стрельбы из лука.

Прямо под ним сейчас происходила битва между человеком, полностью закутанным в шкуры, с луком и колчаном стрел за спиной, и тремя оставшимися в живых волками.

Впрочем, нет, спросони он ошибся, — это была бойня, а не битва.

Первой же стрелой он принес смерть, попав точно в глаз, второго подстрелил ещё двумя стрелами на подходе к нему, а третий добежал и кинулся, но человек среагировал вовремя, просто пнув того ногой прямо в воздухе.

От удара волк завалился набок и моментально был прижат к земле массивной ногой этого силача, после чего тот просто всадил рукой стрелу в раскрытое волчье око, обломав древко.

Сколько прошло? Не больше минуты. Герой так и висел над землёй с растерянным лицом, вспоминая свою битву и ощущая какой-то непонятный стыд и неловкость.

Странное дело, ещё недавно думаешь только лишь о том, чтобы выжить, а сейчас уже соревноваться с кем-то пытаешься!

— Твари, обычно сюда не забредают ведь, чего забыли то здесь? — бурчал себе под нос этот пугающий своими умениями мужик, проходя между волков и вырывая из них целые стрелы.

Подойдя к сетке, он подняв глаза и уставился на пленника своим тяжелым взглядом. Тишина затянулась.

— Вот этого и забыли видать. Кто таков? — все же снизошёл до диалога лучник.

— Руун, — ни секунды не раздумывая соврал герой, назвав имя юноши из сна.

— Ловушку зачем попортил? — ворчал он.

— ... Не увидел. Случайно, — после небольшой паузы, растерянно пробовал под нос Эсперар.

— Ну, коль случайно, коль не увидел, то сиди дальше, — после этих слов лучник развернулся и занялся своими делами, совершенно не обращая внимание на человека в сетке.

Герой молча наблюдал, как этот странный человек стащил волчьи тела друг ко другу, найдя и то, что было с кочергой в пасти, а затем, достав из-под пояса нож, которого раньше просто не было видно, просто сел на снег и принялся их разделять.

Сперва человек, назвавший себя Рууном недоумевал и хотел было что-то сказать, но быстро увлекся просмотром мастерских навыков потрошения, стараясь запомнить хоть частичку.

Конечно, его не могла не искушать мысль, что стоит только отобрать жизнь этого существа и все будет принадлежать ему, но он быстро взял себя в руки, отказавшись от нее.

Как только он снял четыре шкуры и закинул их на плечо, зачем-то забрав с собой и кочергу, подошёл к верёвке, удерживающей Рууна в ловушке и просто перерезал ее, бросив напоследок:

— Пойдем, болезный.

Упав на землю со стоном, герой с трудом выпутался из остатков сети, крепко сжимая зубы, дабы не стонать от боли во всех мышцах тела и молча последовал за этим человеком.

Глава 5 — Пограничные земли

Двое путников наконец вышли к избе, слегка заваленную снегом со всех сторон.

Сама постройка состояла из бревен темного дерева и треугольной крыши, полностью укрытой снегом.

Над крышей виднелся дымоход, откуда валил густой дым, при виде которого спасённый предвкушал тепло, что встретит его внутри.

Несколько окон были закрыты ставнями, не позволяя ему хоть что-то рассмотреть.

Лишь с чердачного проема на них любопытно взирали совсем юные девичьи глазки, окутанные в мех.

Верно, это был тот самый дом, из которого ещё недавно он бежал, спасая свою жизнь под арбалетный обстрелом.

Руун замер при виде этой ситуации, не зная, как теперь себя вести и что сказать — это не осталось незамеченным для охотника.

— Не бойсь, парень, я не в обиде. Хотя чего таить: сперва шел за твоей башкой. Ну и наследил же ты за собой — тебя смогла бы выследить даже моя дочурка. А за то, что приманил волков — мы в расчёте, — его щетинистое лицо озарила яркая улыбка.

Толкнув дверь и шагнув за порог, он громко крикнул:

— Риса, нашел я этого бегуна. Ты ошиблась — это не беглый раб и не разбойник, лишь заблудшая душа. Насыпь ему миску теплой похлебки, да подкинь дров, пусть отогреется.

Тепло сразу же приветливо обволокло своими нежными объятьями замёрзшего и усталого гостя с дороги.

Зайдя в дом вслед за ним, он увидел стройную женщину средних лет, хмуро, прищуриив глаза и поджав губы, смотрящую на него.

Ничего не сказав, она ушла из гостиной. Воцарилась тишина на несколько минут, во время которой незванный гость мог наблюдать, как снег, налипший на его ноги и штаны, оказавшись под воздействием тепла, скоропостижно таял.

Вернувшись, жена охотника поставила на стол деревянную тару с едой, от которой все ещё шел пар, призывно маня его, а рядом такую же деревянную ложку.

Приятный запах ударил по его ноздрям, заставляя сглотнуть слюну.

Руки гостя подрагивали от нестерпимого желания скорее накинуть на это неприхотливое, но столь прекрасное для него сейчас блюдо, из-за чего пришлось подключать всю силу воли, чтобы держать себя в руках.

— Ешь, болезный, — бросил ему охотник, сев неподалеку от него и принялся обрабатывать шкуры.

Срезая с них остатки мяса и жира, он бросал их в огонь, моментами вскользь проходясь взглядом по герою и отчего-то морщась.

Руун, не обращая на него никакого внимания, тут же подошёл к столу, на котором сейчас и стоял объект одного из самых вожделенных его желаний.

Сев на обтесанный пень, заменяющий собой стул, Эсперар увидел и дополнение к похлёбке: ломтики чего-то плоского, отдельно расположенные от тарелки.

Он быстро схарчил всю предложенную ему еду, уплетая ту за обе щеки, не успевая жевать, в том числе и все хлебцы из заболони, как ему подсказала память.

После первой порции, гость получил и вторую с милости хозяйки домашнего очага, издали наблюдавшей за ним.

Той польстило то, с каким аппетитом ел еёстряпню этот странный мужчина, отчего ей стало того жаль.

Закончив с едой, его глубоко потянуло в сон, поскольку многострадальный организм наконец расслабился и согрелся.

На улице разыгралась непогода, злобно завывая, что ещё сильнее располагало Эсперара впасть в сонную негу, оттого он сейчас не там.

Его взгляд напоследок прошёлся по дому: два прохода без двери в них, за одним из которых было видно деревянную лестницу, ведущую вверх, видимо на чердак.

В этой же комнате, прямо посреди дощатого пола, он заметил люк, за которым должен быть спуск в погреб.

Гостиная была небольшой и наполняли её лишь несколько шкафов без дверц, заполненных множеством полочек, на которых в основе своей был свален всякий хлам.

Детские игрушки, клубки ниток, сложенная одежда и другое, что предстало его глазам, дошедшим до нужной кондиции тяжести, из-за чего те закрылись.

Прямо перед тем, как уснуть, последнее, что он увидел — несколько трофеев-чучел на стенах этого дома.

Одна из голов, увиденных им, принадлежала точно такой же твари, которую Эсперар ещё совсем недавно пронзил украденной кочергой.

Смотря в эти холодные, стеклянные глаза трофея, будто утопая в их жестокости, дрёма окончательно настигла его.

Громкий стук в дверь и чей-то голос за ней вырвал Эсперара из столь сладкой сна, не позволяя тому полностью в него погрузиться.

— Мрат! Это я, открывай!

Отвлёкшись от своего занятия, охотник поднялся, тяжёлыми шагами шествуя к двери и молча отворяя ее.

После секундной паузы, во время которой он рассмотрел своего гостя, хозяин дома отошел в сторону, впуская того внутрь.

— Ну наконец-то. Проклятая погода! Насколько часто она может так сильно портиться? Будет ли этому конец вообще? — негодовал новоприбывший.

Стоило герою увидеть этого незнакомца, излучающего красный дымок, как в его разуме вновь что-то изменилось, охватив жгучей ненавистью и жаждой крови — он вновь ощутил зов к отмщению.

— Мгх... — издал он сдавленный стон от неожиданности.

К счастью, в это мгновение на него не обратили внимание, поскольку звук метели с улицы все заглушал.

«Убийца! Предатель, бросивший нас умирать! Не прошу! Забери его жизнь! Пусть сдохнет! Месть! Месть!» — раздалось множество голосов в его голове, которые с каждым новым словом лишь множились, завершая эту тираду десятками глоток.

Сжав зубы, он закрыл глаза, опуская и зарывая голову в ладони, в попытках убежать от этих навязчивых голосов и сдерживать себя в руках.

Прямо сейчас внутри него шла борьба — Эсперар стоял посреди кровавого моря, что било по нему волнами безумия, обдавая своей особой солью, имя которой "ненависть", рождающая в нем лишь боль.

Они накрывали его с головой, стараясь сбить с ног, чему человек всеми силами и сопротивлялся.

А между тем, время снаружи не останавливалось и жизнь протекала своим чередом.

— Ты закончил свою заготовку шку-у... Твою мать, это что за вонь, Мрат? — моментально переменялся в лице новый гость, повысив тон и выражая максимальное отвращение в своей мимике.

Хозяин дома лишь хмуро указал на своего гостя пальцем, в направлении которого тотчас и посмотрел этот мужчина.

Увидев Рууна, в его глазах отразилось презрение и недоумение, которое он тут же направил на охотника:

— Что за шваль ты домой таскаешь?.. Впрочем, стоп, не важно, твой дом — твоё дело. Мне нужно к вечеру вернуться в гарнизон. Остальных уже обошел, ты последний. Показывай шкуры и быстрее разойдемся, я ещё хочу успеть к ужину и нормально отогреться перед сном, — сказал он, после чего пошел внутрь дома, не став ждать реакции от охотника, попутно закрыв свой нос ладонью.

К этому времени герой относительно неплохо справился с ненавистью: она его больше не контролировала, но медленно разбедала изнутри, прожигая себе выход наружу.

— Сиди здесь, — бросил хозяин дома, пристально всмотревшись в героя.

После чего направился за незнакомцем, но, скользнув взглядом по кочерге, остановился.

— И не смей больше ничего прикарманить, иначе живым уже не уйдешь, — Мрат явно был в плохом расположении духа, сверля взглядом спасённого им человека.

Так и не дождавшись ответа — он ушел, оставив Рууна в непонятном ему настроении.

«Больно надо! Урод!», — возмущался про себя Руун.

«Вроде бы и накормили, и согрели, что ещё нужно человеку для счастья? Да только ощущение, что собаке кость бросили, предварительно плюнув на неё», — все не мог успокоиться он.

«И что за незнакомец вообще?» — резко переключились его мысли на человека с русыми, длинными волосами и короткой бородой, что прошел мимо него.

«Одежда из шкур, поверх которых были приделаны разные части металла, формируя собой доспехи, явно принадлежали не простому охотнику», — размышления продолжали течь в своем направлении.

Его мысли принялись вспоминать двуручную секиру, приклеенную за спиной нового гостя, лезвие которой было покрыто какими-то ручными узорами, но увы, значения оных он не знал.

Так же ему запомнился уродливый бурый шрам, проходящий от лба по глазу вниз, заканчивающийся посреди щеки и татуировка на тыльной стороне ладони темно-серого, почти черного оттенка, которую он так и не рассмотрел.

Между тем разговор двух мужчин явно пошел не так, как изначально им хотелось, поскольку Руун сейчас слышал их повышенные тона.

Сперва он пытался вычленив из их разговора, но выделялись лишь редкие слова, из которые ничего не получалось сложить.

Оставив эту затею, Эсперар закрыл глаза, продолжая нежиться теплом.

Минуту не смешно тянулись, а лёгкий, мерный треск дров в огне, что он слышал, нагонял сонливость.

Спустя небольшой промежуток времени они вернулись, вынуждая его все же открыть глаза.

Неприятный ему гость держал за спиной тюк скрученные шкур, обвязанный веревкой, в то время, как лицо охотника явно стало светлей.

— Значица, слушай, болезный, это, — указал Мрат рукой на шрамированного, — Рас — он воин на службе нашего королевства со званием десятника. И сейчас у них острая нехватка бойцов...

На этих словах Руун сосредоточил свой взгляд на объекте мести и его дыхание тут же перехватило.

С трудом сдерживая желание зубами впиться в глотку этому человеку, его взгляд наполнился злобой.

— Слыш, жук-вонючка, у тебя что, глаз лишний? Так я мигом это исправлю, — схватился за рукоять своей секиры Рас, что тут же помогло герою сосредоточиться и взять себя в руки, слегка тряхнув головой.

— Выбор у тебя невелик, — дождавшись наступившей тишины, продолжил Мрат, — ты уходишь, куда глаза глядят, и уж прости, но оставлять тебя на ночь, с твоей то харей, я не собираюсь. После того, как накормил — сполна оплатил долг совести за шкуры. К тому же, вор-вонючка под боком в доме, когда я сплю, мне совершенно не нужен...

Его взгляд стал более задумчивым и герою показалось, будто он в чем-то сильно сейчас сомневался.

Сделав небольшую паузу, мужчина все же продолжил:

— Либо же ты можешь поступить на службу королевства, вступив в армию.

На какое-то время воцарилась тишина, во время которой Руун размышлял.

«Да сдалась мне эта армия? Я боюсь представить, сколько там таких же, как этот шрамированный урод, о которых вопит зов мести. Так и с ума сойти можно, накинувшись на первого попавшегося»

Но ни смотря на это, червь сомнений все же подъедал его, когда он вспоминал о недавней метели снаружи и своих обязательствах.

«Проклятье!.. Я же не могу отказать — метка привязалась к нему и мне не уйти! Старуха, зачем тебе эти игры со мной?», — закипал Эсперар сам в себе.

Уже планируя соглашаться, поскольку выбора у него на самом деле и не было, он услышал новую тираду.

— Слушай сюда, навозник, — взял в свои руки слово Рас, видимо по-своему истолковав тишину, — Дранные Лакорцы у наших границ всячески прощупывают нас. Мы жизни там отдаем, чтобы такие, как ты, могли тут свободно охотиться на зверье, и почивать себе тихо и мирно в домах лесничих. И знать, что я грудью защищаю подобных тебе, заставляет меня задуматься о дезертирстве, чтобы ненароком не получить нож в спину от швали подобной тебе, — с первого взгляда почему-то сильно не понравился герой этому солдату, — от него исходило что-то такое, из-за чего он ощущал дискомфорт каждую секунду рядом с ним.

Не в силах больше держать себя в руках, Руун за секунду продумал, как он сейчас поднимется, кинется на него, повалит, прижмет к полу и загрызет, вот так вот просто, зубами, но тут же ощутил тяжёлую руку Мрата на плече, прижимающего его к сидению из пня так, что будь на его месте обычный стул из дерева, то он уже развалился бы, — он не мог даже приподняться, что моментально охладило его пыл.

Герой некоторое время сверлил взглядом Раса, который даже не удосужился взглянуть на него после своих слов.

— Я пойду с тобой, — сквозь сжатые зубы произнес Руун, всеми фибрами души ненавидя в первую очередь старуху, которая не оставила ему даже выбора в этой ситуации.

Охотник довольно кивнул на принятое решение и убрал руку.

Заранее подозревая, что общение у них между друг другом не заладится, он решил оказать последнюю услугу герою этой истории:

— Рас, проведешь инструкцию ему?

На этот вопрос воин явно остался недоволен, судя по тому, как он нахмурился, но все же медленно, подбирая слова, произнес:

— Идешь со мной в лагерь. Специальный служащий из штаба поставит на тебе знак, воинскую принадлежность, — с этими словами он поднял свою правую ладонь тыльной стороной и Руун наконец смог рассмотреть, что там было.

Он увидел изображение драккара с раскрытым парусом, посреди которого красовалась золотая корона, зубастая и злая голова дракона на форштевне, тогда как хвост, покрытый шипами заменял ахтерштевень.

Всё это великолепие было изображено прямо на круглом щите, края которого были обиты темным железом, по которому по всей окружности были различные руны, излучая свет различных цветов.

И закончил всю эту картину замок, являющийся фоном для щита, горда возвышающийся на заднем фоне, создавая ощущения величия и несокрушимости.

Под всем этим шли слова в две строки: "Рас, десятник, королевство Долор", открыл для себя человек осознание, что и навык чтения в нем имелся, правда не зная, от настоящего ли Рууна, или все же из той самой

"мышечной памяти" мозга.

От увиденного он на миг забылся и приоткрыл слегка рот, что не осталось незамеченным для воина, который презрительно улыбнулся лишь уголками губ, продолжая свой рассказ:

— Контракт заключается на пол года, после чего ты волен идти на все четыре стороны, либо заключить новый контракт. Знак при желании можно убрать у того же шпабного служащего, — замолчал он, вспоминая, все ли сказал.

— если захочешь когда-то вернуться на службу и продолжить с тем же званием или оставить на память — наконец вспомнил остальную подробности, — уходишь так, без надобности подходить к нему же, однако знак становится черно-белым, теряя свой действующий статус, потому что его нужно подпитывать каждые пол года.

— А... — все ещё не придя в себя хотел на автомате задать вопрос Руун.

— Человек, ответственный за знаки — специалист в пране, которая гравирована на твоей душе этот знак, — каким-то образом угадал он вопрос, видимо далеко не впервые рассказывая такие вещи, — но такое возможно только при добровольном согласии. Который, в свою очередь, посредством той же праны, заполняет твоими данными кристал-архив в столице, а он уже связан кристаллами других стран, что служит своего рода идентификатором твоей личности для каждого, и ты можешь более спокойно передвигаться по родному королевству и не очень по другим.

— Но... — попытался было вставить герой, но был резко прерван.

— Все, хватит вопросов, я не знаю подробностей, как это работает, прими как факт и лучше просто слушай.

Мозг Рууна все больше и больше путался от обилия информации, начиная болеть, или же ему просто казалось, что он болит, — до такой степени терялся от этого всего герой.

— Потом пойдешь к интенданту за доспехами, тебя направят. После чего к распорядителю лагеря, он определит тебя дальше. С остальным разберешься на месте, — поставил он точки в этой теме.

— Но теперь у нас есть ещё одно очень важное дело: я уважил твою просьбу, Мрат, с тебя должок. А теперь уважь мою: раз уж тебе этот вонючка так понравился, что ты дал мне пару шкур бонусом за его доставку в лагерь, то отмой его сперва, иначе меня внутрь не пустят, оставив ночевать на земле вместе с этим чухонцем вне лагеря — сказал он, кивнув головой на героя.

Следующий час Рууну пришлось с трудом пересиливать себя, чтобы омыться в ледяной воде неглубокой речушки, протекающей от дома охотника, и не замёрзшей лишь благодаря сильному течению.

С одной стороны он был рад смыть грязь, пот и засохшую кровь, но скользкие камни на дне, из-за которых он вот уже несколько раз чуть не упал с головой в воду, да и сама по себе вода промораживала его до самой глубины всех потаённых его частей души и тела, не оставив ничего незатронутым в нем, заставляя спешить закончить это дело.

После множества криков, ругани и проклятий, он все таки нагой выбежал из воды и уже потянулся к своим обноскам, но охотник наступил на них ногой и покачал головой, вместо этого протянув другой комплект одежды.

Она оказалась почти такой же, что была на нем до, но целая, что сильно обрадовало его.

Жалеть о теплых обрывках меха, среди своего прошлого тряпья, он не стал, поскольку удобность этой одежды перекрывала все негативные моменты.

Разобравшись со всеми мелочами, Руун и Рас были отправлены Мратом в путь.

После того, как он проводил их взглядом — зашёл в свою избу и закрыл дверь.

Наконец показались его жена и дочь, которые до этого момента были тише воды и ниже травы.

Наспех поужинав с ними и пообщавшись, он спустился в погреб, предварительно зажегши факел.

Внутри все было заложено овощами и деревянными бочками, плотно закрытыми. В одном из углов были сложены запасные инструменты и даже несколько топоров, отдельно от всего остального ожидали своего часа рядом с пятёркой колчанов, забитых стрелами, — вокруг по итогу было мало свободного пространства

Его жена думает, что он пошел проверять пиво, забродило ли оно, а значит у него около получаса.

Найдя потайной уголок, он нажал на него, открыв небольшую комнатку за ним.

Пройдя внутрь, он поставил факел в специальный держатель и окинул взглядом стол.

Бумага, письменные принадлежности и какое-то маленькое существо, напоминающее что-то среднее между кротом и крысой в самодельной деревянной клетке.

Подойдя к столу, он быстро что-то написал на листе бумаги, после чего свернул его и завязал ниткой.

Затем достал существо и привязав к нему — отпустил в щель в углу комнатки, достаточно узкую, чтоб он не мог развернуться и шел только вперёд.

Почему бы ему не идти назад? Дело в том, что если у этих существ подрезать нужные сухожилия на задних лапках, то они теряли такую способность.

Всё, дело сделано. Теперь это послание дойдет, куда надо.

Мрат приподнял свою меховую кофту, оголив область около сердца, где на коже постепенно проявился знак:

старый и ржавый капкан, посреди которого как приманка лежит блестящий и острый кинжал с инкрустированными драгоценными камнями в его ручке, а все это действие оплетают четыре теневого хвоста.

Надпись под знаком гласила: "Мрат Герус, крысолов".

«Буду ждать нашей новой встречи, Руун», — какое-то время задумчиво он смотрел на знак, после чего тот пропал и "охотник" покинул это место, забрал с собой факел.

Тем временем сам герой с Расом молча шли сквозь лес.

Лес сам по себе ничем не выделялся: все те же зачастую голые прямые деревья, увешанные снегом, лишь изредка какое дерево отличалось от остальных: где-то осталась листва, где-то в целом вместо листвы были зелёные иголки, но таких встречалось здесь не так уж и много.

Солдат приказал идти впереди, поскольку, как он сказал: "не стану подставлять тебе спину".

Но и самому героя было не по себе, когда за его спиной шел убийца, поэтому он постоянно старался боковым зрением следить за его движениями, из-за чего его скорость падала и его подгоняли ленивым пинком, от которого он просто уворачивался, ускоряясь вперёд.

Чем дальше они шли — тем меньше становилось деревьям вокруг, будто они шли куда-то к поляне.

Часто были слышны различные звуки: вой волков, рев каких-то неизвестных зверей и завораживающие приятные звуки исходящие от верхушек деревьев, на которых он замечал разных птиц.

Но в большинстве своем настораживающие звуки все же звучали вдалеке, лишь только изредка на периферии зрения мелькали какие-то фигуры очень далеко от них, что так и не решились приблизиться к ним.

Вскоре они вышли к дороге, на подступе к которой уже был слышен гомон голосов.

Дорога состояла из плоских камней, как можно плотнее прижатых друг к другу, под которыми можно рассмотреть жёлтый песок, и была она достаточно широкой, чтобы здесь могли проехать две телеги бок о бок друг с другом.

Оказалось, что это был десяток Раса, состоящий впрочем лишь из восьми человек с телегой, в которую они и грузили шкуры для лагеря и прочие мелочи.

Они сидели у нескольких разведенных костров при дороге и каждый был занят своим делом: кто-то похабно шутил с друзьями, некоторые точили свое оружие, а другие спаринговались друг с другом в борьбе, скинув железные части доспехов.

Дождавшись возвращения десятника, они тут же затушили костры снегом и собравшись в путь — тронулись.

В целом настроение у всех было не очень хорошее, поскольку все осознавали, что в лагерь придут затемно, что лишало их теплого ужина.

И причина шла прямо перед их глазами, что позволяло им хотя бы взглядом срываться на нем.

Они шли быстрым темпом, пока уже на самих подступах не настигла их темнота, из-за чего им пришлось зажечь несколько факелов и настороженно вглядываться в темноту и слушая звуки вокруг, замедляя общий темп.

Так они и дошли без происшествий до лагеря.

Рас быстро доложил на блокпосте и прошел внутрь вместе со своим десятком.

Руун тоже планировал войти, но его остановил один из солдат, указав рукой на одну из палаток, которая возвышалась над всеми другими в лагере, говоря, что ему туда.

Так и поступив, он замер у порога, не зная, как быть, но вскоре оттуда вышел мужчина в роскошной одежде.

В основном она состояла из того же меха, но в отличие от воинов вокруг, на нем не было брони, но вся одежда была обвешана золотыми украшениями и цепочками.

Молодой человек с короткими волосами жёлтого цвета и отсутствием бороды заметил нерешительный взгляд героя и все понял сразу: новобранец.

Было что-то в его взгляде слишком пренебрежительное, и одежда и вид героя тут уже был не причем, как будто этот взгляд был природой этого человека.

Быстро окинув взглядом руку Рууна, он кивнул сам себе, подтверждая что-то лишь ему одному известное и решил не тянуть:

— Имя?

— Руун.

— Протягивай, ладонью к земле, — герой решил молча подчиниться, предвкушая что-то особенное, но к его разочарованию все прошло за мгновение: этот блондин просто положил свою ладонь поверх и через секунду убрал.

Лишь на миг он ощутил неприятное жжение, и вот уже на нем точно такой же знак, что и на Расе, но с другой надписью: "Руун, новобранец, королевство Долор".

Когда он поднял глаза — блондина нигде не было.

Изучив взглядом округу, Руун отметил, что шатры и палатки в лагере были разные и очевидно разность их заключалась в воинской принадлежности или некой иерархии: чем выше звание — тем роскошнее шатёр.

Так он заметил сотника без доспехов, входившего в, как казалось, собственную палатку, вход в которую сторожили двое солдат.

Немного пройдясь по лагерю, он набрёл на маленькую потрёпанную палатку без стражи.

"А вот и хоромы для новобранцев..." — безрадостно подумал Руун.

Вскоре по указке солдат он быстро нашел интенданта, что после некоторых возмущений, мол, "на всякий новобранцев ещё доспехи подбирай", он все же достал потрёпанный кожаный нагрудник с парой дыр в нем и вполне пристойные сапоги.

На вопрос, все ли это, он сказал, что больше ничего подходящего на Рууна нету, пренебрежительно посматривая на его знак, но все же бросил ему нормальный пояс и короткий меч, явно выдавшим лучшие времена.

Герой так устал за этот день, что молча приняв этот факт — он вышел и пошел искать распорядителя.

Так же он частично решил проблему с зовом: тут были ещё люди с такой же дымкой, но никакой реакции не вызывали.

При этом герой ощущал Раса, примерно представляя его местоположение и осознавая, что не может слишком далеко от него не уходить.

Видимо сила акцентировалась на одном объекте, пока тот не умирал естественной или не очень смертью.

«Что же, хоть какие-то побрякки и хорошие новости», — вздохнул он про себя, не находя уже сил даже на маленькую радость.

Вскоре нашел и распорядителя, который сказал ему, что уже поздно, пусть придет завтра с подъемом, а пока отправляется спать.

Получив указание, один из солдат на страже этой палатки проводил Рууна до свободной койки, которая была простым спальником на земле, в одной из палаток новобранцев, на которой он мгновенно уснул.

Утро Рууна началось странно: он не мог определить, хорошее ли оно или плохое.

После того, как рано утром его разбудил звук горна, служивший в местном лагере сигналом к пробуждению, он снарядился в свои новые вещи: кожаный доспех, сапоги, да пояс, на который повесил свой короткий меч, предварительно решив осмотреть его.

Зрелище оставило его безмолвным: туповатое лезвие, слегка затронутое ржавчиной, а в некоторых местах были видны сколы, — как бы меч не сломался при первом же ударе.

Засунув меч обратно в ножны на поясе, он все же отправился к распорядителю.

Немного подождав у его палатки, пока ее хозяин приведет себя в порядок, тот все же принял Рууна.

Спустя ещё десять минут перед ним стоял ещё и Рас, который сейчас недовольно косился на героя, догадываясь, в чем дело.

— Значит так, Рас, ты его притащил — значит вы уже знакомы. Какая прекрасная новость, не так ли? И вот так совпадение, кажется твоему отряду нехватает людей? Вау, да эта ситуация будто создана самими богами для тебя. Короче, ты меня понял? — с провокационной улыбкой довольства на Раса смотрел гладковыбритый мужчина с зелёными глазами и стрижкой-ежиком.

После этих слов десятник ещё сильнее нахмурился, но все же молча кивнул, пробормотал что-то вроде: "да, сэр".

— Береги новичка, чтоб не случилось того, что ещё долго будет мешать твоей карьере, — предупредил он его, после чего назначил распорядок дня для его отряда.

Рууну лишь оставалось наблюдать за этим всем со стороны.

Так в чем же неясность утра? Ну, с одной стороны он теперь был рядом с тем, от кого уходить не должен и обязан забрать его жизнь. А с другой, да, он теперь должен быть рядом с тем, кто явно его ненавидит, — вот такой казус вышел с героем.

Неприязнь по отношению к герою Рас выразил сразу, как только они вышли из палатки и молча ушел, игнорируя Рууна на протяжении всей следующей недели, в течении которой он осваивался здесь.

Сперва он молча следовал за десятником, но вскоре начал проводить время с остальным десятком, который показал ему, как все устроено, ни смотря на неприятное первое впечатление.

Режим дня Рууна составлял такой график: подъем, смена гарнизона и патрулей и расписание на весь день, обед, тренировки, ужин, отбой.

Может показаться, что график был относительно свободный, но новобранцев постоянно гоняли или под предлогом тренировок заставляли быть чернорабочими для постройки нужных сооружений и хозяйственных дел.

Так Руун был в числе тех, кто помогал достраивать деревянные частокол вокруг лагеря и несколько башен, но он видел, как другие обустривают различные ловушки вокруг лагеря, собирали дрова, ходили на охоту и в целом, весь быт, по сути, и был на новобранцах.

Поэтому единственное свободное время у него было в течении получаса после тренировки, когда все его тело изнывало и просило отдыха.

«Впрочем», — должен был он признать, — «кормят здесь хорошо, а тренировки помогают чему-то учиться».

Еду он оценил быстро: помимо того, что она всегда была горячей, всегда согревая его в эту погоду, так ещё и сытной: всегда это была какая-то из круп, которые приправляли мясом добытой за день дичи.

Хотя на самом то деле мясо он лишь видел, но попадалось ему оно редко, доставаясь по большей части тем, кто выше званием, поскольку они первые получали свои порции, а значит брали самое лучшее.

Обычно ещё бывали какие-то дикие или привезенные с обозом провизии овощи, но до него за всю неделю лишь один раз дошла головка маленькой луковицы, на этом все.

Впрочем, Руун действительно наслаждался этой едой, поскольку ещё помнил вкус личинок и до сих пор будто слышал их хруст на зубах.

Кстати о самих тренировках: очень быстро среди новобранцев во время спарингов он показал себя, завоевав мизерную репутацию среди них, имея поглощённые животные инстинкты битвы.

Именно благодаря этому он и получил ту луковицу, ведь среди людей с таким же званием, как у него — он стоял одним из первых в очереди на получение порции еды.

Но даже ни смотря на это — он ниразу не справился с кем-то выше его званием или двумя новобранцами сразу, ни смотря на большую скорость и силу, — его просто разоруживали техникой.

В этой стране в целом очень многое решала личная сила, некоторые солдаты даже болтали, что прошлый король погиб в дуэли воинов, после чего победитель занял трон.

Впрочем, честь — давно забытое понятие среди людей, поэтому он так же слышал, что у претендента был

отравленный клинок, из-за которого он и выиграл.

Так же получилось, что на пятый день он сдружился со своим отрядом, исключая Раса, который обычно пропадал где-то и его заместителя.

В этот день было их ночное дежурство, и сидя у костра, при входе в лагерь, они всю ночь рассказывали друг другу смешные, грустные, мужественные и в целом жизненные истории своих жизней.

Правда Руун, очевидно, рассказывал не совсем свои, но это не помешало ему влиться в их общество и к концу дежурства они уже вместе шутили и смеялись(в чем не малую роль сыграло звание одного из сильнейших среди новобранцев), после этой ночи герой знал каждого из отряда по имени.

Интересным для него был факт, что в их отряде он единственный новобранец.

Он уже вполне привыкал к этому всему и начинал радоваться, что армия обо всем заботится, — ему лишь нужно делать то, что говорят, признавался он, но каждый раз видя Раса — вспоминал, зачем он здесь, сопротивляясь и подчиняя ненависть в нем.

Так было до тех пор, пока не наступила очередь отряду Раса идти в разведку к границе, о котором десятник оповестил всех, кроме Рууна, дав понять, что не считает его частью отряда, но Рон, самый молодой боец их отряда, с которым они больше всего сдружились, позже рассказал ему об этом.

Таким образом следующее утро начнется с того, что они покинут лагерь, разнообразив быт героя, но эта ситуация помогла ему лишь затаить лишнюю обиду на Раса.

В целом было много раз, когда он мог подловить и убить его, но есть ли смысл убивать офицера прямо посреди лагеря солдат или его отряда?

Другой мыслью было то, что он мог убить его там, вне лагеря, но опять же, тут много тех, на ком сработает его проклятье, так зачем терять свою цель, когда ему тут быть ещё пол года?

А сбежать он не мог, поскольку в течении пару первых дней узнал, что бывает с дезертирами:

По их следам отправляют специально обученных мастеров воли и праны(что это такое — никто внятно и не описал), умеющих выходить на след нужного человека, — орден охотников за головами.

Отсюда всплывала мысль, хватит ли их на всех дезертиров? Но и тут был большой нюанс:

Их филиалы расположены по всем крупным городам, а дезертиров никто не любит, даже враждующие страны не любят предателей друг у друга, ведь никогда не знаешь, когда и тебе они всадят нож в спину.

Поэтому награды за их головы размещались на доске охотников за головами по всему континенту.

А охотник, взявший заказ, мог свободно передвигаться через границы стран, хотя только один охотник мог взять задание на одну голову, но срок давался ему в месяц.

И можно спросить, чего им переться то так далеко? А все просто, ибо награда была приличное(с той припиской, что получать награду в королевстве, где солдат и дезертировал), учитывая, насколько легко было убить простого дезертира.

Зачем? Просто, чтобы другим повадно не было и не приходили глупые мысли в солдатские головы.

Таким образом Руун понял, что следующие пол года лучше не будет лишней раз рисковать и отсидится здесь.

Так что он решил быть добропорядочным солдатом, а сегодня их ждала вылазка на несколько ближайших дней.

Встав рано и собрав пайки в дороге — они отправились быстрым шагом через густой лес.

Их миссия состояла в том, чтобы разведать обстановку и доложить о передвижении врага.

В течении нескольких часов они уже добрались до границы, где Рас разделил отряд на три, два из которых должны были пройти по границе, с третий углубиться на земли врага, договорившись вернуться к ночи на это место.

Угадайте в какой отряд попал Руун? Лично сам герой не сомневался, что его отправят на территорию врага, в чем он и не ошибся, но не ожидал, что с ним пойдет Рас и Джорк, — его заместитель и доверенное лицо десятника, на что он сам в ответ всячески старался подражать своему командиру: прической, манерами и даже используя тоже оружие, пытаясь ещё повторить на нем те же руны, что выглядело немного комично, впрочем в лицо ему никто этого не решался сказать.

Эта ситуация тут же показалась слишком подозрительной ему, но ничего поделать с этим он не мог и подчинился назначению.

Так они и отправились, предварительно оставив удобные для самих себя метки, чтобы они могли вернуться к этому месту.

Рас повел их отряд, Руун в центре, а Джорк замыкал.

К счастью, инстинкты двух зверей, поглощённых им, помогали ему тихо пробираться сквозь эти леса, не уступая в том двум другим своим "товарищам", а так же помогало отсутствие железа на нем.

Несколько раз они натыкались на патрули врага, возле которых десятник чертил какие-то знаки прямо у корня деревьев на коре, после чего прикладывая к тому месту засохшую листву, закрывая, после чего в тишине они

двигались дальше.

Так продолжалось до тех пор, пока ближе к вечеру он не выдал тихим голосом приказ:

— Тот отряд состоит из четырех человек, по виду шуплые, доспехи плохие, явно новобранцы. Берём их.

Следуя за ними, они вышли наперерез им.

Рас и Джорк начали атаку, застигнув врасплох врага, сразу же убив двоих, резко выскочив им в бок и всадив топоры в тела, которые тут же осели и упали на землю.

После чего они совместными усилиями скрутили третьего, связав его и заткнув рот тряпкой.

Герой так же не отставал, неплохо справляясь своим дряным мечом с последним участником, вооруженным деревянным щитом и ещё более худшим мечом, чем у него, затягивая время, ожидая, пока товарищи помогут, но что-то пошло не так.

Краем глаза он заметил, что те двое просто стоят и наблюдают за ним, не собираясь ничего делать, отчего герой не сдержался:

— Вы что делаете? Помогите.

— Убей его, — лениво отозвался десятник.

— Но его же можно взять в плен! — не сдавался Руун.

— У нас один уже есть, так что кончай с этим.

На самом деле герой понимал все это, но он просто не хотел убивать этого мальчика, да, именно мальчика, ведь вблизи он рассмотрел его лицо, которое говорила, что ему около 16 лет.

Больше всего ему не нравилось, что у пацана даже красной дымки нет, ему не за что мстить, нет нужды умирать.

Внезапно он осознал, как расслабился за это время и вжил в роль Рууна, молодого человека, совсем не готового к суровой жизни вокруг.

Звериные инстинкты в ответ на это будто проснулись от спячки, став противостоять личности, которую мужчина считал основной.

Но ни смотря на это, он все ещё продолжал бой.

Несколько раз герою досталось и его задело, но ловкость позволяла максимально эффективно уворачиваться, отделавшись лишь царапинами.

Герой продолжал наносить удары, которые юноша чаще блокировал, а затем бил в ответ своим мечом, стараясь достать Рууна.

Но иногда мальчик все же пропускал удары, из-за чего его руки и ноги были покрыты множеством глубоких и не очень ран.

Герой видел в его взгляде непоколебимую решимость, которая не угасала даже тогда, когда тело все истекало кровью, дыхание давно сбилось, а тело дрожит, неизвестно от чего: страха, боли, адреналина или всего вместе.

Но у физического тела есть свой предел, и мальчик его уже давно достиг.

Очень скоро Руун разоружил его и оттолкнул ногой, заставив упасть, после чего придавил, наступив на спину, к земле, отчего юноша застонал.

В тот же миг он заметил эти глаза, направленные на него: глаза полные страха и обиды, и ожидания, будто говорящие: "ну же, давай! я тебя не боюсь!", из-за чего остановился, приставив кончик меча к шее мальчика.

В это время добряк Руун и два хищника с десятками ползающих по ним личинок где-то в сознании героя устроили противостояние.

Он отбивался от них, а они всячески старались загрызть его в ответ.

«Руун... Нет, не Руун! Нет... Да, верно, я — не он, лишь взял имя, на этом всё».

Где-то герой слышал, что добро всегда слабее? Он не знал, так ли это, но вскоре отзвуки нрава Рууна исчезли, оставив лишь двух кровожадных созданий.

Ситуацию усугублял внезапно разозлившийся Рас, слишком долго ожидавший от подчиненного исполнения приказа:

— Руун, они наши враги, никакой пощады! Они первые напали на нас, мы лишь отвечаем. Убей его, или он убьет тебя позже, а если не он, то я лично прикончу! Мне не нужен трус в отряде!

В одно мгновение Руун надавил на рукоять меча, пронзив горло юноши и медленно наблюдал, как его покидает жизнь.

Когда в героя направилась волне тепла — он проигнорировал ее, а вот на воспоминаниях остановился подробней.

То, что он узнал, вновь покачнуло его душевное состояние:

Мальчика звали Ростим, и он был просто подростком из деревни на окраине, рос, помогая родителям, дразнил девочек, баловался, да, но ничего, за что нужно было бы платить жизнью.

Так было до тех пор, пока на их(что заставило героя врасплох) страну не напал Долор, не предупредив и не

оповестив ни о чем, они в миг прошлись по их землям, забрав себе их кусок, пока Локорцы не пришли в себя.

Сразу же его отец отправился на войну, поскольку в молодости был солдатом, и в попытках отбить свои же земли, погиб.

Юношу охватила ненависть и он сразу же отправился к солдатам, дабы спасти свою страну от захватчиков.

Их деревня очень недалеко отсюда и юноша просто потрулировал окрестности своего же дома!

Даже солдаты его страны не относились к нему серьезно, позволяя ходить за ними в патрули, отдавая последние почести его отцу, которого они помнили.

Именно такова память была в юнце. Он совершенно не умел воевать! Что ещё казалось более странным герою, что память была слишком цельной, а не отрывками. По сути, этот отрезок был единственным, что он узнал, но именно, что отрезок был полным, от начала и до конца.

«Старуха... Проклятье...», — догадывался он, что она это нарочно сделала, но не понимал, с какой целью.

Эта ситуация вновь надломила его, но под взглядами двух других человек он не мог показать своей слабости.

«Что же есть зло, а что добро? Кто прав, а кто нагло врёт? Кто заслужил смерти, а кто должен был бы жить?», — всю дорогу он размышлял о подобных вещах после этой ситуации.

Рас что-то говорил ему, но он ничего не запомнил, лишь на автомате выполнял все приказы и помнил, что нес пленника, всецело погрузившись в свои мысли.

Когда они уже подходили к месту встречи отряда, человек, который именовал себя Рууном, но не был им... Нет, не человек, существо, что выглядело как человек, пришло к одному единственному заключению:

«Верно. Нужно стать сильнее. Достаточно сильным, чтобы решать, кто имеет право жить. Чтобы решить, что есть настоящее добро. Право самому выбирать что-то для себя», — с этой мыслью в его глазах появилась холодная решимость.

Именно таким было первое убийство человека, существом, носившим чужое имя "Руун".

Глава 7 — Передвижение армий

Закончив со всеми делами, отряд поставил часовых и разбил лагерь на ночь, после чего, с наступлением утра, они все вместе отправились обратно.

Вернувшись благополучно без происшествий, Рас сразу ушел с пленником к сотнику, а его отряд разбрелся по своим делам.

Так и продолжилось течение дней по расписанному распорядку.

День от дня Руун все больше проявлял себя на тренировках, став занимать уже лидирующее положение среди равных по званию.

Ему все чаще перепадали куски мяса и овощи, да и расположение других к нему стало лучше, но герой не обращал на это внимание и был погружен в себя, о чем-то размышляя.

Сидя у костра при входе в их лагерь, будучи в эту ночь на страже, он долго рассматривал небо.

У него было много времени подумать, в том числе над поступком старухи.

— Ты хотела мне показать, что каждый выставляет себя жертвой, а историю все равно будет писать лишь победитель, не так ли? — тихо прошептал он себе под нос, продолжая наслаждаться россыпью звёзд, сам в себе удивляясь таким мыслям.

Сейчас был один из тех, немногих и особых дней, когда его глаза выражали тихое спокойствие и глубину, без отблеска холода и ненависти в них, будто он из бушующего моря превратился в тихий бриз и этими глазами он продолжал рассматривать причудливые узоры неба, состоящие из множества ярких точек.

Было в них что-то особенное, что заставляло на них смотреть, любуясь их дивной красотой, что-то чистое, безмерное, святое. Но так же позволяющее ощущать стену и расстояние между ними и простыми, грязными смертными здесь, внизу.

Солдаты в лагере говорили, что на континенте Треститиа самые яркие звёзды, а если забраться ещё севернее, к пределам мира, можно увидеть небо, разорванное самим Магрумом — божеством элементарей льда, гигантских глыб, правящих теми землями.

Рассказывали, что после него остаются борозды, раздирающие весь небосвод, сколько глаза способны увидеть, а сами небо истекает разноцветной кровью в попытках вылечить себя.

Сказывали, что это зрелище было настолько завораживающим, что таило опасность навсегда замереть ледяной глыбой, залюбовавшись этой красотой, которой равной не нашлось бы ни одной женщины во всем мире.

После чего на эту глыбу могла попасть капля крови неба, сделав человека духом льда, — так, по словам самых старых солдат в лагере, появились первые элементарии льда, что спустя века стали гигантами, обросши за долгую жизнь слоями льда.

Таким образом жизнь героя продолжалась: работа, тренировки, ещё раз работа, а по вечерам, сидя у костра, слушал об этом мире от своих сослуживцев.

Очень скоро прошли две недели, работы заметно поубавилось, поскольку почти все было сделано, — теперь их лагерь напоминал небольшую деревянную крепость, которую патрулировали круглые сутки наперед.

А затем поступил приказ для сотника: собрать своих людей и совершить набег на ближайшую деревню врага.

«Война, она такая, что после себя оставляет лишь выжженные поля и мертвые тела. После войны нет никакой жизни», — мрачно констатировал этот факт для себя Руун.

В очередной раз герой погружался в свои размышления: он привык к своим товарищам, что помогало ему им симпатизировать, из-за чего ловил себя на мысли, что считал противоположную сторону врагами и злом, но осколки памяти того мальчика всплывали в его голове и по сей день.

«Так что же, выходит, что добро — это свои, а все, кто не свои — зло. Так же и на их стороне. Неужели никакой разницы?»

Впрочем, это не помешало герою держать свои мысли при себе и молча последовать приказу.

Следующим же вечером они собрались их сотней и к ночи были у деревни, окружённой частоколом и с деревенским ополчением.

К счастью, проблем не возникло, поскольку отряд взял с собой сборные деревянные лестницы, которые тут же собрали.

Затушив факела далеко от деревни и дав время привыкнуть глазам к темноте, они разделились на несколько отрядов, окружив деревню и как можно тише подступались к ней, стараясь застать врага врасплох.

К сожалению, их часовой уснул, из-за чего это удачно у них получилось.

Обычная деревенька, как рассмотрел герой, близко находящиеся друг ко другу домики, сделанные из дерева, коего в этих местах слишком уж много, и крышей из соломы, огороженные друг от друга чисто символическим забориком, который легко переступался.

Несколько десятков домов спали своим спокойным и мирным сном, пока нарушители их не побеспокоили, вонзая топоры в их тела, нарушив тишину криками жертв.

Резня началось с того, что Долорцы подожгли казармы(о которых смогли узнать подвергнув пытке взятого пленника) с вражескими солдатами и подлавливали их на выходе, быстро умерщвляя их.

Выбегающие оттуда спросони, — они не успевали даже снарядить броню, лишь схватив свое оружие бежали на убой, не зная о нем.

Другие несколько отрядов сотни пошли вырезать местных жителей.

Вследствии чего вдалеке были видны пожары, слышны звуки битвы, воплей боли, предсмертных криков и плач женщин и детей.

От этого всего на душе Рууна становилось скверно, но к его счастью, он был среди тех, кто стоял у входа казармы, вылавливая сонных солдат.

Сражаться с воинами, хоть и почти безоружными, казалось ему намного лучшим, чем убивать беспомощных деревенских.

Очень скоро земля под ними стала рекой крови, покрывшей все, а из-за света, отражающегося от пожаров, она ещё и неприятно отблескивала, а затем в нос ударил запах паленной плоти и крови.

От этого героя начало тошнить и он видел, как некоторые новобранцы уже не сдерживаясь, опорожняли свои желудки.

Да чего уж новобранцы, даже более опытные бойцы зажимали рты.

Руун же абстрагировался, вспоминая свои первые дни в этих местах.

Следующие пол часа герой, не особо разбирая, рубил своим мечом, больше наблюдая за тем, чтоб его не достал шальной удар.

К концу этой бойни он забрал две жизни, откусив кусочек их сил и памяти.

Вместе с тем его неприязнь к своим сослуживцам возросла, передавшись от осколков, но он быстро это заглушил.

Ещё одним приятным бонусом для него стал боевой опыт двух солдат, что помогли ему стать более техничным. Все таки подготовки в три недели было слишком мало, чтобы отточить личные умения, сейчас он это ясно ощущал.

Ещё с самого начала его смутило, что они были так расслаблены, причину чего он узнал от одного из осколков воспоминаний.

Оказалось, что правитель Долорцев выразил намерения на перемирие и Локорцы, будучи готовы простить прошлые обиды, приняли их посла, а на это время все конфликты прекратились, чем и воспользовались мы в данный момент.

Боюсь, что после этого у нас не будет таких лёгких битв и нашу страну больше не станут слушать вовсе.

Ненависть Локора теперь будет пылать до тех пор, пока Долор не падет, это было очевидно.

Закончив битву, они принялись стаскивать в обоз, который предварительно был оставлен вне деревни, оружие, доспехи, ценности и прочую нужную мелочь.

Отдельно в глаза бросилась колонна женщин и даже маленьких девочек, но совершенно без мужчин.

Каждый из них реагировал по разному: кто-то рыдал, кто-то смотрел со злостью, а другие шли с пустыми глазами, больше не сопротивляясь.

Их внешний вид оставлял желать лучшего: они явно сопротивлялись(а может солдатам было просто скучно) из-за чего были в синяках и ссадинанах.

Теперь герой понимал, что лучше бы, для этих людей, он пошел не к казармам, а к ним, ведь тогда бы смог оборвал их мучения сразу, а теперь они и сами не предоставляют, настолько сложным будет остаток их жизни.

Сердце Рууна все больше уступало место тому юноше и двум солдатам, заполняясь затаенной злобой, которой он и сам уже не хотел сопротивляться.

Когда они уходили, то на месте деревни осталось лишь пепелище.

Вернувшись в лагерь, этот день они были свободны, поэтому Руун и многие другие просто завалились спать.

Отоспавшись, он проснулся к вечеру и узнал все новости.

По своей наивности он и не догадывался, что помимо его десятка, другие тоже захватили пленников из несколько деревень, вследствие чего да одну ночь исчезло четыре ближайших деревни.

В лагере стояло праздничное настроение, но при этом никто не выпивал, хотя по мнению Рууна, лучше бы они делали именно это, чем сейчас срывали свой стресс на тех женщинах, крики которых он слышал сейчас.

Руун чуть не зарезал одного из них, когда к нему подошли и предложили продать за серебрянник на ночь женщину.

Сжав зубы от злости, он все же отказался.

— Ну, твое дело, дружище, потом не жалуйся, когда товар станет бесплатным, но непригодным. Или ты

предпочитаешь мужчин или руку для снятия стресса? Никогда бы такое не подумал о нашем "чемпионе", — смеясь, бросил тот, удаляясь.

Все больше и больше в Рууне отмирала любая человечность, хотя ему казалось с каждым разом, что потерять ещё что-то просто невозможно.

Таким образом прошел первый месяц с начала его службы. После двух удачных вылазок и чемпионства среди новобранцев его повысили, а точнее ему пришлось идти за повышением к высокомерному блондину из штаба.

Теперь на его тыльной стороне ладони красовалась надпись: "Руун, пехотинец, королевство Долор", а вместе с тем ему вручили первую месячную зарплату: 50 медных монет за службу новобранцем.

Повышение отметили отрядом, вдали от других, с одной чаркой Эля каждому, которую Крон, член их отряда, мужчина средних лет с какой-то хитрецей в своих черных глазах, где-то достал, пока Рас, их десятник, как и всегда пропадал.

Теперь в его отряде он стоял наравне с пятью солдатами, будучи шестым пехотинцем.

Так же Руун получил новую экипировку, которая на самом деле оказалась слегка более лучшего качества меч(старый ему, конечно же, пришлось отдать обратно), кожаные штаны и простой круглый щит из дерева.

На тренировках он так же делал успехи, не уступая многим своего же звания, но даже не дотягивал до среднячка, но точно заметил, что стал намного более жестоким, за что часто, после боя, получал взгляды с затаенной обидой.

В целом, сам в себе он даже не отрицал своей жестокости и то, что тренировки — были его любимым времяпровождением, ведь только здесь он мог хоть немного перестать сдерживать ненависть в самом себе, которая росла день от дня все больше.

В конце месяца начались шевеления на границах врага, — они явно не простили Долорцев.

Гарнизон встал в повышенную боеготовность, утроив патрули и постоянно следя за всеми солдатами, чтобы не напивались, но вместе с тем рацион стал более скудным, поскольку охотников на дичь поубавилось, ситуация не спасало даже повышение Рууна по иерархии армии.

Так продолжали идти день за днём, герой продолжал развиваться в технике на тренировках, так же он заметил, что его кожаная куртка теперь ему жмет, хотя до этого слегка болталась на нем, ведь телосложение из тощего бродяги немного обросло мускулатурой, став напоминать уже не хлипкого, но уверенно стоящего на ногах доходягу.

В течение ещё одного месяца было много стычек: постоянно возвращали раненных, а полевые врачи кое-как пытались их латать.

Герой все это время со своим отрядом ниразу так и не покидал крепости, что давало ему время продолжать свое развитие, которое ощущалось с каждым новым днём, но из минусов было то, что жажда крови вырывалась все чаще и чаще, и ему казалось, что теперь видит мир через призму красной пелены в глазах.

Но к счастью или нет, по истечению двух месяцев с начала его службы, враг сделал свой ход и атаковал: сейчас их гарнизон собиралась осаждать армия врага.

Теперь он мог утолить эту жажду, пусть и не теми, к кому испытывал, но этот мир научил его, что любой человек покрытый красной дымкой заслуживает смерти, а среди врагов таких так же было в достатке.

Как герой недавно узнал, их лагерь состоит из двух тысяч человек, в то время, как силу врага так и не вышло сосчитать, лишь сотни человек постоянно мелькали в их поле зрения, но вне радиуса луков.

Единственное, что заметили командиры Долорцев, тот факт, что враг особо не спешил и медленно, будто пытаясь дразнить их, прямо почти на виду у них рубил лес и строил укрепления, тараны и лестницы.

Очевидно, путь провизии перерезан, а они заперты теперь здесь.

Время играло против них, и командиры надеялись на подкрепление, с просьбу о которой передал штабной офицер, обладающего праной, на что получили ответ, что не только их лагерь был атакован и подкрепления не будет.

Разведка не получала никаких данных, поскольку никто из посланных не вернулся. Им приходилось ждать, не зная даже точного количества противника.

Так со времени осады прошли еще две недели, с каждым днём рационы каждого становились все меньше, а злых солдат становилось все больше.

Но как известно, солдата без дела всегда посещают глупые и странные мысли, поэтому, чтобы они не забивали головы ненужными мыслями, начальство старалось как можно сильнее загрузить их делами и тренировками, чтобы не расслаблялись, — как они говорили.

К концу этого времени от пленных женщин почти не осталось никого, — тратить на них еду никто не решался, а плохие условия содержания лишь усугубляли ситуацию, что в сочетании друг со другом подкосило их очень быстро.

Солдаты, не чураясь ничем, прямо на глазах у врага скидывали тела их женщин за деревянный частокол, при

этом всячески провоцируя их словами и насмешками.

Впрочем, на душе героя был какой-то холодный покой от их смертей, ведь их муки наконец закончились и они ушли в землю, оставив здесь гнить этих недолгоей.

Они больше не скованы узами насилия и зла, вот только кровь их вопиет и он это чувствовал.

Враги смотрели на них с ненавистью, но ниразу не ответили на это.

Командиры, ощущая нотки бунта, решил пойти на крайнюю меру: они контратакуют! Пришло время совершить ночную вылазку на врага.

Идея рискованная, но лучше призрачный шанс выжить на поле боя, чем почти наверняка быть зарезанными собственными солдатами за последнюю миску каши.

Таким образом все были оповещены и начали готовиться к битве.

С наступлением сумерек они разделились на несколько групп, решив атаковать все четыре направления, надеюсь хоть где-то пробить брешь и зайти врагу в тыл, поддержав другие отряды.

В гарнизоне остались повара, каким-то чудом еще живые, пленные женщины, интендант, штабной офицер и подобные им, а так же несколько сотен солдат для обороны.

Атака должна была быть стремительной, что у них и получилось, но врага, ожидавшего этого, застать врасплох не получилось, поскольку они ответили всеми своими силами на их натиск.

Руун был в одном из отрядов и прямо сейчас стоял в строю, посреди сотен таких же солдат, как и он.

Мысленно герой был благодарен, что не оказался где-то впереди, но туда поставили лучших воинов, что его удивило по-своему, ведь это казалось слишком правильным решением, не свойственным нежелающим умирать людям.

С течением времени область битвы расширялась и строй все сильнее распадался, где-то пропуская врагов, а где-то пробиваясь сам.

У отряда не было командира, который командовал бы им, приказ с самого начала был лишь один: пробиться сквозь врага и помочь союзникам.

В какой-то момент и самому Рууну пришлось вступить в бой, в котором он понял, насколько ещё неопытен и слаб.

Первый же противник почти рассек его своей двуручной секирой, но спас щит, врученный ему совсем недавно, который после этой же атаки пришел в негодность, развалившись в самом центре.

Удар заставил его упасть на пятую точку и перестать ощущать руку под щитом, но тут же вместо него в бой вступили союзники из его отряда.

Очень скоро они с ним справились и двинулись дальше, а Руун поднялся и решил осторожней действовать, вылавливая врагов не поодиночку, а помогая своим, стараясь быть тем, кто заберёт их жизнь.

Следуя этой тактике, дело пошло лучше, так как его осколки пополнялись новыми один за одним: первый, второй, третий...

На шестом осколке произошло то, чего он не ожидал: стоя рядом с Торсом, воином-берсерком из его отряда, он увидел, как жизнь того оборвалась.

Но удивило то, как это произошло: прямо из воздуха, за его спиной, появился человек в полной кожаной броне, за исключением шлема, и пронзил его шею и сердце одновременно двумя кинжалами, после чего сделал шаг назад.

Увиденное остановило не только одного Рууна, поскольку смерть сильнейшего из их отряда довелось наблюдать всем.

Казалось, мир на секунду замер, а время, заворожённое грацией убийцы остановило свой ход течения вместе с ними.

Взгляд всех вокруг скрестился на юноше с чёрными, длинными волосами, и усмешкой на лице, которая теперь внушала ужас каждому.

Ещё мгновением и одним круговым движением он перерезал три глотки его товарищей из отряда и вновь исчез прямо в воздухе, оставив всех в гробовой тишине, на фоне которого замолкли даже звуки битвы.

Постепенно звуки боя начали возвращаться, — каждый приходил в себя.

Воины вокруг заметили, как враг начал их теснить, предварительно окружив, — им ничего не оставалось, как начать бороться за свои жизни, вцепившись в них зубами.

Но если бы одного желания было достаточно, чтоб достичь чего-то, то все в этом мире было бы намного проще.

Руун видел, как один за одним погибают его товарищи, вот и Рон, его друг, пал смертью храбрых, приняв меч врага на себя, будучи неспособным увернуться от атаки нескольких врагов одновременно.

Ещё недавно он слушал о том, как этот юноша добьется нескольких повышений, заработает денег и позаботится о своих пожилых родителях, которые сейчас переживали трудные времена.

В то время эта история помогла поверить в доброе сердце юноши, и сейчас, видя это, он хотел божиться и кричать во всю глотку, что если выживет, то обязательно позаботится о них сам.

Но у него не было такой возможности: в пылу битвы времени на передышку не было, а если бы и было, звуки боя бы все равно всё заглушили.

Он даже и не знал, как они выглядят и где живут, а значит, помочь никак бы не смог, но, цепляясь за последние искорки доброты и надежды в этом мире, о которых он знал, не хотел их отпускать.

Но эта резня не собиралась ожидать хода его мыслей, продолжаясь.

К этому времени осколки с шести выросли до десяти, что давало герою ощущение силы, но один в поле не воин, и сейчас он это ясно осознавал, не будучи способным что-либо изменить.

Очень скоро Руун, Рас и Джорк стояли спиной к спине, прикрывая тылы друг друга.

Одиннадцатый осколок, двенадцатый... Живот Рууна пронзил меч врага, Джорк на последнем издыхании, а Рас единственный, кто держится бодрячком, но его движения становятся все более медленными.

Экстремальные ситуации действительно пробуждают мозг человека, находя самые неожиданные решения.

Вот и сейчас, ещё не совсем понимая, что делает, герой разворачивается и всаживает меч в глотку заместителя их десятника, а затем делает ещё рывок, и пронзает сердце уже самого десятника, другой рукой схватившись за него и падая на землю, повалив его на себя.

Во время этого действия Руун ощутил, как его ещё раз пронзили со спины, а когда он упал, ощутил ещё два укола, но восстанавливающая сила уже вступала в действие и он рассчитывал, что выживет.

Это была его последняя надежда, иного варианта выжить он не видел.

Вскоре осколки памяти от двух солдат и других, жаждущих мести так же поглотили его и он отключился.

Сейчас он видел воспоминания солдат, которых Рас когда-то бросил умирать. Обычные солдаты, как и все другие, со своими домами, семьями, эмоциями, переживаниями, заботами, мечтами и целями. И Рас был точно таким, у него все это тоже имелось.

Герой уже давно привык, что в этом мире у каждого своя правда и каждый будет прав с его точки зрения, да, пожалуй именно сейчас он окончательно ко всему привык.

Пробуждение напомнило ему первые дни в этом теле: все болит, дышать трудно, а голова раскалывалась от осколков воспоминаний.

Но была одна ощутимая разница по сравнению с ними: сейчас он ощущал небывалую мощь своего тела и был вполне уверен в своем боевом опыте, который он собрал частично от каждого, кого поразил своим мечом.

Сперва он прислушался к окружению: вроде тихо, но вдалеке слышны звуки боя, а значит, что в отключке он был не так долго.

Застонав, он скинул с себя тело десятника и медленно сел, пытаясь отдышаться.

Осмотрев раны он понял, что они немного зажили: кожа частично срослась, не оставляя рану открытой, а кровь перестала течь, покрыв корочкой поверхность.

Увидев, что он весь в крови, поморщился, а затем улыбнулся мыслям: "впервой что-ли? Бывало и хуже".

Затем он задумался над тем, что же делать:

«Вернуться? Зачем играть с удачей лишней раз?.. Меня заклеят дезертиром! Но этот черноволосый парень может в любую секунду забрать и мою жизнь!», — мысли о недавнем происшествии заставили содрогнуться.

Среди его осколков он нашел память об этом человеке: это был их командир, отвечающий за эту армию Локорцев, который обладал каким-то врождённым даром, свойственным выходцам одного из далеких островов.

Среди их армии ходили легенды, что когда-то давно один из богов зачал смертной женщине ребенка, которого она родила на том острове.

На нем были опасные монстры и животное, но так же на нем было много ценных ресурсов.

Поэтому многие страны ссылали голодные рты и прочие неугодных людей на остров, где ресурсы были бы нужны, но потерять своих людей ради них не хотелось.

Так раз в месяц туда приплывали корабли: еда и различные необходимые предметы обменивались на ресурсы, добываемые ими.

Именно на этот остров каким-то непонятным образом попала эта женщина.

С рождения он был крепким, ловким и сильным. Все, за что он брался — получалось идеально.

Когда он подросток, то жажда приключений в нем ожила с новой силой: он отправился испытать свое могущество, его не устраивало быть изгнанником на этом всеми забытом острове.

Скитаясь по миру, он бросал вызов всем известным мастерам его времени, но так и не нашелся противник, способный одолеть его.

Затем он начал сражаться с целыми армиями, но каждый раз будто сама природа и мир вокруг помогали ему разгромить их, а сам человек оставался невредим.

Устав скитаться, он нашел себе жену и вместе с ней отправился обратно на остров, на котором к тому времени была похоронена его мать, и основал там город, лично построив многие постройки, который стоят и по сей день.

С тех пор он стал духом-покровителем этого острова и ему принялись приносить различные дары, а в ответ на это на их острове редко начали рождаться дети с особой силой.

Именно с этого началась история выходцев оттуда.

Как говорили люди, за всю историю одновременно не было двух людей, обладающих одной и той же силой, но их количество так многообразно и различно, что во многих уголках мира можно было встретить выходцев с Таротоса.

«Вернуться к этому уродцу? Ну уж нет!» — в воспоминаниях он внушал ужас даже своим.

Так он и продолжал метаться в сомнениях, пока не заметил свой военный знак: тот стал чёрно-белым, что означало, что он закончил свой контракт, но почему так рано?

Он не мог найти ответа, но ему он не особо и нужен был, ведь теперь он мог идти на все четыре стороны.

С трудом поднявшись и взяв свой меч, он побрел в сторону от их лагеря, туда, в чужие земли, страну Локор, не желая возвращаться к земле, по которой идёт война и обходить основные силы противника.

По пути он встречал много тел и реки крови, от которой земле будет дана новая жизнь, как только она растает вместе со снегом.

«Действительно, вечный цикл жизни и смерти... Одно умирает, давая пищу для жизни другого...»

Несколько раз он встречал ещё живых людей: они не шевелились и вроде бы лежали так же, как все трупы, но он ощущал от них красную дымку, которую уже не мог пройти мимо, так что, он просто пронзал беспомощных солдат, не обращая внимания на их воинскую принадлежность.

«Они тоже пища на моей пути к жизни! Настоящей, свободной жизни!» — с каждым убитым он ощущал себя все лучше, поскольку раны окончательно закрывались и исцелялись.

Так он и шел, пока его чуткий слух не уловил хруст снега недалеко от себя, после которого наступила тишина.

Замерев на короткий миг, он хотел было пройти мимо, но заметил, как чья-то рука виднеется из-за дерева.

«Если это кто-то из своих и он выдаст меня — охотников за головой не избежать, нужно разобраться!» — решил он.

Так, не спеша, он подходил к дереву, держа наготове меч.

Очевидно, его шаги в этой тишине не остались незамеченными, и он сам это понимал, ожидая первой атаки от врага.

Так и произошло: на него резко кинулась рука с зажатым в ней ножом, целясь ему в живот.

Но удар был слишком медленным: он схватил врага за запястье и потянул на себя, заставив врага выскочить из-за дерева.

Уже планируя отрубить голову человека, он, недоумевая замер, приставив меч к шее.

«Женщина... нет... девочка?» — рассматривал Руун её.

— Убийца! Насильник! Умри! — с ненавистью она кричала, принявшись бить своим кулаком по герою.

Тусклые зелёные глаза, внутри которая сейчас ощущалась особенная тяжесть и ненависть, направленная прямо на него, хотя по виду ей было около 16–18 лет.

Спутанные, длинные, русые волосы, а сама она была ростом ему по плечи.

Сейчас она вся дрожала, но явно не от холода, поскольку была закутана в теплые шкуры, но видимо от страха, место которому не давала.

Определенно, она как-то сбежала из лагеря и теперь оказалась здесь, впрочем, есть ли ему хоть какое-то дело до этого?

Он рассматривал эту маленькую бестию, что пыталась причинить ему боль своим маленьким кулаком со сложными чувствами внутри:

«Что мне с ней делать? Убить? Да от нее силы крохи, а воспоминания явно заставят от них отходить дольше, чем я могу себе позволить. Стоит ли оно того?» — он ощущал, как всё сильнее слабели её удары по нему, — девочка явно уставала.

«Нет... Пожалуй не стоит», — подумав он, спрятал меч в ножны, а ее руку заломал, пока она не выпустила нож.

— Пусти, проклятый ублюдок! — девочка не показывала, как ей больно и вместо стонов боли просто сжимала зубы, однако мимика лица и содрогания тела выдавали ее.

Другой рукой он заткнул ее рот, чтобы ближайшие солдаты их не услышали, а отпустив её руку, крепко прижал к себе, пока та не успокоится в своих попытках вырваться.

Он понимал, что после пережитого ею, это все заставляет ее впасть в истерику, но у него не было другого выхода: он не хотел оставлять за спиной девочку с ножом, который он решил оставить ей, поскольку это её единственный шанс выжить здесь.

Так и продолжалось ближайшие десять минут, за время которых она пыталась всеми частями тела причинить Рууну боль, но все было напрасно.

Под конец он видел, как ее глаза становятся все более тусклыми, пустыми, а силы покидали ее тело и она оседала прямо на его руках.

Дождавшись этого момента, он осторожно отпустил ее и она упала прямо на снег.

Он смотрел в ее пустые глаза, которые зачем-то пристально смотрели на него и от вида которых он все сильнее презирал Долорских солдат.

— Духи отмщения не взывают о твоей жалкой жизни, цени её и не испытывай судьбу лишней раз. Надеюсь,

больше не свидимся. Бывай.

После этих слов, с тяжестью в душе, которую она все таки смогла взвалить на него, он пошел дальше своей дорогой, оставив ее там так и лежать на холодном снегу.

В течении своего пути он пару раз наткнулся на патрули, но слышал их раньше, чем они его, что позволяло ему падать в снег и прятаться за деревьями: благо снег стоптан тысячами ног, а деревья широкие.

Теперь его путь лежал в неизвестность, где каждый, заметив его знак: "Руун, пехотинец, королевство Долор", попытается его убить или сдать тем, кто это сделают, а желудок уже урчит и просит его накормить.

— Как много проблем-то... — пробормотал он себе под нос.

Спустя несколько дней новости разлетелись по стране.

Локор и Рушем, две страны-соседа Долорцев, объединили свои силы и атаковали их, завоевав три города, два из которых забрали себе Локорцы, после чего их наступление было остановлено прямо у стен столицы.

Больше всего удивлял тот факт, что люди из Локора смогли договориться с грубыми жителям Рушема, которых называли "ледяными орками".

Существа под два метра с голубым окрасом кожи и длинными клыками, покрывающие все тело синими татуировками, повествующих историю их жизни, которые никогда не заключают союзы, но идут в самоубийственные атаки без особых проблем, заключили с кем-то пакт о нападении?

Скорбной новостью стал тот факт, что погибло три штабных офицера владеющих праной, из-за которых утратили свою силу метки, поставленные ими.

Пусть те трое и были очень слабы в использовании праны, даже скорее слабейшими, но теперь в стране осталось всего пятеро таких умельцев.

Вообще они были сильны и имели план, как отступить на крайний случай, но от выживших дошли вести, что одного из них за ноги схватили корни, не позволив ему уйти, после чего ближайшие деревья проткнули его тело своими ветками, ни смотря на все попытки сопротивляться.

Участь второго была ещё более неприятной: прямо из воздуха появился одаренный и отрубил его голову, и так же быстро забрав ее, исчез.

О третьем даже вестей не было, поскольку никто не ушел.

Долор тоже имел на службе таких людей, но их использовали только в крайнем случае, обычно оставляя при короле для защиты.

Именно с их помощью Долорцы смогли остановить наступление у столицы.

Локор и Рушем пошли на рискованное предприятие и не прогадали, оказавшись в плюсе, на этом ход войны был приостановлен.

Глава 9 — Разбойничьи дразги

Шел третий день, как он двигался в одном направлении, по его прикидкам он двигался точно на юг, используя природные ориентиры.

Из воспоминаний он нашел три метода: ориентироваться по мху на камнях и деревьях, но этот метод отменил сразу, как только узнал от одного из осколков опытных солдат, проживших достаточно, чтоб быть ветеранами и делиться своим опытом с юношами, что на самом деле мох зависит от множество факторов: тени, нахождение близ источника воды, ветрености.

Второй оказался проще и легче: он просто помнил, где восход и шел точно направо от него.

А когда солнце было в высшей точке небосвода, в своем зените, он останавливался и рассматривал свою тень, которая была самой короткой в этот час за все время дня, и шел от нее в противоположном направлении, ведь она как раз таки и указывала на север, а солнце — на юг.

Таким образом, каждый раз слегка сбиваясь, — он выравнивал свой маршрут и двигался дальше, надеясь скорее оказаться как можно дальше от Доллара.

Впрочем, слово "солнце" ему подсказывало его собственное "я", которое он не помнил, другие же именовали его "Уранос", — божество-созидатель, дающий жизнь всему, а так же путеводитель для заблудших.

Легенды гласили, что он давно забыл этот континент, оставив его во власти льда, поскольку его свет больше не согревал никого, но его сияние настолько велико, что до сих пор доходит до сюда, по нему путники все ещё могли ориентироваться.

Но в ответ на то, что он забыл здешних обитателей, забрав свое тепло, здесь не осталось тех, кто чтит бы его, разве что совсем древние старухи и глупые невежи, как ему подсказывали его осколки.

Ещё к концу первого дня он перестал встречать солдат, а на второй увидел деревушки с живыми людьми, которые благополучно обходил.

Прошлый две ночи он спал, залезая на одно из деревьев по пути, с веткой повыше, предварительно пытаясь себя привязать к нему ремнем, но тот все никак не хотел крепиться и он оставил эту затею.

В первую же ночь он проснулся от того, что падает и орет во всю глотку.

К счастью, падение обошлось лишь болью тело и парой синяков: он никогда ещё был так благодарен снегу по колено.

После чего решил не спать и пошел дальше, будучи весь день не в настроении.

На следующий раз ему пришлось нужное решение: он сперва сел на ветку, свесив ноги по двум сторонам от нее и закреплял их ремнем друг ко другу, а затем просто укладывался на спину и так засыпал, будучи сильно уставшим.

Сперва он пытался закрепить руки так же и лечь на живот, но дело не спорилось и он оставил эту затею.

В ту же ночь это принесло плоды: следующие три пробуждения сопровождалось сильным стрессом для мозга, не понимающего, почему он висит в воздухе верх ногами, после чего долго не мог заснуть от адреналина в крови.

Когда наступило утро третьего дня в пути, он двинулся дальше, бормоча под нас проклятья на это дерево, что все его тело так сильно теперь ломит.

Первые пол часа утром его тело даже не слушалось, — ему пришлось медленно разминать его, особенно же ноги, которых он и вовсе не ощущал.

Но это была не единственная его проблема:

«Еды... Еды...», — шел он, к обеду уже сам желая скорее наткнувшись на жителей этой страны, ведь у них должна быть еда.

Голод терзал его с каждым часом все больше, силы покидали его, а взгляд затуманивался.

Благо, что его не томила жажда, — он периодически хватал горсть снега и запихивал в рот, пока та не таила и не становилась теплой, после чего глотал.

Он уже много раз за этот день думал о том, чтобы войти в одну из деревень, как только та появится на горизонте, и добыть себе пропитание любым из доступных способов: забрать, украсть, честным трудом, только бы получить хоть кусочек самого чёрствого хлеба!

Он даже ожидал, когда уже какой-то зверь нападет на него, дабы напиться его крови и наестся сырым мясом, но как на зло они все пропали в эти дни и о их существовании напоминали лишь далёкие звуки пения птиц, воя волков, рычания медведей и прочих, источником которых ему просто не догнать.

Третий день подходил к концу, и он уже выбирал место для ночлега, когда внезапно услышал вдалеке звуки людей.

Не просто какие-то звуки, а шум боя: столкновение металла, крики, вопли и мат, — он прямо ощущал, как окунается в родную стихию.

Затаившись, он принялся медленно пробираться туда, прячась максимально за деревьями.

Он надеялся хоть чем-то там поживиться, ибо больше не может терпеть и все равно зайдет в ближайшую деревню так скоро, как только сможет, — голод был слишком невыносим! Терять больше особо нечего.

Подобравшись, он увидел группа разбойников, что добивали остатки каравана, состоящий из торговца и четырех наемников.

Доставая добычу, они резвились и хохотали, прыгая вокруг и всячески издеваясь над трупами незадачливых наемником.

Один из них начал каждому по очереди отрезать по уху, складывая в свой поясной кошель, а другой зачем-то помочился на торговца, пока остальное весело их поддерживали.

«Проклятье! Будет ли конец моей глупости!», — выругался про себя Руун, забыв в голоде о своей самой большом проблеме, которая сейчас напомнила о себе.

«Он! Это все он! Ты не можешь пройти мимо! Он не должен жить! Я отдаю все, только отправь его вслед за мной!», — звучал какой-то надменный и уверенный в себе голос, силы в котором совершенно не ощущалось.

Да, именно, проклятье отмщения вновь пробудилось, когда он наткнулся на того, кто отрезал уши наемникам.

«Что ж ты будешь делать то! Да пошло оно все!»

Руун сперва продумал план, как тихо пойдет по их шагам, а ночью перережет им глотки. Таким образом он как минимум сделает первый шаг и удар, — это был наилучший исход.

Но в тот же миг живот напомнил о себе, скрутив его судорогой, из-за чего герой утратил все терпение и со злостью выхватив меч, вышел на дорогу к разбойникам.

Впрочем, его разум где-то на задворках сознания ему говорил, что это не его решение, а ослабленная воля от голода поддалась зову отмщения и ещё не поздно остановиться, но ему уже было не до этих мыслей.

— Эй, уродцы, пожрать что-то есть? — бросив он им с усмешкой на лице.

— О-опа, вот те на. Смотри-ка, братва, у нас гость. Будем гостеприимными и накормим-ка его! Эй, служивый, тебе как, мясо торговца или наемника? Аль может свое предпочтешь пожевать, а я тебя, так уж и быть, накормлю? — среди толпы вышел один из них, явно главарь, поскольку даже оружие поленился достать, пока другие уже направили его на Рууна и принялись обходить его, окружая.

— Последний. Мать его. Раз. Прошу нормально. Жрать есть? — ощущал герой все более наступающую ненависть.

— Не, ну вы слышали? Вот умора, он просит, видите ли нормально! Режь его! — насмеявшись, отдал приказ их главарь.

Тут же в него из кустов вылетела стрела.

Заметив ее в последний миг, он слегка сместился, дав ей попасть в плечо, вместо сердца, после чего все вокруг накинудись на Рууна.

Сейчас он испытывал огромное счастье, что они были совершенно не организованы и полезли не всем скопом: первую голову он отсек одним ударом, переключившись на второго, прорезая ему уже глотку.

Тут же послышался звук ещё одной стрелы, от которой герой пытался увернуться перекатом назад, поскольку даже не видел направления стрелы, но и тут прогадал: она пробила его бедро, застряв в нем.

Отступив на пару шагов и вжавшись спиной в дерево, ещё одному он отсек руку и проткнул его сердце, после чего следующий удар уже достиг его, создав на груди глубокий порез.

Следом прилетела ещё одна стрела, от которой он уже не мог увернуться и она проткнула его живот, пригвоздил к дереву, после чего разбойники вокруг него не подходили и наблюдали за ним.

— Ну ты, парень, ответишь за Брона, он мне медяк должен был! — сказал кто-то из них и тут же бросился добивать героя.

Это был, пожалуй, глупые поступок, ведь он сделал это один.

Мгновение спустя и его голова покатиалась по каменной дороге, орошая ее свежей кровью.

Тут же повисла гробовая тишина.

Разбойники ждали, пока он умрет, но он не умирал, а наоборот, его раны заживали прямо на глазах.

У всех во мгновение растянулись лица от удивления, стоило им только увидеть эту картину исцеляющихся ран.

Эта пауза дала продых Рууну, за краткие мгновение он изучил, кто же они такие.

Деревенские, которых не устроил быт их жизни. Только их лидер был бывшим солдатом и имел опыт боевых действий.

Впрочем, именно он и подговорил этих оболтусов стать разбойниками, суля прекрасную и богатую жизнь.

«Хорошо же жилось, неужели нельзя никого не трогать и не убивать? Чего вам, ублюдкам, нехватает то вечно?»

Хотя сейчас это было ему на руку, ведь с ними то он разобраться сможет... или смог бы, не будь так голоден и

без сил.

Заметив, что разбойники в шоке от происходящего, он воспользовался этим: обломал оперение стрелы, что прижала его к дереву и прошел через нее насквозь, стиснув зубы от боли и с ненавистью уставившись на них, после чего вырвал из себя две другие и бросил на землю.

Раны медленно затягивались, но поглощённые силы заканчивались и он ощущал это.

— Ты... одарованный? Я о вас слышал! Проклятье, что ты здесь забыл?! — произнес их вожак и отошёл на пару шагов назад, после чего бросился бежать, бросив своих напарников. После чего он услышал, как из кустов доносится шелест: видимо лучник тоже решил драпануть.

Это была хорошая новость, но помимо того парня и стрелка, тут стояло ещё девять дылд, которых нужно ещё осилить, а силы были на исходе.

— Эй, ублюдки, теперь я заправляю вашей шайкой! А ну, сметались мне жрать принесли! — отталкиваясь на память последних жертв он рывкнул на них.

Некоторые из них тут же бросились к фургону и примчались к герою, протягивая ему еду, слегка склонив головы.

«Сыр и вяленое мясо... Очень даже неплохо. Но... Регенерация заканчивается, а раны незакрылись... Они сейчас всё поймут... Думай... Думай...»

— Ты, сюда подошёл! — тыкнул он пальцам в самого дальнего, который до сих пор стоял на месте.

Он испугавшись на негнущихся ногах исполнил указание, за что тут же лишился головы, заляпав кровью ближайших товарищей.

Другие тут же отскочили от него и схватились за оружие, но Руун протянул ладонь в примирительном жесте.

— Но-но, это урок за нерасторопность. Слушайте меня и обещаю, что вас не трону. Вы же тоже хотите золотишка заработать, не так ли? С тем трусом вы много не заработаете, сами видели, как улепетывает. Будьте со мной и увидите, как ваши карманы наполнятся золотом, а постели женщинами.

«Теперь должна хватить для закрытия ран... Но до полного заживления ещё бы двоих... Ладно уж, спасибо на том, что есть», — сейчас он надеялся, что его трюк сработает.

И действительно, недолго подумав, они отпустили оружия, все ещё настороженно косясь на нового главаря. Он даже представлял, как на самом деле они в своих мыслях мечтатель расплываются в улыбках от фантазий, раз уж после такого готовы последовать за ним.

«Что же, я и восемь ублюдком. Хорошее начало, ничего не скажешь!» — иронизировал Руун, хотя на самом деле пребывал в прекрасном расположении духа, что остался жив и видимо найдя для себя дальнейшую нишу, как тут выживать — слишком уж не хотел он быть снова голодным.

— Собирайте добычу и ведите в логово! Теперь оно наше! — приказал он, принявшись за трапезу, наблюдая за ними.

Теперь он мог рассмотреть окружение: все та же, видимо, стандартная на этом континенте, дорога.

Все те же мертвые тела и реки крови, которые он видит чаще, чем обычные реки.

Он ощущал себя все больше и больше циником от того, насколько все стало обыденно для него.

А вот остальное стоило внимания: карета без опознавательных знаков, состоящая из дерева, покрытая разными красками с запряжёнными в нее двумя, уже мертвыми, лошадьми.

Внутри везли какие-то ткани. Видимо дорогие, раз решили положить здесь за них свои жизни.

«Такс, что мы имеем. Почти вся восьмерка молокососы, которые верят всему и у которых башка не на месте, это плохо, но ничего, переживем. Вон, мои умельцы зачем-то даже обивку с сидений раздербанили, забрав с собой и выломали деревянную дверь, отнеся ее к добыче. Прекрасная команда, с такой не пропадешь!» — все не мог нарадоваться Руун полному брюху.

— А ну, разделать лошадей и тоже с собой. Нечего добру пропадать. Кстати, каждый берет себя по рулона ткани сразу! Пусть это скажем вам о моей щедрости! — его слова были очень тепло встречены, ведь прошлый лидер, как он узнал, был очень жадным и отдавал им остатки, а он в свою очередь почти все отдал им. Впрочем, действительно, сдалась ему это ткань? Зато теперь его недолуды принялись энергичней выполнять его приказы.

Под ногами лежали наемники с разношерстной внешностью и одеждой, у которых единственным опознавательным элементом был знак гильдии наемников на запястье правой руки: обнаженный меч и ножны, образующие друг с другом крест, справа от которых мешочек с золотом, с горлышка которого виднеются золотые монеты, просто не вмещающаяся внутрь, а слева деревянная чарка верхушку которой украшает пенная шапка то ли эля, то ли пива.

А так же Руун рассмотрел их ранги: два олова, бронза, серебро. Он не знал, насколько они сильны, но на заметку себе взял.

Уже сейчас на них ничего особо и не осталось: его мóлодцы почти полностью раздели их, обобрав.

«Впрочем, явно не пальцем деланные наемники: десятка два из этой банды перерезали, судя по трупом, ну

или скорее мои бойцы слишком слабы. Похоже что сильно проредел мой отрядик то».

Пока он размышлял, один из разбойников принес ему мешочек монет, предварительно на виду у него складывая туда все найденные монеты.

Решив не считать их, он молча прикрепил их к поясу, бросив туда и свои десять медяков за службу новобранцем.

— Скиньте их с дороги подальше и телегу спрячьте. А затем присыпьте снегом дорогу. Незачем пугать проезжающих караваны, нам они ещё пригодятся.

Безропотно выполнив все, они наконец собрали все награбленное и мы двинулись к ним в логово.

По пути он размышлял, стоит ли их убить, когда он поправится, или такая ниша действительно пока его устраивала?

«Что мне тут делать, если меня нигде не примут? Уйти в другую страну? А до каких пор ходить? Чем эта меня не устраивает? Отсижусь здесь, окрепну, а там решу, что да как», — сказал он сам себе.

В какой-то момент он увидела, как они зашли в горы, чем дальше они шли — тем выше становились горы, пока не затмили собой весь остальной обзор на окружение.

Из памяти он узнал, что это место называлось "Долиной отбросов", куда стекался всякий сброд, организовывая свои шайки. Местные труппы, но вне города и без законов.

Впрочем, местные назвали его "Разбойничья гора", не желая мириться с официальным названием.

В целом, это место напоминало собой несколько прямых каньонов с развилками, полностью усыпанных снегом и с защитой гор вокруг.

Продолжая ещё идти минуты десять, поднимаясь выше, они наткнулись много раз на пещеры, где-то даже были какие-то оборванцы, которые хватились за оружие и скалились, при виде его группы, пока пред ними не предстала замаскированная ветками пещера, в которую они и вошли.

Осмотрев вход он убедился, что подступ к ним таков, что не окружить, лишь два подхода, да и то, по 3–4 смогут одновременно идти. Очень удобно логово для защиты малым количеством.

Зайдя внутрь, он увидел то, чего и ожидал: прошлый главарь уже был здесь и все утащил, оставив совершенно пустую пещеру, разве что с остатками тлеющих углей ещё с самого утра и какими-то корявыми рисунками на стенах.

Стоит ли говорить, что тут было ещё десяток человек на страже, но и их сейчас здесь не осталось.

«Что же, нужно с чего-то начинать же?», — сам себе он признавал, что был риск, что бывший главарь разбойников приведет подмогу и заберёт пещеру, но слишком уж она удобно стоит, да и устал он за эти дни: ему хочется лишь поспать.

Обыскав ее ещё раз, он убедился, что она тупиковая. Сама по себе имеет пять ответвлений, идущих вниз. В ней спокойно поместилось бы несколько сотен людей.

«Да уж, хороша, ничего не скажешь!», — не мог он нарадоваться в первую очередь теплу, поскольку впервые за несколько дней оказался укрыт от холода.

Поставив дежурных посменно по двое на всю ночь так, чтоб были задействованы все, остальным он дал свободной время, а сам же отправился к одному из уголков пещеры с факелом, где и растелил его долю ткани, на которой он и уснул.

Да, он осознавал, насколько рискованно спать среди этих головорезов, но эта опасность так далеко, так эфемерно, а сон так реален, так близок, так манит его.

Вот он и уснул. Ещё один этап его жизни остался позади, отдав свои права наступающему, новому, отрезку его жизни.

Глава 10 — Обрастая силой и властью

Сегодняшнее пробуждение было худшим на его памяти: все его тело ощущало жжение, будто по его телу бегал огонь, а ему самому казалось, что его бросили в костер и в голове визжал голос: "Он уходит! Не дай ему уйти!"

Резко вскочив, он внутренне уже знал: тот, на котором была метка, спешно удалялся от него.

Схватив меч, он бросился в погоню за ним, рыча от боли.

По пути он пробежал спящих оборванцев, которых разбудило его рычание и они опасливо начали озираться по сторонам.

Выбежав из пещеры, он понял, что была ещё ночь, но двоих часовых не было.

«Уроды... Да я вас... Аргх, да хватит жечь, догоню я их!» — казалось, на его мысль жжение отошло на второй план и он смог начать сломя голову догонять беглецов.

К счастью, они не ожидали погони, поэтому прямо сейчас просто неспешно передвигались.

В его воспоминаниях он нашел обрывки знаний о тропинках этих гор и вполне быстро надвигался на них.

Пока он бежал, некоторые недавние раны на его теле открылись и струйки красной крови уже стекали по и без того грязному и дырявому кожаному доспеху.

«Ублюдок, а ведь я дал тебе шанс!» — спустя десять минут он настиг их.

Не став ничего спрашивать или говорить, он резко метнулся к ним, обезглавливая каждого в один удар.

В последний момент своей жизни они его заметили, обернулись, и в их глазах отразился ужас, так и застыв в них навсегда, поскольку больше никак среагировали они не успели.

Руун замер, тяжело дыша и прикрыл глаза, наслаждаясь сейчас потоком исцеляющей силы и разбирая новую память, стараясь ее направлять так, чтобы вытащить из нее что-то полезное, а не какие-то воспоминания детства.

Он все больше и больше осваивался со своей новой силой, понемногу начиная наслаждаться ей и считать благословением, а не проклятием.

Очень скоро раны окончательно затянулись и исцелились так же внутри.

Так же он узнал, что два беглеца устали от такой жизни и хотели пойти сдать власть, считая, что жизнь в тюрьме лучше каждодневного риска потерять ее.

Взяв в одну руку две отрубленных головы, схватив их за волосы, он отправился обратно, уже не торопясь.

К моменту, когда он вернулся — все бандиты проснулись и с оружием на перевес столпились у входа.

Когда они заметили главаря и головы в его руках, в их глазах начала возрастать паника и они ещё кучнее прижимались друг к другу.

— Бойтесь? — усмехнулся Руун, — и правильно делаете.

И тут же ощутил, что зов отмщения вновь привязался к одному из бандитов, от чего сам в себе лишь горько рассмеялся.

Он бросил им под ноги головы их бывших товарищей, заставив сделать пару шагов назад, задержав на них взгляды.

— Значит так, ублюдки, я всех вас чувствую и знаю где вы. Знаю о каждом вашем шаге, знаю вас больше, чем вы думаете. Ратос, перестань наяривать во время своих смен. Ирм, думаешь никто не знает, как ты не побрезговал оприходовать труп? Франс... о тебе я лучше промолчу, но ты и сам должен понять меня. Мне продолжать?.. эти два выродка хотели сбежать и бросить нас всех, вот и итог. Запомните, я знаю ваши мысли, и если увижу, что вы захотите бросить своих братьев, — вас ждёт та же участь.

Закончив свои слова, он внимательно прошёлся по их лицам взглядом.

Он надеялся, что эти напуганные сейчас люди позже передадут эту историю других, которые присоединятся к нему и его авторитет обрстет неким ореолом ужаса по отношению к нему.

Освящение от костров было плохое, но он мог поклясться, что видел, как их лица бледнели, а колени тем временем слегка подрагивали.

— Значит так, чтоб к утру эти две башки были на палках у входа в пещеру, иначе я лично нанизаю ваши взамен, — после этих слов он усталый отправился отдыхать.

Впрочем, уснуть он уже не смог: до утра он думал о том, что делать дальше. Теперь у него было лишь шесть людей. Этого слишком мало хотя для чего-то. И ладно, если бы это были солдаты, но эти ничего не умели.

Таким образом он пришел к решению попробовать объединить пару самых малочисленных групп, но это могло повлечь за собой лишние проблемы, привлекая внимания других.

Хотя ему то что? Ну потеряет он банду в худшем случае, что с того? В своей то жизни он был более менее уверен, ведь каждое новое убийство приносило ему ощущение силы, которым сложно было не упиваться.

Однажды эта надменность явно может дорого ему обойтись, но сейчас, с наступлением утра, он взял четверых голодранцев с собой и отправился в самое малочисленную банду, о которой знал, предварительно все же на виду у

всех убедился, что головы предателей на палках у входа.

Ещё на подходе их заметили и все вместе выскочили с оружием, направляя на Рууна и осторожно его рассматривая.

— Тебе чего здесь надо, салага? — выступил вперёд их старший.

— Ты, твоя банда и все, что принадлежит тебе — становится моей собственной, — произнес герой это так же спокойно, как будто констатировал факт.

На самом деле Руун собирал силы, дабы одним рывком закончить с ним, лишив врага лидера и нанося им ментальный урон, чтобы после этого успешно завербовать, но тот был слишком далеко, а значит нужно менять план.

— А не пойти ли тебе... — не закончил он свою фразу, поскольку увидел, как герой вышел вперёд, встав между двумя бандами.

— Значит так, вот он я. Иди и сразись со мной и заberi все мое, или же проиграй и потеряешь все. Не обязательно ты, да хоть всем скопом, давайте же, не тяните время, у меня ещё много дел! — кричал он им, распахнув руки в стороны с явной насмешкой.

Впрочем, вражеская банда не торопилась отвечать, а лидер скрепя зубами хмуро рассматривал его.

Как лидер одной из самых малых банд, он очень нуждался в авторитете, который сейчас терял прямо у всех на глазах.

В конце концов он принял решение и решил сразиться, подходя к герою со своей секирой. Это и была его ошибка.

Стоит отдать ему должное, — держался он неплохо, а за его ударами крылась мощь, способная рассечь Рууна пополам, но ловкость его тела давно уже превзошла обычную, позволяя ему уклоняться от массивной секиры.

Несколько раз он оставлял лёгкие порезы, но взамен герой наносил ему глубокие раны в ответ и очень скоро битва подошла к концу, когда после нескольких минут упало бездыханное тело главаря вражеской банды.

Только что герой узнал, что тот был бывшим наёмником, а так же наконец понял классификацию их рангов.

«Бронза... Слабак...» — он не хотел признавать, но эта ситуация отчасти сбивала с него спесь, впрочем, он тут же ободрился мысли, что теперь его враг стал частью его навыков и силы.

Так же он узнал, что их логово было меньше, а добычу совсем недавно они продали пиратам, которые изредка приходят сюда за скупкой товаров, так что у них ее почти совсем и не осталось.

Причем продали они не на монеты, а не оружие и слабенькие доспехи, которые сейчас они носили.

Все те же сельские, но уже неплохо вооруженные; если бы не гордость бывшего наемника и нежелание терять авторитет среди своих бойцов, то скопом они вполне неплохо справились бы с ним, что ещё больше омрачило настроение героя.

— Слушайте сюда. Я сильнее, а значит вы теперь переходите под мое начало. Я докажу, что лучше служить мне, чем кому-либо ещё. Все, что я заберу — доспехи с вашего главаря. Вся добыча, что пылится в вашем логове — ваша. Считайте это моим добрым намерением по отношению к вам. Кто не хочет — пусть раздевается до трусов и прямо сейчас уходит с этих гор, — никого не заставляю.

Он не ожидал, но почему-то половина из них так и поступили, видимо устав от такой жизни, раздевшись, ушли. Остальные восемь человек с жадным блеском в глазах смотрели на Рууна, проверяя, правду ли он сказал.

— А теперь собирайте добычу и несите в новое логово. Она ваша, как я и сказал.

Пока они были заняты добычей, герой снимал свою кожанку, которая после последней битвы напоминала лоскуты кожи, не особо уже пригодные к защите.

После чего он раздел бывшего наемника и снарядил на себя его кожаные доспехи с вшитыми поверх металлическими бляшками.

Подтянув под себя ремни доспеха, который до этого висел на нем, они вместе отправились обратно складировать добычу.

Остальную часть дня они прошились ещё по трем слабейшими группировкам, впрочем, далеко не все шли на поводу у провокаций Рууна.

Одна из них накинулась на него вся вместе, но к счастью, он почти всю банду привел с собой, что и позволило, пусть и с жертвами, но осилить тех, которые после половины потерь все же сдались.

Ещё раз было, что главарь согласился присоединится сам, что автоматически дало ему место заместителя Рууна.

Звали его Ромус и он был таким же бывшим солдатом, как и он, только по его словам отслужил он три года, шесть контрактов, дослужившись до звания элитного бойца, которое сейчас и красовалось на его руке.

Об обстоятельствах, что сподвигло стать его разбойником, он не поведал, но это было и не так уж и важно в месте, где каждый и без того готов был всадить ему нож в спину ради места главаря, но сдерживаясь, сами боясь конкуренции.

К концу дня его банда состояла из тридцати семи человек.

Перед своим тупиком в пещере, где он спал, он разместил Ромуса, а ещё перед ним десяток молодых, среди которых была и шестерка первоначальных.

Теперь на комфорт он не жаловался: они смогли достать каркас кровати, сбитый из досок, поверх которого он постелил ткани, а сверху шкур, чтобы укрыться ими.

В конце дня было решено пересчитать деньги: "двенадцать золотых" — округлил в конце он.

Так же из памяти он достал все ловушки-сигналки, которые и установил рядом с собой, не желая все же оказаться прирезанным во сне.

Впрочем, даже так сон долго не шел к нему: он часто слышал близкие шорохи, из-за которых открывал глаза и оглядывался, но каждый раз видел лишь пустоту в тускло освещаемой факелом коридоре.

В осколках памяти слишком хорошо он запомнил, как позиции лидера занимались почти всегда одинаково: подло убить главаря. Часто такие люди и одного дня не проживали, поскольку их сменяли другие.

«Теперь понятно, почему страну не волнует то, что здесь творится, ведь они сами друг друга легко перебьют», — с такими мыслями он сам не заметил, как отключился.

Утром следующего дня он принял решение пойти на тракт, ожидая караваны, которые можно было бы разграбить.

Подобрав меч получше и щит из общих запасов, он так же нашел новые сапоги и наплечник, закрывающий его сердце.

Оставив десяток бандитов сторожить логово, он взял всех, включая своего зама, и отправился к местам, где обычно и делали засады.

Выйдя к однообразным лесам этого континента он все же остановился там, где в прошлый раз и наткнулся на этих разбойников.

Сейчас у него в отряде было две лучника, которых он и посадил в кусты, а остальные двадцать пять с оружием на перевес засели вокруг дороги в ожидании добычи.

Шел час за часом и Руун осознал, что терпением особо не выделяется, в отличие от своей банды, привыкшей видимо жить в ожидании.

«Впрочем, чему удивляться? Не просто так они долго способны выжидать нужного момента, чтобы занять позицию лидера», — ему все меньше и меньше нравился здешних контингент и условия.

В конце концов, он даже уснул на какое-то время, пока его за плечо не дернул Ромус.

Открыв глаза и машинально потянувшись к оружию, он замер, поскольку его заместитель тактично решил проигнорировать его сон и кивнул головой на дорогу, откуда был слышен стук колес.

Подождав ещё немного, пред ними предстала колонна людей, состоящая из десяти человек и одной повозки, запряженной лошадьми.

Он принялся изучать их: восемь из них выглядят охранной, а двое торговцами, судя по их роскошной одежде.

«Не так уж и много, — это наш шанс. Нужно брать», — принял Руун решение и подал знак рукой своей банде, который тут же передали и остальным.

Спустя краткое мгновение из кустов вылетели стрелы, пронзив одного из наемников: одна отбилась от доспеха, а другая застряла в ноге.

«Что же, хотя бы замедлили одного».

— Одного торговца брать живым! — на ходу приказал он, бросившись в бой.

Сразу же он ввязался в битву один на один с наемником.

Спустя непродолжительный обмен ударами, в которых он непрестанно блокировал щитом, колот мечом и старался сбить противника с ног щитом и пинками, он понял, что доминирует и прикончил его.

Затем бросился на второго, который оказался сильнее первого, но с которым все же смог разобраться спустя несколько минут, — его тело вновь наполняла опьяняющее ощущение силы.

Тут же он заметил, что проделал брешь в их обороне и мог пройти к торговцам.

Ещё раз подумав, он решил не ждать, пока его кровожадные отбросы исполнят его приказ, и сразу же бросился к торговцам, которые, завизжав, тут же потеряли свои жизни.

Воспоминания... Да, именно их он и хотел от них. Теперь он узнал много нового о торговле.

Они двигались в портовый город и хотели распродать предметы быта севера где-то не так далеко, на ближайших островах, которые имели нужду в их ресурсах и подзаработать золотишка, но их планы были нарушены разбойниками.

Закончив с этим, он осмотрел поле битвы: шесть трупов, четыре из которых на его счету, и около пяти человек его людей валялись мёртвыми.

Прямо сейчас оставшиеся четверо наемников стали спиной к спине, отражая атаки его бойцов: шестой труп... седьмой... восьмой... У пылких, но неопытных, ещё вчерашних деревенских, мало шансов в этой схватке.

После таких потерь они не решались нападать, окружив врага.

— Наш наниматель мертв, отпусти нас, мы всего лишь наемники! Хочешь все монеты отдадим? — обратив внимание на Рууна, один из них подал голос.

Сейчас Руун всю размышлял, что ему делать с ними.

В первую очередь он решил, что ему нужно больше лучников, впрочем, они не так эффективны на бронированных солдатах.

Во вторую он знал, что из-за наемников о засаде здесь узнают все другие, хотя и не сразу.

Но с другой стороны он явно не справится один с ними, а людей придется положить немало.

«Да... Но я не могу их отпустить и, к сожалению, предложить им место в банде нельзя, — скорее всего убегут ночью же, но до чего же хорошие бойцы...», — с нотками горечи Руун отдал приказ лучника обстреливать их по ногам.

Спустя несколько десятков стрел они не выдержали и решили в последнем рывке забрать как можно больше жизней.

Двое из них кинулись на Рууна, пока другие кромсали окружающих их бандитов.

Герой принимал атаку одного на щит, а атаку второго отбивал мечом, пассивно защищаясь и иногда делая шаги назад, когда они пытались сделать ему подсечку или опрокинуть.

Он выжидал возможности для нанесения подходящего удара, чтобы мгновенно закончить жизнь одного из них.

Но тут же подоспел Ромус, заняв одного из них, что помогло главарю банды расправиться с наемником, а после и добить того, который сейчас теснил его заместителя.

Другие два наемника тоже были мертвы, забрав с собой ещё пятерых бандитов.

«Ну и потери... Как же скверно... Теперь понимаю, почему это такое непопулярное дело», — ходил Руун мрачнее тучи, разом потеряв почти половину своих людей.

Но его настроение поднялось, когда они стаскивали добычу.

Лошадей не трогали, оставив их перенести груз, а затем в лагере отправят на забой.

Сейчас вся банда стаскивала со своих собратьев и людей вокруг вещи, выкидывая голые тела в лесную чащу, чтоб их не было видно с дороги.

Добыча из самой кареты особенно порадовала, хотя он знал уже, что там, но увидеть лично — совсем другое ощущение.

Пред ним предстала вадмель, — толстая и грубая шерстяная ткань, которую делали северяне. Она была очень теплой, легкой и непромокаемой, — за нее вполне могли неплохо заплатить, на что и рассчитывали торговцы, скупая ее, пока ее у них не отобрали.

Нашлись там так же большие связки сушёной рыбы, а так же бивни и жир моржей. Первые использовали для различных рода аксессуаров или просто украшений, а второй для факелов и свеч.

Добыча порадовала не только Рууна, но и всю банду, теперь все озирались на него, ожидая, как он будет ее делить.

— Половина добычи мне, доспехи и оружие можете поменять прямо сейчас, остальное в общак. Одну треть из добычи оставить тем, кто в лагере, остальное ваше. Ромус, тебе двойная добыча из моей доли. А теперь все быстро спрятать карету и засыпать кровь снегом, — мы уходим.

На этой ноте банда осталась довольной и отправилась обратно на свою базу.

Глава 11 — Горный король

Всю последующую неделю Руун сидел на базе, приказав бандитам обустроить логово.

Очень неохотно, но они исполняли приказ, выдолбив внутри пещеры держатели для факелов, сами факела, ночлежки, склады, некоторые баррикады и посты для часовых.

Снаружи они обустроили вышку у входа на четверых человек, а подступы к их входу обустроили кольями, осложняя подступ к ним, закончив тем, что по обе стороны от входа в пещеру сделали небольшие ворота, по пояс человеку, которые легко отодвигались с внутренней стороны, но снаружи служили стеной, которую пришлось бы преодолевать.

Так же он составил график, когда они должны были ходить на охоту, а за каждый килограмм мяса он платил им по пять медных, что помогало оттягивать момент перед новым караваном.

Герой ещё пытался заставить их тренироваться, но никто не хотел, кроме его заместителя, который так же, как и остальные, быстро дал заднюю, забросив тренировки, из-за чего Руун в одиночестве в течение недели проводил тренировки, адаптируя навыки из знаний других под свое тело, полностью сливаясь с ними.

Очень скоро он узнал, где находится ближайшая река, которая не замерзала, к которой он зачастил уходить ночами, отмывая свои вещи от крови, грязи и пота, а затем смывая все это с себя.

Поскольку он был устойчив к холоду, хотя ощущения все ещё были не самыми приятными, то он предпочел лучше в ночной тиши этим заниматься, чем при всех, кому в голову могла придти идея убить его и занять место, пока он голый в бадье плещется.

Как он узнал от Ромуса, уже зрели недовольные от его идей и планов, которых останавливал лишь страх перед "бессмертным" Рууном, который прямо на глазах заживляет свои раны и бросается снова в бой, словно берсерк.

Очевидно, сам Ромус жил хорошо, совершенно не обременённый ежедневными обязанностями, а получал при этом прибыли больше любого из них, что делало его довольно таки лояльным.

По истечению недели, когда все было закончено, а Руун свыкся с навыками, он вновь зачастил по окружающим шайкам, собирая их под свое крыло.

Очень часто это заканчивалось резней, но всегда были те, кто присоединялся к нему.

Даже некоторые главари банд примыкали к его лагерю, два из которых выделялись больше других.

Ворг — здоровенный, уже седой от старости, ледяной орк, полностью покрытый татуировками, что свидетельствовало о богатом опыте его жизни.

Сам он рассказывал, что пришел найти свою смерть на этой земле, поскольку его время воевать закончилось, но отчего-то не захотевший сражаться с Рууном, поскольку утверждал, что погибнув с ним — не найдет покоя.

«Жаль мне тех, кто ищет покоя в посмертии от твоей руки», — однажды сказал он, когда они выпивали.

Сам герой был только рад опытному воину в своей отряде.

Второй была Шиоса — темная эльфийка, которую неизвестно как занесло на эти земли.

Она всегда куталась в несколько слоев шкур, оставляя видными лишь прорезь ее фиолетовых зрачков, недобро смотрящих на всех вокруг.

Правда однажды Руун увидел на ее лбу рабское клеймо, которое преследовало существо всю жизнь, не давая ему больше нигде нормальной жизни, но он решил не лезть в ее прошлое, просто приняв её.

Она, в отличие от Ворга, все таки сражалась с героем, но достаточно яростно, чтоб он не мог закончить все быстро, что дало ей в конце время ретироваться и сдаться, соглашаясь присоединиться к нему.

О нем больше ничего не было известно, поскольку она была крайне молчаливой, а на любой приказ просто кивала головой и исполняла в точности, как сказано.

Эти трое, включая Ромуса, стали его заместителями.

Таким образом прошел месяц объединений, что принесло славу Рууну, к которому теперь бандиты уже сами присоединялись, приходя к его крепости.

Да, именно крепости, поскольку вокруг пещеры все обросло деревянными постройками, вокруг которых соорудили частокол, насколько это было возможно в этой местности.

Сейчас его внешний вид выглядит более внушительно: его доспехи теперь не ограничивались нагрудником с пластинами, но точно такие же штаны и сапоги украшали его, а поверх их наплечник из металла, защищающий его сердце.

Нашелся даже треугольный щит, покрытый снаружи металлом и которым он мог хорошо защищаться от ударов.

Но сейчас наступало время, когда припасы подходили к концу и он принял решение пойти в рейд: разделив свои двести тридцать семь человек на четыре отряда по пятьдесят человек, один из которых повел он, а три других заместители, остальных оставил сторожить их крепость.

За этот месяц он многих лишил жизни, но ощущал, что прибавление сил стало совсем небольшим, будто совсем скоро дойдет до своего пока, финальной точки, что заставляло его нервничать.

Впрочем, ему сейчас уже было не до этого: сидя в засаде они уже слышали караван.

Он сразу же не понравился герою:

Две телеги и тридцать человек, двадцать пять из которых охранники.

Но терпением он так и не запаса за это время и ждать другого не хотел, поэтому отдал приказ стрелять.

Самым привлекательным для бандитов была девушка на коне в самом центре каравана, отчего глаза всех бандитов загорелись жадным блеском, убеждая Рууна в том, что они не примут решение ждать следующего каравана.

Стрелки дважды успели выстрелить, положив часть врагов, после чего бандиты вылезли из кустов, накинувшись на столь сладкую добычу.

Вслед за ними вышел и Руун, лениво подбираясь к торговцам через охрану, обрывая их жизни.

Впрочем, особо говорить и нечего, ведь их жизни так же мгновенно оборвались, ничего не затронув в душе героя, после чего он обратил внимание на девчонку, ибо узнал кое что интересное.

Да, определённо, сейчас вокруг нее валялось пятнадцать его бойцов, а впереди нее стоял пожилой мужчина, — «серебро, почти золото», — пронеслась мысль, которую он узнал только что.

Девушка было дочерью рыцаря, начальника гарнизона ближайшего города отсюда.

А по совместительству хорошим торговцем, вот ее и отправили запастись продуктами, выкупая их из портового города.

А охраны так мало и так слаба лишь потому, что Локорцы вновь ввязались в войну и сейчас многие их силы мобилизованы, Впрочем даже так нашелся тот, кто даёт достойный отпор.

Только сейчас он понимал, насколько скверно их дело, поскольку теперь это просто так не оставят, да и отпустить ее уже нельзя.

Рууна удивляла природная трусость этих бандитов, но сейчас они, не считаясь с потерями, пёрли на наемника, желая захватить свою добычу.

«Прости, малышка, меня не поймут, если я отпущу тебя или убью сразу, просто потерпи немного», — после этой мысли он сразу же забыл о ней.

Тем временем бой подходил к концу: оставался лишь пожилой рыцарь, которого утыкали стрелами лучники.

И бандиты, словно шакалы, то сближались, то отдалялись, боясь последних мгновений жизни этого старика.

«Ну вот и все», — подумал он, наблюдая, как тот падает бездыханный в лужу крови.

— Таков конец славного героя, что не смог защитить свою "принцессу"... — пробормотал он, сам не зная откуда взявшуюся мысль.

Закрыв глаза, он вновь начал перебаривать осколки воспоминаний, пока его отряд собирал добычу.

Когда он очнулся, то девчонку уже всячески лапали и домогались, поскольку их сбор был окончен и они были готовы уходить.

— А ну-ка, потом будете слюни пускать, сейчас возвращаемся! — он даже смотреть на нее, уже считая её мертвой. Не хотел видеть цвет жизни на юном лице, который скоро покинет его, Впрочем в воспоминаниях других он четко отразился при всем нежелании героя.

Авторитет их лидера был закреплён страхом за прошлый месяц, когда они видели, как он убивал самых сильных противником, что располагало их к выполнению приказов беспрекословно, если они не переходили грань, из-за чего они сейчас тут же стали серьезными и отправились в лагерь, переноса добычу.

Возвращаясь, сейчас он окончательно осознал, что достиг предела. Больше его силы не растут, хотя регенерация и память все так же приходят к нему в полноте.

Он думал, что наступит день, когда его силы достигнув вершины, но кажется он ошибался, достигнув лишь вершины человеческого тела.

Его мысли прервал старый, ветхий дом из досок, на который они сейчас наткнулись.

Они видели, что внутри горел свет свечи. А ведь здесь не было никогда этого домика, отчего разбойники недоумевали, — отряд сразу же встал, ожидая приказов.

— Вы четверо останетесь со мной, остальные продолжайте путь в лагерь. Шорн, ты отвечаешь головой за добычу, если хоть что-то до лагеря не дойдет, а я обязательно это проверю, поверь мне, — потеряешь голову сразу, без попытки оправдаться! — выдал он приказ одному из бывших главарей мелких банд, оставив при себе того, к кому привязана его метка.

Дождавшись, пока они уйдут, он кивнул головой, чтоб его четверка вошла внутрь, что те сразу же исполнили, выломав дверь и влетел внутрь с оружием в руках.

Войдя внутрь, вслед за ними, он замер, обескураженный картиной перед ним.

Прямо посреди комнаты сидел дряхлый старик с отросшими седыми волосами и такой же бородой.

Он сидел за столом, на котором были листки, на одном из которых он что-то записывал, а его рука подрагивала.

В руках у него было какое-то золотистое перо, казалось удивительной красоты птицы, а рядом с ним стояла чернильница с чернилами.

Он, не обращая внимания, продолжал что-то писать, а стол под ним, поросший мхом, со свечкою на нем, казалось, скрипел от счастья.

Эта картина не только самого Рууна заставила встать на месте, заморожено наблюдая за ним, но и других.

Он видел, как ни смотря на дрожащую руку, буквы под его пером ложились на листок очень ровно и идеально, словно живые, выравнивая себя сами.

Затем он остановился и медленно поднял свой затуманенный блеклый взгляд на них, проскрипев голосом:

— Кто тут?

Впрочем, ему никто не ответил, а Руун застыл при взгляде на эти глаза.

Но его шайку это не смутило и они видимо в том усмотрели разрешение.

— Не богато. Ц-ц, как жаль... — произнес один из них, осмотрев комнату.

Вырвав из рук старика листок и поднеся его к огню свечи, он произнес:

— Эй, старик, где монеты? Доставай, иначе все сгорит!

— Взгляни вокруг, откуда здесь монеты, юноша?.. — произнес он, дрожащими руками потянувшись к своей работе и медленно вставал со стула.

— Нет монет? Ну что же... — после этих слов он звонка рассмеялся и зажёл лист, бросив на стопку остальных на столе, позволяя огню разойтись.

Бандиты на замечали того, что видел Руун сейчас.

Листы не хотели гореть! Они горели, но очень и очень медленно, будто горит промокшая древесины, а дыма от них было ещё больше!

Черного дыма, который прямо сейчас приобретал разные фигуры в полный рост.

Руун видел людей, орков, энтмов, огров, русалов и многих других, ещё более ужасных видом — чего стоила только та тварь в виде глаза и щупалец вместо рук и ног...

Затем этот дым проник в лёгкие каждого здесь находящегося, заставив их онеметь и лишь взглядом полным страха, выпучив глаза, уставиться на старика.

Тот в свою очередь преобразился: спина выпрямилась, глаза стали острыми, а на лице играла веселая усмешка.

Подойдя к пеплу от листов, он сгреб жменю и дунул ею на лицо каждому, после чего рассмеялся, пока четверо бандитов превращались в прах, осыпаясь прямо на глазах, а после этого, прямо в воздухе, не успев упасть, превращались в дым, который стекаясь к старику.

— Ну что же, теперь вы и будете мне вдохновением в моих следующих работах! — его улыбка медленно превращалась в безумную, пока он не заметил Рууна.

— Так-так, кто тут у нас? — подошёл он к нему ближе и всмотрелся в глаза.

В этот момент герою показалось, что сердце в нем сжалось от страха. Нет, не физическое, а то, которое скормила ему старуха. Ему казалось, что сейчас по его телу передается ее дрожь.

— А, эта юная леди втянула тебя в свою игру, юноша. Интересно, что же, не люблю портить чужие игры. Я тебя отпущу, но ты... Как интересно... — произнес он и впал в безумных смех, после которого так же резко произнес, — а если и я присоединюсь?

Ему показалось, что от этих слов он внутри слышал крики старухи, что просила не мешать ей.

— Ну-ну, тише, юная леди, тише... Я совсем немного вмешаюсь, — после чего вновь рассмеялся.

— Я скажу тебе три вещи. Первое: ты ощущаешь, что достиг своего предела, не так ли? Так вот, эта сила может идти дальше, но человеческого аспекта мало, собери все, — они сделают тебя сильнее.

— Второе: если наступит день, когда на этом континенте тебе не будет равных в силе, то иди на самый край мира, на север, там обитает древнее чудовище, бестия Кугорос, он даст тебе другую силу, не собственного тела, а наружную. После узнаешь, где найти и других таких же.

— И третье... Ты странник, — не часть этого мира, твоя душа чужая здесь, но у нее на это свои планы. Однажды ты поймёшь.

— А теперь... До встречи, мой юный друг, повесели и меня в этой игре, после чего мы вновь встретимся.

После его слов Руун вновь слышал смех, но его сознание покидало его и он отправился в небытие, охватившее его своими объятьями тьмы, которые через миг выпустили его и он проснулся на снегу в том же месте один.

Он медленно поднялся и, нахмутив брови, поплелся в свой лагерь.

По прибытию, пройдя через гарнизон, привязав новую метку о первого стражника, он услышал, как где-то в

ночлежке бандитов сейчас кричит та самая девушка, в сопровождении которого был слышен дружный смех и улюлюкивание.

«Гребаный ублюдки!» — сжал он зубы и кулаки, ещё больше помрачнев.

Нет, он ожидал этого и был готов, но последствия встречи с тем стариком выбили его из колеи.

Войдя в свои покои, его навестили заместители, которые тут же отчитались о награбленном.

Впрочем, у него не было настроение на это, — он лишь кратко отметил гору всего у себя в углу и 46 золотых монет, которые позвякивали теперь на его поясе.

Отдельно его заинтересовала лишь помада для волос, которую, как ему сказали, делали из свиного жира.

— Довольно, давайте закончим на сегодня. Ромус, скажи кому-то притащить мне бочонок пива, — сейчас ему как никогда хотелось выпить.

— Сделаю, — после этих слов все трое начали уходить.

— Ворг, ты останься. Есть разговор.

— Слушаю, — повернулся он к Рууну.

— Я знаю, что ты воин с честью, так?

— Так, к чему ты ведёшь, главарь?

Засунул руку под шкуры на своей кровати, он достал оттуда колбу с прозрачной жидкостью и протянул ее ему.

— Что это? — принялся он рассматривать колбу, взяв её в руки.

— Это, дорогой мой друг, яд. Яд, убивающий в течении нескольких минут и не оставляющий никаких следов. Есть идеи, что я хочу тебя попросить?

В ответ на это тот подозрительно поднял взгляд на героя и отрицательно покачал головой.

— Воин чести презирает издевательство над слабыми, поэтому возьми эту колбу и незаметно скорми той девчонке, иначе она будут страдать здесь до тех пор, пока ментально не сломается, а я не хочу каждый день слышать ее крики. Даже после этого она будет страдать, просто больше не будет осознавать себя. Скажи мне, как воин, позволяет ли твоя честь оказать такую милость и избавить её от этой участи?

В ответ на эти слова он медленно кивнул, внимательно рассматривая лицо Рууна.

— Что же, тогда иди.

Когда Ворг ушел, ему притящили боченок с элем, который он принялся пить прямо оттуда, рассматривая пламя факела, который колыхался от дуновений ветра, играя тенями по всей пещере.

Впрочем, на самом деле Руун сейчас уходил глубоко в себя, осмысливая слова старика. Если первое он примерно понял, второе — запомнил, то третье звучало слишком странно. И что значат слова о ещё одной встрече? Он явно не хотел бы видеться с ним ещё раз.

Так, не заметил он и сам, как уже напился, после чего пьяный встал и взяв кинжал, отрезая половину длинны своих волос.

Затем открыл коробку с помадой и взяв ее пальцами, сделал себе укладку назад: теперь он напоминая седого дикобраза, с его длинными и торчащими иглами назад.

После чего подошёл к кувшину с водой и смотря в его отражение в полумраке, почти полностью обрезаю свою бороду, оставив ее около двух-трёх сантиметров, а затем вернулся к кровати и продолжил пить.

Так он и уснул, упираясь на бочонок в своих объятьях, ища во сне желанный покой.

Между тем, пока босс спал, девчонку нашли мертвой. В лагере сразу же поднялась буря.

Около десятков бандитов были зарезаны, как самые вероятные виновники этого, поскольку к девчонке имела доступ только они.

Впрочем, никто не знал, убили ли ее вообще, или она сама от вчерашнего скончалась, ведь следов никаких не было, но сорвать на ком-то злость всем нужно было.

Так прошли ближайшие два месяца.

Числе людей Рууна неуклонно росло, но при этом при каждом рейде и уменьшалось, заменяя количество более лучшим качеством.

Он видел, как выживали именно те, кто в свободное время все же уделял время тренировкам, и их же он ставил десятниками над бандитами.

Он в очередной раз убеждался, что никогда не будет конца недовольным деревенским, что будут убегать в горы, чтобы стать разбойниками.

На данный момент не было больше никаких группировок, кроме его, поскольку он за этим строго следил, сурово расправляясь с нарушителями.

Его богатство все возрастало и возрастало, страх пред ним увеличивался, а слухами наполнилась земля, пока он сам развивал свои умения, которые продолжал отбирать у других.

Пару раз были попытки покушений, но почти все разы спасали сигналки, поставленные им.

Иногда у них получалось что-то, но он быстро регенерировал у всех на глазах, расправляясь с предателями.

Было однажды, что его отравили, но он, ощутив, что отравлен, просто прирезал ближайшего и восстановился, объявляя, что именно тот подсыпал ему яд.

Именно так закрепилось за ним прозвище "бессмертного".

Иногда некоторые разбойники действительно сбегали и терялись, но он с этим ничего не мог поделать, — по крайней мере их больше не видели.

Он до сих пор не разобрался, как ему начать впитывать другие аспекты, но у него уже были идеи, которые пока он проверить не мог.

Так же он учился контролировать свои способности.

Сперва ему это показалось плохой идеей, но в голове навязчива пульсировала мысль: "что не убивает тебя — делает сильнее", после чего он решил все дальше и дальше отходить от цели, терпя жжение, сила которого со временем слабела, а голос блек в его сознании.

Так продолжалось до тех пор, пока сегодняшним утром к нему не прибежали доложить, что недалеко от гор пришвартовались контрабандисты и пираты со своим товаром, который готовы продать, а так же скупить его добычу.

Как Руун узнал, контрабандисты и пираты устраивают нелегальный черный рынок лишь на один день: с полудня и до следующего утра, после чего снимались с мест и расходились своими дорогами.

Само место было недалеко от берега, почти у самих гор, которые они облюбовали.

Продавалось всё, что можно продать, да подороже, а скупали все, что потом можно перепродать.

Поскольку в эту пору года берега подмерзли, — им стоило больших усилий высадиться на берег с помощью лодок, перенося лишь немного груза, заставляя делать ходки от корабля и обратно.

Да и всегда был риск, что лёд треснет, а товар пойдет ко дну. Что в конечном итоге лишь набивало цену товарам.

Такое мероприятие они проводят раз в несколько месяцев и таких точек у них было несколько.

Сюда стекался всякий сброд, нищие, готовые рискнуть жизнью, чтоб что-то украсть, желающие лёгкие денег торговцы и даже кто-то при власти, но они зачастую прибывали инкогнито, надеясь найти редкие диковинки.

В общем контингент был подобран разношёрстный.

Вот и сейчас Руун взял тех, кто хотел поучаствовать в торгах и носильщиков, что тащили его долю.

Часто он ловил жадные взгляды своих, не очень умных подчинённых, желающих прикарманить что-то из его добра.

Однако ситуацию исправила первая отсечённая голова, когда они были уже на пол пути. Хотя ему и пришлось ждать, когда тому придет замена, все же никто больше не решался на такие поступки.

Уже на подходе герой услышал гомон толпы, который выражался в смехе, спорах и пылких криках.

Сейчас он ориентировался на память собранных осколков, ища тех скупщиков, что плотно работали с разбойниками, не выкупая совсем уж по мелочевке. К ним он и решил направиться.

Путь к месту старались заложить как можно большим количеством камней различных размеров, а может они так разгребали площади под сам рынок. Что в конечно итоге делало проход туда сам по себе очень затруднительным, если у тебя есть с собой товар.

Путь выглядел так, будто образовывал причудливый лабиринт с множеством проходом, через который, по всей видимости, было бы легче сбежать в случае чего, не будучи зажатым в тупик. А сами проходы иногда были настолько закрыты кустами, что без знания о самой дороге ты бы ни за что не нашел ее.

Впрочем, можно было бы просто перелазить через них или развалить, но на это нужно было много сил и времени, не позволяя тихо пройти туда или догнать беглеца, что знает эти пути.

Вот уже открылся вид на разношерстную массу во всевозможных одеждах и нарядах, лишь с одной общей чертой, что все они были тёплыми.

Деревья вокруг были вырублены, а пни выкорчеваны, образуя открытую местность для общего удобства, а сама по себе земля, поросшая мхом, чередовалась со скальной порой, с которых предварительно убрали снег.

Он наблюдал за различными видами торговцев: некоторые стелили полотно на земли, раскладывая товары там. Другие строили небольшие деревянные прилавки. Кто-то даже умудрялся создавать загон из цепей или сколоченных деревяшек: где-то были рабы, а где-то животины. Но все они старались выбрать место повыше, чтоб их заметили другие. Видимо вырубленная древесина шла именно на это.

Но главное вишенкой на торте были представители пиратов, в отдельных площадях проводящие аукцион всяких ценных вещей. Впрочем, сейчас там был один хлам — лучшее хранили к концу ночи.

Схватившись за рукоять своего меча, он принялся пробираться сквозь толпу людей, проходя вдоль рядов торгующих, а вслед за ним шли его бандиты, расталкивая случайных прохожих.

Впрочем, некоторых из них отделались прямо тут, поскольку тоже пришли что-то продать или купить.

Руун же следил только за теми, кто нес его вещи, чтобы ни им самим, ни каким-то ушлым карманникам не пришла идея протянуть свою руку на его собственность.

Пока он шел, то ощущал множество различных запахов, которые казались ему странными, но знакомых: соленый запах моря от тех, кого он обозначал для себя как пиратов, а так же приятный пряный запах специй: где-то недалеко продавали уже готовые деликатесы, от которых в Рууне пробуждался голод, отвлекая его внимание, а в других местах были заморские специи, которые просто приятно щекотали нос.

Но больше, конечно, было мерзких и неприятных запахов: пот людей рядом, запах гнили от рабов и крови на скотобойне, где покупали мясо частями, либо скупала так и разделявали прямо тут, чтобы не нести лишнее на корабль. К подобным запахам он быстро привык, но это так же заглушило и приятные для него.

Он встречал множество существ различных рас, некоторых из которых узнавал из осколков, а другие не знали даже и они. Кто-то из них был просто прохожий, а кто-то среди рабов с пустыми глазами.

Повсюду он видел всевозможные выражения лиц: от отчаяния, до блаженства, как у продающих, так и у

покупающих.

Отовсюду до него доносились различные наречения и языки, которые он даже не понимал.

Сам в себе он признавал, что терялся от всего этого, ведь это его первый практичный опыт подобных дел.

Отсюда, посмотрев в сторону моря, желая отвлечься от шумной толпы, вдалеке он увидел десятки разных кораблей с разными парусами, формами и размерами, что находились далеко от берега, а ближе к берегу, вгрызаясь носами в лёд, было и того больше лодок, большинство из которых он отсюда просто не мог рассмотреть.

К этому моменты они дошли до нужных торговцев, которые тут же приметив его, приветливо улыбались и заманивали рукой, впрочем, не пряча лукавства в глазах.

— Господин разбойник, мы работали с вашими коллегами, как на счёт продолжения столь выгодных взаимоотношений?

Приказав своим подопечным складывать рядом с ним поклажу, он приготовился выбить как можно большую цену.

— О, я это знаю, не сомневайтесь, мои "коллеги" и порекомендовали вас, предварительно оговорив цены на все, которые они получали. Но взгляните на это количество сейчас, тут только шкур разных животных до тысячи наберётся, вы когда-то видели такое количество от моих "коллег"? Это определённо будет выгодно сбыть. Всего-то пятьдесят процентов накидки сверх обычных цен.

— Ты море видел? Как нам это на корабли доставлять? По пути что-то утонет, что-то утянут, а как же таможенный налог? Да за все это даже стандартная цена уже звучит хорошо, но из уважения я готов купить лишь на десять процентов дешевле указанной стандартной цены.

— Я уверен, что у вас есть решение всех этих проблем, как и у других торговцев, которые не против докинуть сверху монет за такое качество, взгляни, тут все лучшее. Сорок процентов сверху!

— Конечно, вы можете обратиться к другим, но кто сказал, что они скупят все, ведь многих товар здесь слишком обычный, чтобы рисковать и переправлять его! Дам пять, не больше.

— Да ты ослеп, что-ли? Тут много редкого и ценного товара. Видел это? Смотри, — сказал он, приоткрывая потрепанную на вид шкатулку, — это жемчуг, который любой торговец за пазухой легко довезет куда угодно! Хватит пудрить мне мозг, языкастый! Сорок, или я не позволю никому из банды продавать здесь товар. Они то найдут других, а вот ты будешь ни с чем, потеряв возможную прибыль.

Они так и продолжали спорить, в конечном итоге сойдясь на тридцати. Осколки воспоминаний торговцем помогали знать настоящие цены на товар и их и места сбыта, а осколки бандитов дали знание, по чем здесь оно стоит здесь. Что он и использовал, стараясь минимизировать финансовый минус от ненормально низких цен на товар здесь.

Когда они закончили то Руун осознавал, что все ещё дал большую скидку, да и довольная улыбка торговца будто говорила ему: "куда тебе со мной тягаться, сосунок?", но ему больше не хотелось этим заниматься.

Теперь его поясной кошель обладал тремя платиновыми монетами и сорока шестью золотыми.

А ведь по меркам этого континента он был богат: ночлег в таверне стоял пятьдесят медных, причем в не самой плохой, а разовый прием пищи десятков в среднем.

Сама медь в количества ста была эквивалентна серебряшке и так дальше, вплоть до платины.

Теперь он размышлял: ждать аукциона или купить рабов и уходить.

С одной стороны всегда можно было найти что-то особенное на аукционе, а с другой рабы имели знак, который привязывал к приказам хозяина.

Таким образом он мог ждать чего-то неизвестного или получить исполнительных подчинённых и материал для исследований, которые он планировал вот уже несколько месяцев.

Впрочем, как часто бывает в жизни, за него все решил случай.

Когда он был на аукционе, желая посмотреть товар, к герою подошла группа пиратов.

— Так-так, вот это неожиданный гость, сам бессмертный Руун посетил нас! Нет, мужик, серьезно, я в восхищении тобой! — подошёл к нему слегка пьяный человек навеселе, путаясь в ногах и покачиваясь, сейчас указывал пальцем прямо на него, — Столько убийств, не считаясь с личностями жертв! Так уверенно сколотить небольшую армию под носом у Локорцев! Да, твою смелость бы всем нам, да только с нею мы и дня бы не прожили, — закончил он, а вслед за ним шли ещё трое других.

— Знаешь меня? — хмуро посмотрел на них герой, узнавая в них морских налётчиков из-за стиля одежды и бандан на голове.

Он знал, что сбежавшие бандиты всё выдадут, но неужели дошло даже до тех, кто на землю сходит раз в декаду, а то и реже?

Тут же к нему подскочила одна из девушек, повиснув руками на его шее и прижавшись к нему щекой.

— Конечно! Кто может не знать насильника невинных женщин и палача наемников-новичков, грозу простого люда? О, мой герой, ты не представляешь, насколько в море стало меньше способных дать нам отпор благодаря

тебе! Наемники из портового города все рдеют и рдеют, ведь ты им не даёшь пройти, а большим шишкам до нас нет дела. — слегка заплетаясь, шептала она ему в ухо, отдавая его теплым дыханием, а сам Руун так же улавливал запах алкоголя от неё.

Одной рукой он обхватил ее за талию, прижимая к себе, чтоб она не смогла отойти, а другой схватил пальцами за подбородок и силой отодвигал слегка назад, чтоб посмотреть ей в глаза, которые теперь находились в нескольких сантиметрах от его.

Как оказалось, все это время она стояла на цыпочках, чтобы дотянуться до его уха и была ощутимо ниже его.

— А теперь расскажи подробней?

— О-оу... Милый, ты такой же грубый, каким я тебя и представляла... — нежно прошептала она, слегка обмякнув телом в его руках, — ну хорошо, я тебе все сейчас покажу.

После этих слов она, не торопясь, перенесла ладони на его руку, сжимающую ее щеки и нежно обхватив, слегка попыталась переместить, ожидая позволения, когда тот расслабит руку, что он и сделал.

Затем она, нежно улыбаясь и смотря ему в глаза, перевела его руку на шею... Грудь... Живот... Бедро... Ягодицы, останавливаясь каждый раз на новом месте и прижимая его ладонь поверх своей, а в конечном итоге переместила ее на пояс, где он ощутив скрученные листовки, закреплённые там.

— Возьми... — томно прошептала она, облизнув губы.

Руун пристально смотрел в ее зелёные глаза, которые сейчас почему-то казались знакомыми, и через несколько секунд все же схватил листовки, выдернув их с пояса.

Отпустив её, он переместил взгляд на бумаги, разворачивая их.

Это был список разыскиваемых: людей, за чью голову назначена награда.

Так он листал до тех пор, пока не зацепился взглядом за собственный портрет, который, к его удивлению, выглядит точь в точь, как он, — перепутать было невозможно.

Подавив удивление, он перевел взгляд на пиратку, которая все ещё улыбалась, смотря на него глазами, полными игривого блеска, а затем обратно, читая надпись.

«Горный король, Бессмертный Руун, разыскивается за...» — и дальше шел перечень, что он убийца, дезертир, насильник, разбойник, грабитель и прочее, а если обобщить, то самое странное в их глазах то, что он причинил вред знатным особам и убивал опытных ветеранов-наемников, хотя с последними несколькими обвинениями он готов был поспорить.

«Награда: пятьдесят золотых за живого; двадцать золотых за мертвого», — заканчивалась надпись в самом конце.

— Твою мать! Проклятье! — разозлился он, бросив листовки и удалился.

— Я Роза, красавчик, ещё свидимся! — крикнула она ему вслед.

Теперь Руун ощущал, как спину сверлят взгляды его подопечных, что звучали так же красноречиво, как кинжал в спине, — за эти месяцы он выработал умение ощущать такое.

Раньше герой не замечал, что многие жадные взгляды смотрят именно на него, а не на товары, что были с ним. Теперь все вставало на свои места и становилось понятным.

Решив закончить как можно скорее дела и удалиться, он пошел в сторону рабских загонов.

— Господин, чего вам? — встретил его при входе совсем юный мальчик, одетый в хорошего качества вещи, опуская взгляд в пол.

— Покажи боевых рабов! — сказал он, а в голове промелькнула мысль: «любимчик работоторговца?»

В ответ мальчик лишь кивнул и поманил рукой за ним.

Проходя мимо рядов с рабами, от них шел запах нечистот и гнили, на которые Руун слегка морщился, но ничего не говорил. Внутри он был намного более стойкий, чем с улицы.

Все они были в изношенных и рваных тряпках, но, по крайней мере, о их тепле позаботились, надев на них почти полностью дырявые и старые шкуры, в которые они сейчас кутались, иногда по двое-трое, прижимаясь друг к другу.

Героя заинтересовал тот факт, что большинство из них ничего не сдерживало, но они продолжили послушно сидеть.

Это разница особенно ощущалась, когда они проходили мимо рабов с глазами, горящими от ненависти, которые были полностью обвязаны цепями, которые даже сейчас, казалось, с трудом их сдерживали, натужно скрипя от их усилий.

Ведь, как минимум, если им запретили сдвигаться с места, то они могли тренировать тело, чтобы оно выжило дольше в этих джунглях, да и согрелись бы, вместо того, чтобы дрожать.

Вскоре они подошли к клетке, внутри которой сидели десяток существ, скованных цепями, а взгляд каждого был все ещё жив, не желая сдаваться.

— Вот, господин, эти и вон те, — тихо сказал он, кидая головой ещё на десяток других в стороне, но с пустым

взглядом и без оков.

— Ту десятку беру сразу... А эти... Дай-ка мне пару минут, — произнес он, подходя к ним.

В этом мире было рабство, но оно выражалось в знаке на лбу, который обязывала слушать хозяина, но на этом все.

Впрочем, ничто не мешало настроить приказы так, чтоб получить всё необходимое. Приказом в том числе передавалось право владеть рабом, получая приказ от хозяина, что он теперь собственность того-то.

Сам знак был устроен так, что он питалась от самого хозяина, поэтому угасал лишь со смертью того, но даже так метка не исчезала, лишь блекла, становясь черно-белой.

Сейчас он мог рассмотреть этот знак: чья-то голова, даже не имеющая глаз и носа, но с открытым ртом, выражающим крик боли, обвязыванная цепью на шее, сдавливающая ее и уходящая, извиваясь, как змея, по обе стороны лба прямо к вискам, заканчиваясь железными браслетами, внутри которых с одной стороны капля крови, а с другой слеза.

Чтобы поставить такой знак нужно быть мастером праны, которых здесь не встретить, поскольку те выращивались лично странами и их методы хранились за семью печатями. Но видимо сами государственные мастера сбывали рабов на сторону, желая пополнить свои закрома, ведь за рабов брали не мало.

— Я Руун, вы меня не знаете, а я вас. Я сразу хочу предложить: добровольно служите мне и вы будете только бойцами, не более, всего остального от вас не потребуется.

Ответом ему, впрочем, была лишь тишина, среди которой вся десятки сверлила его злым взглядом.

— Что же, ладно. Этих я тоже беру, — усмехнулся он.

Заметив вдалеке сидящего в одиночестве ледяного орка, который с пустым взглядом кутался в шкуру, смотря в землю, он подошёл к нему и тут же срубил голову, заливая кровью землю, после чего закрыл глаза, прислушиваясь к себе.

— Ч-что в-вы... — Мальчик, увидев это, в ужасе попятился назад, начав заикаться.

— Я заплачу. Давай зови хозяина рабов. Быстрее.

После его слов мальчик в ужасе убежал.

Он наконец сделал то, что давно хотел: отнять жизнь другой расы.

К сожалению, опыт увенчался провалом — он не стал сильнее.

И все таки кое-что полезное из воспоминаний достал: в их народе было много мифов и историй: есть легенда, что татуировки — сущность любого орка, а орки — воины, созданные для сражений.

Раньше он считал, что они сами себе их делают, но сейчас он узнал, что достойного воина сам Гарум — божество всех орков и воинов, одаривает, отображая историю их славной жизни и побед.

Сейчас он задумался над тем, что для того, чтобы собрать аспект воина — нужно побеждать тех, кто получил этот титул воина.

Руун не знал наверняка, но его предчувствие именно так и говорило.

А если у орков татуировки, то у других рас тоже должна быть сущность, олицетворяющая их?

Этот вопрос, к сожалению, пока останется у него без ответа. Он уже видел хозяина рабов, идущего к нему.

Пред ним предстал лысый старик с доброжелательной улыбкой, держа мальчика за руку, а тот будто превратился в куклу в ответ.

Если бы не эта деталь и рабы вокруг, то он бы напоминал милого и заботливого дедушку.

— Что же, вижу, вы познакомились с моим милым сынишкой? Итак, я слышал, вы хотите купить рабов?

— Сколько? — сразу перешёл Руун к делу.

— А-а, деловой человек, уважаю-уважаю, — улыбка тот час сошла с его лица, превращая его на глазах в другого человека: он выпрямился, взгляд стал острым, а речь твердой, — две платины за послушных. Одна за буйных. Пять золотых за мертвого. Один золотой за уборку. Плати.

Заплатив, Руун тут же получил во владения рабов вместе с цепями на них, а затем он выдал им такие приказы: защищать своего хозяина, не делать того, что может принести вред ему в каком-либо виде и следовать за ним.

После этого он под взглядами многих на рынке отправился обратно, ведь теперь у него была почва для раздумий.

Глава 13 — Странный туман. Конец?

Шли дни за днями, а Руун все сильнее впал в какое-то тревожное состояние, которого объяснить и сам не мог.

У него было почти всё, но внутри он ощущал отвращение к этому всему — ему чего-то не хватало, а чего именно — понять не мог.

Особенно Рууну не нравилось общество, в котором он пребывал волею случая.

Раньше он проводил время в одиночестве или тренировках, но сейчас большую часть времени был среди бандитов, видя их быт, до которого ему раньше совершенно не было дела, лишь бы выполняли приказы.

Он видел, как день за днём из-за глупых ссор они лишали жизни друг друга в пылу драк, либо скрытно, дожидаясь ночи или отравив еду.

А главное за что? Да за любые мелочи: кто-то не отдавал долг, кто-то оскорбил и не извинился, бывало даже, что за проигранный бой на тренировке на следующее утро находили труп победителя, — настолько была ядовита обида этих отбросов.

Но даже ни смотря на это, количество людей оставалось стабильным, моментами даже возрастая из-за страны, находящейся в состоянии войны.

Кто-то устал от голода, иные бежали от последствий войны, а другие от призыва, но такая жизнь вытаскивала абсолютно из каждого, прямо с самых глубокой закоулков души, где всегда скрывается то, что люди боятся показать другим, будь то хорошее или плохое, низменных животных, живших лишь собственными желаниями, часто ограниченных лишь их собственным телом: пожрать да потрахаться.

Изредка находились и те, кто в глубине своей души хванил свет, надежду и добро, но такие просто не были способны приспособиться к местным реалиям и быстро исчезали.

Так и получалось, что те, кто призван разбавить зло людей, чтобы человеческий род был нейтрален, просто не выживали здесь, где царили анархия и сила, из-за чего людская гниль распространялась и дальше по этим горам, как раковые клетки.

Периодически бывали случаи, когда искатели удачи примыкали к банде, надеясь как-то убить Рууна и получить монет на следующие несколько лет безбедной жизни, пусть и скромной.

Но до сих пор ни одна из попыток не увенчалась успехом, а их загнивающие головы, облепленные тучей мух и личинок, теперь украшали лагерь бандитов вне частакола, насаженные на заточенные палки, воткнутые в землю.

Впрочем, когда Руун проходил мимо этих голов, то замечал всю натуру разбойников: у кого-то не было ушей, носа, языка, губ. Чье-то лицо было исписано надписями, вырезанными ножами на плоти, содержания которых начинаясь с "твоя семья будет следующей" и заканчивая личными знаками, инициалами самих бандитов и самозванными прозвищами, — бандиты разбавляли свою скучную бытность любым из доступных способов.

Он видел, как эти животные при любой возможности напиваются, а некоторые на этом даже наживались, проявляя недюжую смекалку.

Находились умельцы, способные делать спирт и варить забористые настойки из различных шишек, каштанов, косточек ягод и диких трав, которых было вдоволь в этих лесах, если уметь их искать.

В те моменты, когда Руун видел их трезвыми, — по прежнему не мог воспринимать их всерьезно, поскольку пахабные шутки и мерзкие, беззубые улыбки были частью их природы, которая всегда была при них, а её, как он убедился, не исправляла даже смерть.

Все свое свободное время они играли на монеты в кости, которые имел при себя любой уважающий себя бандит, а если не играли, то все равно находили какие-то способы потратить или приобрести пару звонких.

В этих местах для них был лишь один бог: монета. И кто имел их больше всех, тот сам ощущал себя богом, пока не показывал на виду других эти монеты, о которых с тех пор знали все вокруг и не могли не прошупывать почву, можно ли у него их забрать.

Редкие предприимчивые ублюдки даже тихо уходили, завязывая с такой жизнью и пропадали из виду, больше никогда о себе не напоминая.

Прямо как Ромус, один из первых главарей мелких банд, что решили следовать за ним.

Во время черного рынка он наскреб монет и купил несколько самых дешёвых, но средней внешности рабынь и миловидных рабов(которые, к удивлению Рууна, пользовались ещё большим успехом), после чего устроил бордель, собирая за разовые услуги с бандитов не только их кошельки, но и любую добычу, которую потом уже сам обменивал на монеты.

Будь на его месте кто-то другое — его бы давно зарезали, но его место подле Рууна давало ему довольно солидный щит, да и сам по себе он был всегда осторожен: смотрел что ел, где спал и с кем ходил.

Но вот уже второй день, как он сбежал, прихватив с собою все свои сбережения. В конечном итоге главарь

банды решил забыть его, желая ему всего наилучшего, ведь за это время он был полезным подчинённым, не вызывающим проблем.

После покупки рабов прошел месяц и он смог их пристроить подле себя.

Первым делом он провел турнир между ними, дав приказ не поддаваться и не калечить своих соперников, по окончании которого дал им новые имена, просто распределив им числа в зависимости от силы, где первый — сильнейший.

Среди них были разные расы, а один был даже тролль с серой кожей, длинными клыками и ростом под два с половиной метра, он и был первым среди рабов.

По большей части они были людьми, но был так же один гном и трое ледяных орков.

Сперва он думал убить всех, кроме людей, но тревога в конечном итоге заставила его передумать: глупо отказываться от верных, пусть и насильно, последователей среди стаи гиен.

Теперь десять сильнейших всегда были с ним, а остальные по пять, чередуясь, сторожили место его ночлега.

За это время старик Ворг погиб в одном из налетов. Подле него осталась одна Шиоса, что все так же следовала за ним и молча исполняла все его указания.

Часто Руун отправлял бандитов в рейды на караваны, но теперь на всех добычи нехватало и они принялись захаживать в ближайшие деревни, о чем сам герой узнал не так давно, но решил проигнорировать это.

Сам же он крайне редко теперь ходил в налеты, лишь уделяя время охоте на хищников в этих лесах, ощущая, что его инстинкты становятся все ошутимей, нюх ярче, а слух острее.

Недавно он сражался со старым медведем, который изрядно его потрепал и даже ранил нескольких рабов, но теперь на его плечах развивался плащ, выдубленный из медвежьей шкуры.

Почти каждый день он уходил на самую высокую точку этих гор, устав от мерзких голосов и гогота смеха в лагере, а запах пота и алкоголя становился все нестерпимей.

Сейчас он любовался пролетающими беркутами в небе, часто несших в когтях свою добычу, которые устраивали себе гнезда на самых высоких точках этих гор и наслаждался свежим, слегка леденящим лёгкие, воздухом.

При этом Руун пил крепкое вино со своего бордюка, к которому уже успел пристраститься, — оно стало его маленькой слабостью, ведь помогало ему меньше думать об этом мерзком месте, где он живёт.

Сегодня он достиг ещё одного предела: убитые хищные звери больше не приносили ему развития.

Медленно, но верно он строил в своей затуманенной от вина голове планы, когда и куда ему уйти, чтобы охотники за головами его не нашли, устремляя свой взор вдаль, туда, к морю.

Впрочем, с утра они все равно забудутся, как и всегда до этого.

Так, не спешно, дни продолжали протекать течением реки, за которым ему оставалось лишь наблюдать.

Все чаще и чаще он ощущал, что за ним наблюдают, особенно когда Руун был один.

Он подумал бы, что сходит с ума от такой жизни, но звериные инстинкты ощущали какой-то призрачный, еле уловимый запах, не свойственный ничему из того, что есть в этих местах.

Но ни смотря на все поиски, он все ещё ничего не находил.

Этот день был особенно туманным, не позволяя видеть ничего дальше, чем на метр от себя, а сырость и холод заставляли даже бандитов затихнуть и прогревать свои кости, кутаясь в меха и сидя вокруг костров.

Сам по себе туман, казалось, колот кожу множеством острых игл, что делало его необычным, но на это обратила внимание одна лишь Шаоса, обладающая чувствительностью к различному рода колдовству, о чем и доложила своему главарю.

Весь день, вплоть до вечера, он провел с зажатым в руке черенком своего меча, ожидая чего-то, но ничего так и не происходило, лишь сильнее усиливая его тревогу.

Несколько раз Руун отправлял разведчиков, но те возвращались ни с чем.

И вот, уже под вечер, когда он отправился отдохнуть, к нему ворвался взбалмошный подчинённый, на лице которого застыла паника.

Тут же рабы окружили его, наставив оружие, а тот в ответ, принявшись заикаться, сказал:

— А-атаман, беда! На нас напали.

— Какой, мать твою, напали? Откуда?! — сонливость Рууна как рукой сняло и он принялся снаряжаться в доспехи.

— М-мы не знаем! Они появились прямо под стенами. П-прямо у нас на глазах!

— Вперёд! — собравшись, он схватил меч из ножен и выбежал на улицу.

Картина пред ним удивила его, ведь все здания вокруг были в огне, а враги уже были внутри, носясь по всему лагерю группами и резали бандитов прямо на его глазах; крики боли, паники и злости слышались по всему лагерю.

Те же в свою очередь ничего не могли противопоставить рыцарям в полных доспехах.

На несколько десятков своих, он видел лишь одного мертвого рыцаря.

Вдалеке он увидел Шиосу, которая быстро теряла свой отряд, пока несколько врагов теснили ее саму все ближе и ближе к скалам, планируя ее там зажать, поскольку темная эльфийка обладала большой ловкостью.

Её кинжалы сейчас ничего не могли сделать, а в фиолетовых глазах были видны нотки страха и она все чаще и чаще метала взгляды по сторонам, ища решение.

Тут же она заметила его, но не посмела ничего предпринять, лишь взгляд ее загорелся небольшой надеждой и в ней, казалось бы, открылось второе дыхание, от которого она принялась стойко давать отпор врагу, замедлив их натиск на нее, но впрочем, продлилось это недолго и она быстро выдохлась.

В это время Руун уже пробирался к ней сквозь врагов, пока его рабы оказывали ему всестороннюю поддержку.

Он видел, что у рыцарей в доспехах были некоторые вкрапления синей ткани под броней, а значит, что это Локорцы.

«Ц-ц, таки пришли!», — был недоволен он собой, что так долго здесь оставался, что враги сами пришли к нему.

Его и Шаосу отделяли около двадцати метров, которую уже почти была прижата.

Первый враг и Руун использует момент неожиданность, подойдя со спины, и протыкает его между сочленениями доспеха в подмышках.

Вытащив меч, заставил врага упасть на землю, но тот ещё не умер. Его доспех покрылся кровью рыцаря, а в нос, помимо гари, ударил стойкий запах крови.

Пройдя ещё пару шагов вперёд, его остановил второй враг, который напал на него сбоку.

Приняв его удар плоской стороной меча, он оттолкнул его меч, после чего рукоятью ударил прямо в висок, оглушая врага в шлеме и отталкивая его ногой, заставляя упасть.

— Девятый, десятый, добить! — бросил он на ходу, преодолевая ещё пять метров.

Тут же ему путь преградили ещё двое, накинувшись на него с двух разных сторон.

— Шестой, седьмой, восьмой, возьмите правого! — приказал он, сделав от них шаг назад, после чего бросился на левого.

Блокировав удар щитом, он увидел, что Шиосу уже прижата к скалу и при попытках увернуться билась о острые выступы позади себя, из-за чего клинки врага достигали ее, оставляя неглубокие раны.

— Первый, второй, третий, помогите Шиосе! — поняв, что не успевает, принял решение остаться почти без поддержки с тыла Руун.

После этого он сконцентрировался на схватке.

Где-то на задворках его разума, сознание сейчас наполняли знания, — первый противник наконец умер, одарив того своим осколком, из которого он инстинктивно сейчас черпал лишь умение сражаться.

Начался короткий обмен ударов, в котором противник показал, что опытный солдат.

Противник явно обладал куда более лучшей техникой фехтования, но Руун олицетворял собой предел физической силы и ловкости, а так же звериного чутья и инстинкта, благодаря чему все же смог подловить момент, когда прижался щитом к противнику, заблокировав его руку с мечом, пока сам просовывал свой меч под его шлем, пронзая шею и голову, после чего и этот противник осел на землю.

Вынув лезвие, он краем глаза заметил, как на него несётся ещё один удар от нового врага, но не успевал ничего сделать.

В этот момент вступили в бой четвертый и пятый, приняв удар и забирая противника на себя.

Уловил момент передышки, Руун осмотрел поле боя.

Вся его десятка почти пала, но первый сейчас стоял рядом с Шиосой и они теснили врага.

— Первый, Шиоса! Сюда! Нам нужно пробиться в мою спальню! — что есть силы крикнул он им, но его голос в пылу схватки, среди которой звучало лишь пение стали и вопли людей, услышала лишь темная эльфийка со своим чутким слухом, пока тролль входил и дальше в раж боя, сдерживая пятерку врагов.

Сейчас он видел, как со всех сторон враги медленно стягиваются к ним, пока разбойников становилось все меньше и меньше.

Но вот, темная эльфийка, вся в крови, уже была подле него, от усталости прислонившись к нему боком, и сейчас, даже среди этой какофонии звуков он слышал ее тяжёлое дыхание.

— Вперёд!

Вместе с Шиосой они побежали в пещеру, пока остальные из десятки, кроме первого, прикрывали их тыл.

Впрочем, хватило их на слишком короткое время, но к счастью, у Рууна внутри были ещё стражи с одиннадцатого по двадцатый.

Оставив половину из них тянуть время, они добрались до комнаты и Руун сразу опрокинул кровать, под которой он ещё недель назад дал приказ рабам прорыть черный ход.

Работая кирками всю неделю, вход был закончен только позавчера, да и вел он не так уж и далеко.

Но сейчас и этого было достаточно.

Взяв факел со стены, он спрыгнул вниз с рабами и эльфийкой.

После чего все они в тишине побежали по проходу.

Он бежал вперёд всех, не оглядываясь, но когда он уже видел свет снаружи и даже оскалился от радости, то заметил, что шаги вокруг пропали и он совершенно один.

Оглянувшись по сторонам он несколько раз позвал их, но лишь его собственное эхо было ему ответом.

Он и не заметил, как туман начал сгущаться вокруг него, пока позади не появилась фигура, которая рукоятью кинжала сильно ударила ему по затылку, заставив завалиться вперёд и потерять сознание.

— Ублюдок! — хрипым голосом сказала незнакомое существо, после чего сплюнуло прямо на Рууна, а затем фигура, вместе с самим атаманом, растворилась в тумане.

Спустя минуту из проема выбежала Шиоса и рабы, которые тут же застыли, как манекены, больше не имея приказов.

Шаоса, зажимая кровоточащие раны на теле, заозиралась, в поисках своего главаря или его следов.

Услышав стук сапог из тоннеля и не найдя Рууна, она убежала в неизвестном направлении сама.

Сегодня по Локору разнеслась радостная весть: отряд рыцарей зачистил логово давно досаждающих всем разбойников, а их главарь, Бессмертный Руун, которым пугали деревенские женщины своих непослушных детишек, был убит.

Награду за его голову получил Туманник Вэйт, наемник Вольфрамового ранга, принимавший участие в облаве на разбойников.

Он предоставил в качестве доказательств отрубленную руку бандита с надписью: "Руун, Пехотинец, Королевство Долор", а так же снятый с него скальп лица, точно идентичный портрету с листовки о розыске, за что и получили заслуженную награду.

Хотя сам Вэйт говорил, что сделал бы это и бесплатно, ведь он должен был отстоять честь гильдии наемников.

Где-то на одном из далеких островов, расположенных в сотнях километрах по морю от Долора сейчас шел диалог между двумя людьми.

Они находились в небольшой, но уютной комнатухе со столом, на котором горела свеча в подсвечнике, давно затекшим воском.

Посреди стоял серебряный кувшин, из которого можно было уловить пряный аромат прекрасного вина.

Стол имел округлую форму и был сделан из черной древесины, особо стойкой к огню и крайне прочной, добываемую на южном континенте.

Помимо вина, двое иногда тянули руки к плоской тарелке из того же материала, что и кувшин, поверх которого были красиво уложены различные закуски, начиная от нескольких видов сыров и заканчивая нарезанными фруктами, исключая, разве что, виноград без косточек.

Они сидели на роскошных стульях, сделанных все из той же прекрасной, черной древесины, обитые мягкой, красной тканью, и заполненные изнутри спинки и сиденья небольшой подушечной овечьей шерсти.

Недалеко от них валялось чье-то тело, на которое они совершенно не обращали внимание.

Ещё пол часа они шутили и смеялись, говоря о чем-то своем и обсуждая дела друга друга, пока один из них не захотел перейти к сути, впрочем, глаза одного из них ниразу не изменились от начала этой беседы и до сих пор, отражая внутри холодный блеска.

— Итак, кого ты принес на этот раз? — сказал он, кивая головой на изуродованное создание без руки и скальпа лица, всего покрытого кровью, но которое почему-то ещё дышало.

— Как обычно: первоклассного гладиатора! Как и ты любишь: лягушка из колодца, посчитавшая себя единственной и неповторимой в своем маленьком кружке воды. — ответил второй человек хриплым голосом.

— А подробней?

— Зовут его Руун, — он собрал самую большую шайку бандитов в одной из людских стран, пока та в ответ в конечном итоге не решила закончить его игры.

— Да что он может? У него руки нет, как и лица. Я не уверен, что он доживет и до утра, какой мне с него прок? — полный человек, с гладковыбритым лицом и ухоженными, зачесанными назад волосами жёлтого цвета, смотрел сверху-вниз на обезображенного человека.

Отсутствие лица ещё можно пережить, ведь этот человек всегда приносил ему людей без них, и он справедливо считал, что это своеобразная метка его гладиаторов, которые всегда хорошо себя показывали.

Однако отсутствие руки всегда было критично для бойцов, особенно правой, ведущей руки.

— Ну-ну, подожди. Говорят у него дар регенерации. Его даже называли "Бессмертный". Правда не знаю триггера, чтобы он восстановил руку. Может, как и у всех: еда. Но то, что он выживет — гарантирую. И прибыли тебе принесет вдоволь, если правильно использовать это, — внешность говорившего нельзя была рассмотреть, поскольку того окутывала лёгкая пелена тонкого, но плотного тумана, закрывающего обзор на все, кроме вида самой фигуры, как таковой.

— Вэйт, мы давно с тобой работаем, но мне не нужны сейчас гладиаторы. Последние поставки были очень щедрыми, в том числе опытные воины, и даже с врождённым даром несколько. Бои расписаны на весь следующий месяц. Мне не нужен этот полуметртовый доходяга, — произнес полный человек, держа серебряный кубок с вином, моментами отпивая из него.

Он поднялся со стула и медленным, филигранным шагом прошествовал к Рууну, по пути умудряясь при этом делать небольшие глотки вина и щурить глаза, явно наслаждаясь его вкусом.

Этот человек был одет очень элегантно, в темно-желтый, почти песочный, наряд, сшитый прямо под него.

Сейчас он пристально рассматривал Рууна, будто уставший взрослый в задумчивости решает, стоит ли ему преодолевать свою лень и встать, чтобы раздавить ту букашку у стены, или же пусть подзет себе дальше.

Бывший атамат сейчас являл собой жалкое зрелище: если бы не полное отсутствие кожи на лице, то по нему можно было бы понять, что его терзает боль; однако, сейчас лишь лёгкие подъемы его груди и вздрагивания конечностей тела говорили о том, что он ещё жив.

— Тирус, я несколько дней плыл сюда со своим туманом, не говори мне, что я просто так это сделал. Придумай что-то, люди — ресурс, который себя рано или поздно исчерпывает, зачем отказываться от излишка? Это поможет на случай, если их будет недостаток, — Вэйт не сдавался, пытаясь убедить своего собеседника.

— Хмм... Ладно, вот что, слушай: я брошу его в яму, пусть поварится там этот месяц. Еды из насекомых там много, проверим, сможет ли он восстановиться. Если выживет — я впишу его в бои, а ты получишь половину награды за его победы. Если нет, то ты уж извини, — сам притащил дохляка, и наша дружба это не покрывает.

— Договорились! — после чего они крепко пожали руки друг друга, а один из них ушел из этой комнаты.

Тирус, который остался в комнате был известным распорядителем арены.

Арена — место, куда со всего мира свозили гладиатором для потехи публики.

Сама по себе она располагалась на острове, на котором со временем сформировался город, а его владелец зажил богатой жизнью, перестав сам доставлять рабов и приглашать знатных людей, поскольку остров располагался удачно между несколькими континентами, что сделала его хорошим перевалочным пунктом для торговых кораблей.

Первое время многие правители хотели забрать территорию острова себе, но ее владелец сам по себе был мастером праны, что делала задачу нелегкой, так ещё и другие правители не могли позволить себе кому-то отдать этот кусок земли, так что, решили они, оставить её нейтральной.

Таким образом его единоличным правителем стал Тирус, конечно, при этом предлагая выгодные условия и сделка с этими самыми правителями, дабы они тоже могли получать свою часть выгоды и сидеть на месте дальше.

Поставки гладиаторов было одним из них, предлагая поднимать хорошие деньги на ставках, ведь каждый месяц проводился турнир, где победители повышались в ранге, и чем больше был ранг — тем зрелищней были бои.

Ближе к высшим рангом собирались даже толпы рыцарей и родовых воинов, желая подчеркнуть что-то для своих стилей из умений рабов.

Остров был известен как "Грост", куда всегда стягивались толпы людей с разными интересами, жизнями и причинами.

Тирус, скорчив брезгливое лицо, приложил ладонь на лоб Рууна, и хотя на нем не было кожи, но знак раба проявился поверх мяса.

Затем он переместил ладонь на шею, где тот же появилась метка гладиатора: рыцарский шлем с закрытым забралом в профиль, напротив которого меч, остриём верх, рукоять которого сжимают латные перчатки, пока по мечу стекает кровь и обвязывает цель.

Прямо под ней проявилась надпись: "Руун, гладиатор грязной крови".

Ранг грязной крови был низшим, первым из десяти, откуда начинали все гладиаторы, ещё не испившие крови врага.

— Что же, надеюсь ты хоть немного проживешь, — сказал он, убирая руку.

Тирус не хотел портить отношения с высокоуровневым наемником, поскольку тот не один раз выполнял его срочные заказы, которые явно были не для общественных глаз.

Выйдя из комнаты, он увидел у входа двух солдат, в полностью закрытых доспехах и пиками в руках.

— Бросьте его в яму, — бросил он, проходя мимо них.

Яма была местом, которым наказывали самых несломимых гладиаторов, где специально вывели самых мерзких и противных насекомых, которые не убивали своим ядом, но причиняли невероятную, адскую боль, заставляя страдать днями напролет и сходить с ума от галлюцинаций.

Тот же час двое бросились в комнату, взяв еле живого человека за руки, а затем потащили в неизвестном направлении, оставляя вслед за ним красную полосу на песчанике.

Боль — это все, что он сейчас мог чувствовать, о чем думать и что ощущать.

Боль стала ему самым близким созданием: его семьёй, другом, сестрой, матерью и даже им самим, — настолько плотно она приживалась в его нестабильном сознании.

Бесконечный цикл боли и терзаний. Болело буквально все и всеми спектрами боли, каждый раз открывая новые грани и тонкости своей натуры.

Он был в сознании или нет? — этого он не знал, так же и то, жив ли он, или уже умер от болевого шока.

Весь его мир внезапно превратился в пустоту, посреди которой были натянуты сотни красных ниточек.

Он знал на подсознательном уровне, что каждый из них и есть причина его боли, поэтому пытался их разорвать.

Сперва силой мысли, потом силой крика, а в конце сформировал из пустоты руки, которыми и принялся их хватать и разрывать.

Однако, каждая нить вела к осколком памяти, принося понимание, почему ему больно.

Вот первая... Он вспомнил, что ему отрезали руку и она долго истекала кровью и болела, не прекращая.

Вторая... Какой-то человек прижег его руку, теперь новая волна терзала его.

Третья... «Лицо... Мое лицо... Что ты с ним делаешь?», — мысленно возопил он, увидев, что неизвестный ему человек достал какой-то изгибающийся, словно змея нож: «Точно, крис!» — вспомнил он.

«Что за странная рукоять?» — заметил бывший бандит, что ручку кинжала украшали десятки лиц, которые, казалось, кричат от боли и ужаса, как живые, меняя свою мимику.

Сейчас он мог поклясться, что слышал эти голоса, кричащие о помощи, одним из которых, как ощущалось, он вскоре станет.

Ужас сковал его душу, сердце, абсолютно все живое в нем, каждую клеточку, способную испытать подобное. «Нет, постой! Молю, не надо!» — он вспомнил орка, бывшего его подчинённым, который утверждал, что смерть от его руки не принесет ему покоя и наконец понял, какого это ощущать.

Вот он поднял его над собой двумя руками и принялся... «Молиться?» — удивился Руун его действиям.

А затем... «Боль... Угх... Какая ужасная, нестерпимая боль! Как же больно! Умоляю, хватит!» — не выдержав, он отпустил эту нить, но память уже хлынула волной, не отпуская его.

После этого время вновь потекло в пустоте и он сам стал этой пустотой, растекаясь и растворяясь в ней.

Его покидали мысли, смысл и его сущность, а сам он становился частью чего-то другого, глобального, бесконечного.

Он не знал, сколько времени прошло, но когда осталось лишь несколько нитей, — они сами принялись обвиваться вокруг него, причиняя новую волну боли и воспоминаний.

«Шиоса... Проклятье! Метка на ней... Убивает меня... Насколько она далеко?» — он знал. Знал, где она, но ничего не мог сделать, эта боль сжигала его изнутри, и если бы он мог орать, то разодрал бы уже свою глотку от вопля.

Жжение не прекращалось и огонь растекался по его венам до сердца, откуда вновь шел по всему телу, принося нестерпимую муку.

Руун десятки, сотни раз молил о смерти, которая все не наступала, пока в какой-то момент она просто не оборвалась.

Нет, не жизнь оборвалась, а боль. Она прошла. Исчезла. Он знал, где Шиоса, но боли больше не было.

Внезапно его наполнило чувство облегчения, покоя, но вместе с тем, в пустоте наступала тьма, поглощая его, в которую он и сам сейчас с наслаждением погружался.

Ему снился сон, в котором он не контролировал себя, хотя все осознавал, но смотрел лишь со стороны за всем.

Пред глазами предстал знакомый зал, состоящие из земли, камня и драгоценных самоцветов. Даже аромат этого места напомнил собой запах земли после дождя.

Он увидел себя, лежащего на коленях у пожилой женщины, впрочем, сейчас её улыбка и глаза были столь тёплыми, что она показалась ему самой прекрасной женщиной на свете, хотя ничего пошлого о ней и не думал.

Она сидела и гладила его по волосам, рассматривая его лицо, которого теперь не было.

«Стоп... Где мое лицо?» — увиденное его ужаснуло, когда он заметил себя со стороны. Казалось, что колени подгибаются, захотелось упасть, но ведь это лишь сон, где себя не контролируют, а тем более со стороны.

В момент паники он ощутил волну тепла и покоя, что дарила рука женщины. Тот час он успокоился неведомым для себя образом, пытаясь понять, что ощущает.

И он действительно понял: старуха сейчас внушала впечатление заботливой, нежной и доброй мамы, успокаивающей своего сына, который разбил коленку.

Он не помнил настоящей матери, но был уверен, что это именно так ощущал бы себя ребенок.

— Ты очнулся, Эсперар? Я рада, — продолжая гладить его, она ещё лучезарней улыбнулась на этом моменте, — тебе было очень трудно. Мне жаль. Прости, — она замолчала ненадолго, тихо прошептав последние слова.

— Но ты ещё жив. Ты смог разорвать цепь и прошел испытание, теперь ты не ограничен расстоянием, а личность — только твоя, без примеси других, дитя моё, — вновь замолчала она, будто наслаждаясь ощущением от последних, сказанных ею слов.

— Мы будем чаще видеться... Я многое тебе расскажу. Ты стал моим орудием... И очень скоро ты узнаешь ответы на вопросы, кого и почему тебе нужно разить. Но сейчас времени мало... — она подняла свою ладонь, после чего закрыла ею глаза Рууна.

— Ты должен кое что увидеть, пока ещё возможно, — после чего убрала свою руку, а он, наблюдающий за всем со стороны, внезапно оказался в своем теле.

Он увидел потолок дворца, точнее то, что должно было им быть.

Но там его не было: сверху его взгляду открылись разноцветные туманности, завораживающие своей красотой, а поверх них были десятки, сотни и тысячи звезд.

Он заметил, что все они образовывали собой разные созвездия, но только два из них были соединены между собой каким-то ярким потоком энергии.

И тут же в его голове появилось знание: аспекты! Та сила, что он собирает с других. Теперь он все понял.

Сейчас он видел лишь несколько из них, однако при взгляде, осознавал, что оно такое и как получить это.

Аспект человек, которые сейчас ярко светился, соединяясь между собой, образовывая форму тела, начиная от туловища и выше.

И он действительно отвечал за то, о чем догадывался Руун: помогал достигнуть природного предела силы,

ловкости и выносливости.

Второй был аспектом зверя, а точнее звериных инстинктов, образуя собой морду волка, который хищно скалился, смотря на него.

И этот полностью был соединен, сияя наравне с первым.

Он так же отвечал за то, о чем Руун догадался: инстинкты и восприятие.

А вот от третьего загорелась лишь крохотная звезда, лишь начав формироваться.

Аспект насекомых. Путь, который он слегка лишь задел, убив почти безобидную сокороножку в начале своего пути.

Он позволял стать устойчивым к ядам, и не просто устойчивым, а приобрести полный иммунитет, в том числе от растений, но для этого нужно найти ядовитых насекомых, что даже в горах было проблемно и рискованно.

На этом его просмотр окончился, поскольку он видел, как мир медленно трескается и разваливается прямо на его глазах.

— Выживи — последнее, что услышал он от старухи, когда мир осыпался окончательно.

Придя в себя, он ощутил, что лежит животом на чем-то холодном и твердом, а его тело промерзло и затекло.

Открыв глаза, прямо перед ним предстала гигантская крыса.

«Нет, стоп, она не гигантская... Просто вплитык ко мне», — запоздало отметил он, ощущая, как она медленно, но верно откусывает его волосы с челки и поедает их.

Тот час он пришел в себя и резко отшатнулся от нее, вскочив.

В мозг ударила волна боли, от которой Руун закричал и повалился обратно на землю.

Сейчас, в полутьме, он ничего больше не видел, но вокруг него началось какое-то дикое копошение из всевозможных звуков грызунов и насекомых.

Чуть позже он уловил запах: приторно сладкий запах мертвечины и гнили.

Вслед за этим он ощутил щекотку по телу, при взгляде на которое увидел маленькие силуэты, бегающие по нему, отчего вновь заорав в панике он принялся крутиться по земле.

— Прочь! Прочь, проклятые твари! Аа...

Он ощущал, как в него входил поток тепла, но вместе с тем его наполнила целая гамма боли:

На разных участках его кожи проходила острая боль, словно в него вонзались иглы, а затем, не спешно, она проходила, превращаясь в ноющую, которая растекалась от одной точки вокруг, все дальше и дальше, поглощая все тело.

Так до тех пор, пока она не переросла в кожную боль, покрыв собой все тело и не найдя, как двигаться дальше, вперёд, решила сменить направление, углубляясь, переходя на кости, сухожилия, суставы и кровеносные сосуды, превращаясь в соматическую.

Когда он уже думал, что хуже не будет, та прикоснулась к нервам, повреждая их и проходя по ним, словно поток по руслу реки, раздражаясь нейрапотической болью, отчего его тело схватили судороги и конвульсии, из-за которых он утратил контроль над телом.

Его рот был открыт, готовый орать от боли и дальше, но спазмы в глотке заглушили крик, сделав его немым, а вместе с тем забрали у него способность дышать и он ощущал, как задыхается.

Уже когда он почти отключился, то услышал издали:

— Не шевелись и они не будут тебя кусать, — прозвучал монотонный и медленный, очень хриплый, почти старческий голос.

Услышал Руун его где-то на задворках сознания, будто человек говорил за сотни метров от него, но, не особо задумываясь, все же прислушался к нему, максимально стараясь перестать шевелиться, что, впрочем, выходило не очень.

Спустя несколько минут, когда он уже думал, что задохнётся, у него появилась небольшая возможность дышать, чем он и воспользовался, стараясь перестать двигаться вовсе.

Судороги и конвульсии прошли, но его тело продолжало колотить, а удары сердца слышались так громко, как звук набата прямо у его головы.

«Они ползают... Ползают...» — ощущал он щекотку телом, но больше не осмеливался шевелиться, исключая дрожь от страха и паники, которые отчасти заглушались адреналином.

Сейчас он ощущал себя статуей, замёрзшей на столетия, наблюдающая за тем, как время продолжает течь дальше, где-то разрушая ее, переноса на новые места и в целом контактируя с ней, всячески оказывая на нее влияние.

Как только он немного успокоился, то осознал, что убил много насекомых, ведь их осколки теперь в нем.

Среди них были и ядовитые, а его аспект заполнился на десять процентов одночасно, что и позволило ему слегка стать устойчивым к яду, который вызвал у него затруднения в дыхательном процессе.

Он ещё ощущал моментами, как они кусали его, отчего содрогался, но шевелиться не решался.

Сейчас он решил максимально возможно привести в порядок свои мысли и успокоиться.

Да, он уже знал, что заперт среди сотен и тысяч разнообразных тварей, изучая то, что Руун увидел в памяти этих осколков.

Замкнутое место, глубокая яма, откуда они сами вылезли не могли, поскольку края ямы были смазаны чем-то, что не позволяло к ней приблизиться.

Это место стало круговорот жизни, где одни убивают других, дабы сожрать, а затем отложить личинки, чтобы уже те в свою очередь продолжали этот цикл, но будучи более приспособленными к старым врагам.

Минуты шли за минутами, стук сердца умолкал, а он ощущал, как дико болит его правая рука, которой не было.

Во сне он видел помимо лица и отсутствие руки.

«Ничего... Все хорошо... Ничего... Она восстановится, как и лицо... Все будет хорошо», — твердил он себе эту мантру, дабы не реагировать на новые порции редких укусов и копошения на его теле.

Минуту в этой тьме превращались в часы, и ему казалось, что он все лучше и лучше различает во тьме этих насекомых, но это лишь сильнее давило на его разум.

Много раз он видел крыс, которые почему-то выжили в этом месте, издавая свойственный своему роду писк. Каких-то мелких тараканов, что шипели на всех вокруг и порою даже взрывались изнутри, убивая всех вокруг, после чего к их виду переставили подходит, пока вновь не забывали об их опасности.

Несколько раз на себе самом он замечал скорпионов, что дрались друг с другом, не желающих уступать свою территорию, пронзая при этом своими жалами его тело. Каких-то очень прыгучих насекомых, прямо с налёту захватывающих себе добычу. Больших, похожих на скарабеев, плеющих ядом. А так же пауков с тысячи волосков на их теле, которых все старательно избегали.

Кого только не видел он за это время, — слезы страха давно перестали течь, закончившись, а тело, отказавшись слушаться, даже дрожать уже не могло.

Ему казалось, что прошла бесконечность, а стражи наверху, вне ямы, много раз меняли факела, освещающих все там, наверху. А ещё чаще он слышал топот, проходящих мимо, над ними, людей.

Кто-то из них кидал объедки вниз, другие плевали, а иные смеялись.

Так продолжалось до тех пор, пока его желудок все сильнее от боли не приводил его в чувства.

Внезапно его наполнило волна тошноты и он поспешно вскочил, опорожнив свой желудок.

С него вышла лишь жидкость, и хотя он не видел, что там, но запах отчётливо отдавал кровью.

И это, пожалуй, была его большая ошибка: тот же час его тело стали неистово кусать тысячи, десятки тысяч насекомых, не оценил его инициативности.

Вновь волна паники и все повторилось: бесконечные попытки раздавить не менее бесконечное количество насекомых, перекатываясь с боку на бок по земле.

Его крики давно превратились в что-то неясное: рыки, стоны, как грубые, так и писклявый, хныканье, мычание и многое другое, что рассмешило бы людей, наблюдающих за ним сверху, будь они здесь.

В этот раз это действие продлилось дольше, пока его глаза не покрыл туман, однако, в этот раз его ничей голос не вытащил и он потерял сознание, утратив способность дышать.

Очнувшись, Руун продолжил с последней секунды до этого, забыв отрывок темноты, став яростно вертеться на месте, чем вызвал очередную волну укусов тварей на нем и вокруг.

И вновь он отключился, но уже от боли, а не от удушья.

Новое, очередное пробуждение было лучше: он не двигался.

Лёжа на земле, Руун ощущал, как эти твари доедают остатки его волосяного покрова по всему телу, а некоторые идут дальше, пробивая себе дыры до его крови.

Боль была слабее — он привыкал к ней, либо просто переставал чувствовать тело.

«пятьдесят процентов», — осознал он наконец настоящую причину, почему боли меньше, ведь яд стал хуже действовать на него.

Нос сейчас в нем вновь будто что-то оборвалось, как в первые дни в этом мире.

Он продолжил лежать часами не двигаясь, а его желудок все сильнее говорил о голоде, что терзал его, хотя он и не ощущал его.

Тут же в его голову пришла безумная идея: в его уши и нос лезли насекомые, но не пролезали, а если открыть рот?

Приоткрыв его, спустя минуту туда кто-то пролез, а Руун, сделав каменное лицо, медленно сомкнул и раздавил зубами насекомое, тут же проглотив его, стараясь не дать мозгу осознать происходящее.

Вкус заставил его приложить всевозможные усилия, чтобы не проблеваться после него, но он осознавал, что это лучшая идея, которую он мог сейчас придумать.

Единственным утешением было то чувство тепла, что прошло по его телу, как помогая восстановить ментальные силы и не сходить с ума окончательно.

Он вновь раскрыл зубы, ожидая новой добычи. Так продолжилось очень и очень долго.

Моментами он засыпал, а когда просыпался — вновь продолжал питаться этими тварями, но никогда не позволяя себе шевелиться.

В один из дней он достиг осознания, что достиг предела и больше яды на него не действуют, потеряв всякую эффективность, а у руки было ощущение, будто шевелит пальцами.

Он не знал, фантомное ли это ощущение, но он верил, что его сила должна была восстановить его руку и лицо.

Часто он слышал крики толпы далеко, а проходившие мимо ямы называли это место "ареной".

Не только это Руун узнал, но ещё и то, что скоро и его очередь туда отправиться, если он выживет.

Так же он узнал, что в яме не один. Тут был ещё один человек, чей голос, по всей видимости, и слышал в первый день.

Он многие дни старался его найти, пока в одних из них случайно не наткнулся на силуэт, который сидел неподвижно на одном месте всегда, но по которому вечно роились всевозможные твари из этих мест.

Зачастую гости сверху ямы приходили проведать именно этого человека, наведываясь, усвоил ли тот урок, но он лишь молчат в ответ.

Однажды к ним вниз бросили факел, из-за чего его надолго ослепило, и он чуть ли не напугал насекомых, дернув рукой, но сейчас они больше испугались света, отпрянув от него, отчасти освобождая его из своих объятий.

Когда он смог нормально смотреть, то увидел, как несколько стражей скинули лестницу и спускаются по ней.

В нос ударил какой-то едкий запах, который пугал всех насекомых, заставляя их разбежаться от источника.

«Три стражниками, почти в полном наборе доспехов, однако без шлема» — отметил Руун.

Подобрав факел, они тут же подошли к его соседу, открывая вид на него.

Молодой, очень бледный парень, с абсолютно седыми волосами и до костей тощий.

Не сопротивляясь, он позволил им обвязать его канатом, после чего один из стражей дёрнул за канат, крикнув вверх: "тащи!", после чего этого человека действительно потащили наверх.

Руун видел, как они проходят мимо него, даже не бросив взгляда, собираясь на выход из ямы.

Он сам не знал, что на него нашло, но он подождал, пока они будут проходить мимо него и зарывав, вскочил со своего места.

Тут же схватился со спины за последнего из них и впился зубами с его шею, вырывая кусок плоти и забрызгивая все вокруг потоком крови из шеи.

— Ааа!.. — тот в свою очередь завизжал и прижал рукой рану, испуганно повернув голову к Рууну, но тот в ответ уже впился зубами в его лицо, вырывая ещё один кусок плоти со щеки и сплевывая его.

В это время он шарил ладонями по его поясу, надеясь найти там оружие, которого, как оказалось, не было.

Оттолкнув обгрызанного человека в двух его товарищей, он рванул к лестнице.

Но не успел, ибо ощутил, как что-то тяжёлое ударила его по затылку и он завалился на землю, вслед за чем последовали десятки ударов по его телу железными сапогами и злые крики, в перемешку с матами, в ответ на что Руун крепко сжал зубы, не издавая звуков и сверлил безумным взглядом своих обидчиков, пока не потерял сознание.

Проснувшись, он привычно оказался в темноте, пока его тело щекотали все те же насекомые, но в этот раз тело так сильно болело, что каждый вдох проходил с хрипотцой и волной боли.

«Сломаны ребра?» — предположил он, принявшись по старой стратегии поедать насекомых, исцеляя свое израненное тело, уже совершенно не обращая внимания на вкус, слыша лишь хруст их хитина и ощущая безвкусную массу на зубах.

Сейчас он прокручивал последнее события и убеждался в том, на что тогда внимания не обратил: у него отросла вторая рука.

Медленно, не торопясь, но все равно ощущая укусы, он поднес ладонь к лицу, прощупывая его и прошел в ужас.

Губ не было, лишь зубов касались его пальцы, а выше лишь два дырочки, заменяющие нос.

Глаза были, но поверх них отсутствовали веки, хотя сами по себе они прикосновения к ним не ощущали.

Рууна внезапно охватило отвращение и паника, что все это время по его глазам ползали насекомые.

«Но раз уж я ещё жив и вижу, то все нормально?» — он и не подозревал, что за это время его глаза бесчисленное количество раз поедали, но он их восстанавливал.

«Почему мое лицо не восстановилось?» — не мог понять он, теряясь в догадках, но продолжая по привычке, что выработал здесь за все эти дни, поедать насекомых.

Все больше и больше он абстрагировался, погружаясь в себя и мысли, в воспоминания свои и чужие, дабы не сойти с ума.

Однажды настал день, когда все повторилось: упал факел, лестница, только в этот раз пришли за ним.

Их было четверо и все с оружием, направленным на него, говорящих на незнакомом ему языке, но сейчас Руун ощущал такую пустоту внутри, что не сделал ни единого движения телом, позволяя привязать себя и вытащить из ямы.

Когда его вытащили, то приказали подняться и идти за ними, что он послушно и исполнил.

Он и не заметил, как все вокруг ужасались от его лица, опуская взгляды.

Он проходил по жёлтым проходам, состоящих из больших блоков песчаника, пока его не привели к купальням, где были отдельные выемки в песчанике, куда протекала вода из какой-то древесины с полостью внутри и оставалась там какое-то время, после чего утекало куда-то.

Ему дали приказ помыться, что он незамедлительно исполнил. Затем бросили к ногам серую одежду без рукавов, состоящую из одного цельного куска, закрывающего его от плеч до бедер, которую он и надел.

Затем отвели в спальни со множеством грязных и рваных тряпок на полу, находящихся в метре друг от друга, сообщив, что здесь будет спать и это место его.

На пути сюда он видел, что на песчанике много вырезанных надписей, но стены здесь буквально были полностью оцарапаны, образуя сотни имён и историй, что здесь оставили другие.

Некоторые даже умудрялись достать краситель, сделав цветные надписи или рисунки, разбавляя желтовизну этого места.

После Рууна привели в какой-то зал, где было много манекенов, состоящих из дерева, соломы и тканей. Здесь были стойки деревянного оружия и много людей, тренирующихся вокруг, старательно не желавших смотреть на лицо новоприбывшего.

— Рузвельт, принимай грязнокровку, — сказал один из стражей, передавая его какому-то крепкому мужчине в летах.

Его лицо, руки и ноги, которые не закрывали кожаные доспехами, плотно сидящие на нем, были покрыты шрамами. Одного уха у него было недосчитать, лысая голова, а серые глаза напоминали два острия меча, направленных на тебя.

— После ямы? Сломлен? — оглядывая Рууна с ног до головы, спросил он стражей, на что получил утвердительный ответ.

— Кто привел, особые пожелания, оружие?..

После того, как они ушли, он взял два деревянных меча, всунув один в руки Рууна и тут же ударил, вызвав в его теле волну боли.

— Значит так, я тренер начинающих гладиаторов и мне платят за то, чтоб такие как ты жили подольше а перед смертью показали побольше. И сейчас ты мне покажешь, на что способен, выйдя из своего оцепенения, либо умрешь сейчас от побоев.

Так продолжалось некоторое время, пока в разум Рууна не пришло осознание ситуации и боль не возвращала ему способность самому мыслить, доставляя его личность откуда-то из глубины.

В какой-то момент Руун принялся обороняться, обмениваясь ударами с тем человеком, что получалось у него неплохо, иногда доставая его.

— Достаточно. Я понял, ты довольно таки не неплох, — Руун, получив приказ, не смог ничего сделать, кроме как замереть на месте.

— Если так продолжишь, то очень быстро вырастешь из этого места в более лучшее, а чтобы совсем не унывал, то знай, что дойдя до вершины — получишь свободу, а до тех пор развлекай публику, — пытался дать он надежду Рууну, который все равно не особо понимал происходящее, из-за чего никак и не зацепился за неё.

— Руун, да? Хорошо, тебе должны были показать койки, завтра турнир грязнокровок и тебя ждёт твой первый бой, а пока иди спать и набираться сил, тренировки тебе сейчас ни к чему.

Утро Рууна началось с удара в живот.

— Живо подъем! На арену, мясо! за указателями! — услышал он рык-приказ стражника, когда вскочил на ноги, готовый ударить в ответ обидчика.

Самому приказу сопротивляться герой не смог, поэтому ноги сами понесли его в нужном направлении, пока он недовольно открывал глаза и тер их руками.

Руун увидел несколько десятков стражей, что проходили через каждого гладиатора, приказывая им идти на арену.

Хотя он и не знал, куда идти, но на стенах по пути, где были развилки, была указатель, состоящие из красного красителя, четко ведущие на арену.

Проходя мимо одного из них он ощутил запах крови и осознал, что это не краситель.

Настроение с самого утра тот час ушло ниже уровня пола, приближаясь обратно к яме.

Дойдя до конца пути, страж приказал идти ему в пятую комнату. Когда он прошествовал внутрь, — за ним заперли железную дверь.

Сейчас он ощущал, как оковы приказа спадали и он вновь становился свободен в своих действиях.

Он оказался в небольшой комнате из песчаника, где была два выхода: один только что закрыли, а второй представлял собой металлическую решетку, в просвет которой была видна сама арена:

Красно-желтый песок, успевший напиться крови, огороженный от зрителей железная решетка высотой в несколько метров. Каждые десять метров между этой преградой был столп чуть большей высоты, на которых сейчас горели костры, возвышая метровое племя над ареной.

А за ними были зрительные ряды, от самых ближних, самых коротких, до более высоких, образуя собой просто метровые ступеньки, поднимающиеся на десятки метров вверх, оканчиваясь какими-то арочными сооружениями, где люди толпились стоя, не имея места, куда сесть. Все это место образовывало собой большой амфитеатр.

Сейчас многие места пустовали, но у всех, кого он видел здесь, на лицах было веселье и азарт, — они явно чего-то жадно ожидали. Хотя гладиатор уже знал, чего.

Оглядев комнату, он увидел в углу стойку с настоящим оружием и даже кожаные доспехи, полные дыр, разрезов и покрытые засохшей кровью.

Впрочем, ему ли сейчас брезговать? Тот час он надел их, подогнав под себя ремешки брони, а затем взял со стойки длинный одноручный меч, дополнив его массивным деревянным щитом.

Подойдя к решетке, он упёрся лицом в нее и принялся ждать, рассматривая радостную толпу.

— Дамы и господа! Сегодня день азартных игр и риска! Вы смело делали ставки и у нас нет ни одного лидера в этой битве. Сегодня кто-то обогатится, а кто-то потеряет.

На этих словах оратор сделал паузы, наслаждаясь криками толпы.

— Итак, это битва десяти бойцов друг с другом, пока не останется лишь четверо из них! Здесь собраны бойцы со всех семи континентов и даже островов, пусть же грязная кровь покажет мастерство своих земель! Открыва-а-айте!

Решетка медленно, не спеша, поднялась вверх, позволив Рууну выйти на арену.

Сперва он хотел остаться внутри, но какая-то гордость и злость заставила его выйти первым, расставив рука в сторону и смотря на всех с вызовом.

— Вы только посмотрите! Человек без лица! Этого уродца мы получили из Триститии, суровой северной земли, где войны не затихают ни на день, где кровь льется рекой, разбавляя океаны и моря, превращаясь в реки и озера!

Так, не спеша, он представлял самых броских для глаз новых бойцов, в числе которых и был Руун.

Когда все вышли на арену, встали в стойки, насторожившись, но не делали шагов на встречу друг другу.

— Хватит игр! Деритесь! — раздался приказ, которому все тут же подчинились.

Руун, стараясь как можно медленнее идти, надвигался на молодого человека, закрываясь щитом, а тот в свою очередь никак не хотел сталкиваться с ним и двигался в направлении другого.

Это и стало его ошибкой: его зажали с двух сторон и Руун забрал его жизнь.

— Первая кровь, дамы и господа! Кровь вновь обогригла эти пески!

Тот час Руун переключился на противника рядом с ним, войдя в обмен ударов. Он оказался слаб и он быстро пронзил его, забрав и его осколок.

На миг, всего на краткое мгновение гладиатор прикрыл глаза, разглядывая память.

Только что он выучил новый язык племенных островитян, которого до этого не знал, — это показалось ему сейчас почему-то очень полезным.

Он узнал местные обычаи и устои их жизни и быта. А так же, очевидно, их стиль сражения. И он явно отличался от северного, — сейчас Руун нашел ещё один способ стать сильнее.

Вчера он не обратил на это внимание, однако сейчас понял, что от насекомых все таки была прибавка всей его силы, вместе с иммунитетом, но этот способ уже исчерпал себя. Теперь же он узнал новый, как мог в краткие сроки стать лучше и не хотел упускать эту возможность.

«Если бы я только был тогда сильнее, то меня не смогли бы так легко застать врасплох» — думал Руун с ненавистью, надвигаясь на следующего противника.

— Замрите! — раздался приказ и все встали на месте, как статуи.

— Вы только посмотрите, сегодня двое смогли показать свои крохотные навыки, убив двоих противников! Это уродец и тощий! Как ловко они управились! Но на этом я объявляю этот бой законченным! Забирайте этих, ведите следующих! Дамы и господа, у вас пол часа на новые ставки!

Уходя, Руун заметил отдельно огороженную трибуну оратора, возвышающиеся над окружающими, где сейчас стоял какой-то толстяк и надменно улыбался, проходясь взглядом по толпе.

— Мясо, завтра снова бой! Ты свободен сегодня, — тут же он ощутил, что больше ничего не обязан, кроме стандартных правил: не вредить арене и ее собственности, в том числе людской, а так же не пытаться сбежать за пределы арены. Руун просто не хотел вдаваться в подробности этих правил в памяти, поскольку ему не было смысла сбежать: рабом тут не побегаешь и тебе быстро словят.

Вообще рабская метка сама по себе обязывала к исполнению, но по мере исполнения приказа сила её влияние слабела, из-за чего приказы часто нужно было обновлять, но многие стражники пренебрегали этим.

А потому он направился на тренировочную площадку, надеясь там застать Рузвельта.

Сейчас Руун сидел на полу зала, упиравшись спиной к стене, и смотрел на тренировки людей вокруг.

Он не хотел считать себя сильнейшим, но окружающие явно его разочаровывали, не позволяя ничему научиться от них.

Когда он только пришел к Рузвельту, то хотел с ним сразиться, на что тот отказался и ни в какую не соглашался, а когда Руун попытался забить до смерти одного из гладиаторов, желая стать сильнее, — его тут же остановили приказом и запретили спаринговаться вовсе.

Теперь он сидел и смотрел на них всех: некоторые бросали на него взгляды и сразу отворачивались, когда он смотрел на них в ответ, а другие даже взглядом не удостаивали его, усердно прикладывая все силы, чтобы завтра выжить.

Ему просто ничего не оставалось делать, поэтому он закрыл глаза, прокручивая отрывки памяти своих жертв, особенно сегодняшних.

Его мир становился все больше и больше: он узнавал названия континентов, островов, стран, городов.

Сейчас он внутри себя лишь горько посмеялся над тем, какой же мир огромный.

Будучи бандитом, Руун считал горы всем миром и восседал на них, подобно льву, но сейчас, в окружении таких же, как и он, стал рабом и ничем, на фоне сильных мира сего.

«Все, что было до этого — просто детская песочница», — был недоволен герой, но его мысли тут же прервали.

— Мясо, а ну, жрать! — войдя в зал, крикнул всем находящимся здесь страж и ушел.

Руун не знал, куда идти, потому пошел за толпой, которая привела его в отдельное помещение, где он увидел сотни незнакомых лиц.

«Это место действительно очень большое, раз здесь было столько людей, которых я не видел», — отмечал Руун.

Тут толпились такие же рабы, но каждый, в зависимости от ранга, получал разную еду.

Разные стойки с едой, огороженные забориком друг от друга, который легко можно переступить. А с какого-то этапа даже столики и стулья стояли, на которых сейчас располагались гладиаторы.

Ему же досталась какая-то бледная каша, которая на ощупь была как кирпич, будучи прилипшей к тарелке.

«Да такой голову чемпиона арены можно размозжить! Вот так оружие! Почему его нам не выдают перед боем?» — непонятно для себя самого начал шутить он в своих мыслях и смеяться, отчего окружающие отходили от него.

Пока он ел руками свою кашу, заметил, как некоторые новички потянули руки к еде более высоких рангов, но за одну секунду оказывались на земле с кровоточащими носами, что явно дало Рууну понять местные уровни деления силы.

«Мне нужно туда! К ним!» — решил он.

Пока обед продолжался, он отмечал разные расы, в том числе орков. Не ледяных, но простые, зелёных, таких здоровых и накаченных.

Впрочем, они ничем от ледяных не отличались, кроме цвета кожи. В том числе татуировками, что обнадежило Рууна и дало ему дополнительную цель.

Так и прошел этот день: купальня после обеда и просмотр памяти осколков, пока он не отправился спать.

Утро началось точно с того же, что и вчера: удар сапогом, но в этот раз Руун спокойно принял это и, получив приказ, отправился на арену.

Заняв вторую комнату он снарядился и подошёл к решетке.

— Дамы и господа! Вновь приветствую вас в этом новом дне. Вчерашний показал нам всем, на кого можно делать ставки и кто выделяется из этой грязной массы.

После этих слов оратор прошёлся взглядом по толпе.

— В этой битве ставки на стороне уродца без лица, успешно вчера забравшего жизни двух врагов, показав обмен ударами. А так же тощего, за одно мгновение пронзившего два сердца! Но вот так незадача, сегодня они в одной команде.

Он дал время толпе переварить услышанное.

— Сегодня будут командные бои два на два! Боюсь, мы уже знаем, чего ожидать, но никогда не знаешь наверняка, чем все закончится! Выпускайте мясо!

Решетка поднялась, выпустив на арену всех четверых бойцов.

Руун видел, как их противники смотрят на него и его напарника со страхом в глазах, но правила есть правила и он просто принял их, как данность, надвигаясь в их сторону.

Впрочем, не успел он подойти, как его напарник рванул вперёд с двумя кинжалами наперевес и оборвал жизни за мгновение. Сперва одного, пронзив сердце и шею одновременно, а затем второго, воткнув свои кинжалы в глазницы соперника.

От этих действий его лицо обрызгало кровью своих жертв, но его, казалось, это совершенно не смущает.

На арене наступило мгновение тишины, в котором тощий смотрел на него своими зелёными глазами с победной усмешкой превосходства.

«Ты ещё кровь оближи с губ, зазнайка второсортный!» — Руун огорчился, что осколков он не получил.

Все бы ничего и провокация может бы сработала, но его внешний вид оставлял желать лучшего: бледная кожа, кости, выпирающие отовсюду, полностью лысая голова и практически пож корень срезанные уши.

— Вы только посмотреть на это! В этом турнире официально появился новый фаворит! Какая скорость! Какая грация! Не хуже мясника, что срубает куриные головы одним ударом! Что же он продемонстрирует в следующих этапах? Вскоре мы это увидим! А пока... Следующие!

Когда он уходил, его напарник сплюнул ему под ноги и сказал что-то на незнакомом языке, уходя первее него с арены, оставив Рууна позади.

Охрана сказала, что завтра его ждёт несколько боёв, а значит ему нужно было бы готовиться, но ему запретили драться и запрет действовал до сих пор. Руувельт явно его невзлюбил за что-то.

Очередной обед, купальня и мысли наедине с самим собой, ничего нового.

Он стоит лицом к лицу с противником, которого впервые в жизни видит, а тот медленно приближается к нему, готовый накинуться пронзить в любой миг.

Очередная схватка с очередными комментариями от оратора, — первый его бой за сегодня.

Противник ничего из себя не представлял и быстро потерял свою жизнь, после чего Руун вернулся в комнату, наблюдая оттуда за другими боями.

Он отметил для себя несколько сильных соперников, а затем пошел второй раунд и он вышел против того, кто еле остался жил после последнего боя.

«Удача или же неудача?», — не мог понять он, отрубая голову противника.

Так пошел и третий бой, в котором он наконец нашел достойного противника.

Они несколько минут обменивались ударами, но Руун принимал их все на щит и не пострадал.

Все это время он нарочно двигался медленнее своей скорости, давая противнику привыкнуть к такому темпу.

Быстро выносливость противника уходила и он замедлялся, чем герой и воспользовался, в одно мгновение перестав ограничивать себя и разрезая плотку уставшего врага, который смотрел на него сейчас с недоумением и неверием. Очередной полезный осколок пополнил его коллекцию.

Следующие бои оказались с действительно сильными противниками, но Руун, приобретя несколько ран, который уже зажили, все таки дошел до финала.

— Дамы и господа, кто же ожидал, что эти двое, вместе начав, окажутся в финале, противостоя друг другу?

Один из них медленно, но уверенно одерживал победу за победой! Если уродец победит, то озолотит всех, кто на него поставил, ведь ставки на него малы. Но с другой стороны тощий убийца, сметавший всех на своем пути!

Никакой пощады, одна кровь и трупы, оставленные после него! Кто же победит, серая лошадка, полная сил, или молниеносный фаворит? Выпуска-а-айте их! Да начнется финал!

Как только решетка открылась, на него тот час бросился его противник.

У Рууна был план: до этого момента он действовал неспешно, не сражаясь в полную силу и сейчас хотел застать врасплох того, кто этого ожидать не должен.

Вот он уже отмечает глазами, что тот совсем уж близко, несётся на него с кинжалами.

Первый удар герой тут же блокирует своим мечом, отводя его а сторону. Пока тот направлял уже второй удар ему в бок, — Руун сделал быстрый шаг вперёд, подобный рывку, ударяя противником щитом и заставляя того упасть назад.

Впрочем, план рассыпался прахом, когда тот лишь сделал шаг назад и остановился.

Руун, не желая упускать мгновения, сделал выпад вперёд, надеясь пронзить врага, но тощий уклонился, нырнув под него, а удар лишь слегка прорезал лицо.

Он видел, как кинжалы приближаются к его брюху и постарался максимально закрыться щитом.

Один кинжал застрял в щите, а другой вошёл ему в правый бок.

Его противник тут же оскалился улыбкой и посмотрел на героя, но явно не ожидая того, что Руун проигнорирует это и коленом зарядит тому в солнечное сплетение.

Удар прошел и тощий, издав стон боли, упал, оставив один из кинжалов в щите. Тут же он решил воспользоваться шансом и размахнулся мечом, собираясь оборвать жизнь ловкача, но тот каким-то чудом смог увернуться, подставив под удар бедро, которое рассек меч.

Издав сдавленный стон, враг засадил свой, теперь единственный, кинжал в бедро Рууну и вновь усмехнулся, как бы говоря глазами: "глаз за глаз".

Тут же героя повело в сторону и он почти упал, а ловкач в это время вытащил кинжал из бедра и щита Рууна, стараясь отстраниться от него.

Впрочем, Руун не мог позволить это сделать, и когда увидел наглость тощего в попытке забрать кинжал — ткнул по телу противника без особой энергии, не рассчитывая ни на что.

Но он ощутил, как острое наткнулось на сопротивление, а затем увидел, как меч прошел в сердце врага: на том не было почти никакой брони, дабы остановить столь слабый удар, ибо он не хотел терять в скорости.

Руун видел, как из глаз врага уходит азарт, насмешка и уверенность, заменяя удивлением и даже обидой.

Сегодня он, пожалуй, выучил один из главных уроков: не недооценивать своего врага.

Что мешало ловкачу перерезать сухожилие или не тянуть свой кинжал? Ничего, только лишь гордость и желание поиграть со своей добычей дольше, сделав из этого шоу.

Теперь Руун наблюдал, как гуманоид, считавший себя хищником, делал робкие шаги назад, выпуская кинжалы из рук.

Ещё мгновение и он падает на песок, который становится ещё краснее, чем был до этого, а трибуны разрывается криками: где-то овации, а где-то проклятья.

Сейчас стояла глубокая ночь, но Руун все никак не мог заснуть: он размышлял над победой в турнире и последствиями, стоящих за ней.

В тот момент, когда жизнь покинула его врага, ставшего таким волею глупого случая, — он впитал его осколок, осколок лесного эльфа.

Его самого, из-за издевательств над ним, нельзя было узнать по внешним признакам, но воспоминания сложно было подделать: родные земли, близкие люди, дружественные леса.

И пока оратор на арене расплылся перед зрителями, Руун изучал все, что мог.

Прекрасная, эльфийская страна, города, состоящие из прочной и негорящей древесины, везде используемой в их быте, которая под влиянием их божества, Нириады, образовывала надёжные в защите стены и уютные жилища для них.

Они обитали на восточно-южном континенте, именовавшимся "Сирдор", поделённый между собой тремя расами: эльфами, ящерами и кентаврами.

В самой же эльфийской стране, Гистор, обитали разные подрасы: солнечные, кровавые, ледяные, лесные, в целом все, исключая лишь темных.

Но не это было самым важным для Рууна, и даже не стиль боя, основанный на ловкости тела.

Внутри него, прямо из ничего, создавалось эфемерное ощущение нового органа, который нельзя было пощупать, прямо в районе его сердца.

И он знал, что это сосуд с праной. Пустой, ничем не заполненный, лишь показывающий пределы и границы для его тела. Теперь, совсем крохотный, но там, внутри него, он был.

Не просто так эльфийский народ славился своим природным талантом к пране. Руун даже ощутил, что сосуд образовался на одну сотую от максимума.

После победы его провели к распорядителю арены, на что тот ничего не сказав, быстро поменял метку на его шее, где теперь была другая надпись: "Руун, гладиатор белой крови", после чего его отвели к другой комнате, все ещё полную людьми, но более свободную, где выделили койку из досок, поверх которой была пропахшая потом шкура, на ней он и лежал сейчас.

Затем его мысли переключились на другой лад: здесь было два десятка существ, и если он убьёт кого-то из них, то может стать сильнее. Но кого и когда? Ведь должен быть обход правил и приказов, как минимум быстро лишит противника жизни на тренировочной площадке.

Спустя недолгую минуту размышлений, его пронзила, как молния, мысль о яме, в которую он возвращаться больше не хотел, поэтому, сильно подавленный, ощущая какой-то животный ужас, тот час отбросил эту мысль.

Так, не спешно, Рууна всего такти настиг сон, утащив в свои объятия.

А затем пошла ночь за днём, где он, со своими новыми товарищами по несчастью, тренировался из-за дня в день бою на мечах, желая выжать максимум.

Рузвельт больше не смел его донимать, поскольку его покровительство было только лишь над грязнокровками.

С каждым днём он наблюдал в столовой, как тех становилось все больше и больше, собирая к новому турниру.

Ещё позже он узнал, что через три месяца состоится турнир и для белых, которых местные называли бестиариями, ведь те всегда сражались с животными.

В одну из многих ночей, прямо перед новым турниром, ему снился сон: он вновь оказался в том храме камня и земли, вновь лежал на коленях у старухи, вызывающей столь теплые чувства; лежал и просто слушал её речи, не в силах вымолвить ни слова.

Пока она пересказывала ему самые кровавые и жестокие поступки людей, которые впитала в себя на своем веку, он разглядывал дивной красоты созвездия над сводом этого храма, где сейчас виднелся силуэт паука и начатки кувшина, из которого вытекали ярчайшие россыпи звёзд.

Её слова звучали ему лишь фоном, не вызывающим никаких эмоций, но где-то на задворках, его сознание само рисовало те сцены и выжигало их в памяти.

Он видел глазами шакала одну из империй, хоронившей своего правителя. Как многие шли вдаль, дабы попрощаться со своим правителем.

Какой-то толстый человек, распинаясь, кричал со слезами и горечью, что империя осталась вдовой, потеряв столь прекрасного правителя. Видел слезы на сотнях лиц вокруг.

Но сам шакал ощущал в их императоре свой дух и свою кровь, что так же была в его сына, присутствующем там.

Обернувшись назад, он увидел тысячи тел невинных людей, показавших малейшую толику безразличия или радости от смерти правителя.

С каждым шагом он видел этапы жизни этого человека и его потомства, последствия которых до сих пор отдавались громким эхом по континенту.

Будучи в разных телах он видел разные истории: о любви, ненависти, правителях, детях, наивности... Руун потерял счёт воспоминаний и времени, сколько это все длилось.

А когда наступил момент Рууну просыпаться, то он услышал её последние слова: оборви эту цепочку жестокости, мой меч, закончи существование всего!

Пробудился Руун сам, давно выработав режим, как и все другие вокруг него.

Атмосфера была мрачной и настроение каждого можно было понять их лицам. Вот и сейчас все в тишине собирались к арене, настраивая себя и вооружаясь.

Рууна наполнила странное двойное ощущение, вновь оказавшись лицом у этой решетки.

— Дамы и господа! Новый сезон открывается! Сразу после прошедшего турнира грязнокровок мы переходим к белякам, — Руун видел, как народа было заметно больше на трибунах.

— Сегодня мы проведем первый бой, где двадцать девять участников будет сражаться не на жизнь, а на смерть. Начиная с этого момента и до финала, все они могут выжить или умереть! Ваши ставки на то, кто выживет в этом раунде приняты! Поднимай решетки!

Когда им был открыт доступ к арене, они всей группой вышли на песок, после чего решетку закрыли.

— Сегодняшний бой будет особенным! Мы подготовили тысячу голодных крыс, готовых сожрать буквально всё на своём пути! Выпуска-а-ай!

Тот час все решетки вокруг поднялись и ковер, состоящий из полуметровый серых крыс укрыл собой пески этой арены, ринувшись к ним.

Моментально вся группы прижалась к решеткам по краям, стараясь сбиться в одну кучу.

Рууну не повезло, — он был в передних рядах. Покрепче перехватив щит, он слегка наклонился, укрыв щитом и ноги, а затем выступил меч на изготовку, готовый обрубить жизнь первого врага, что ринется к нему.

Периферийным зрением он отмечал, что люди вокруг поступали так же, а затем эта волна налетела на них, из-за чего он уже не мог следить за другими.

Казалось, что они сметали их и Руун делал шаг за шагом назад, не в силах противостоять этому напору. Он нещадно рубил без разбору, не видя ничего, кроме серых шкур и брызг крови, перед собой.

Моментами в его плоть вонзались зубы и когти этих тварей, причиняя боль, но волны тепла наполняли его тела, восстанавливая все повреждения.

Со всех сторон слышался предсмертные звуки людей и крыс, сливаясь в какую-то непонятную палитру, совмещённую с его собственным рычанием от боли и ударами сердца в ушах.

Под ногами постоянно попадались препятствия, из-за которых он несколько раз был близок к падению, но каждый раз очередной товарищ за спиной принимал его вес на себя, помогая устоять.

Потеряв счёт времени, в какой-то момент Руун наткнулся на решетку за спиной.

«Больше ни шагу назад?» — понял он и уже собрался продать свою жизнь подороже, но тут сбоку от него увидел людей, что так же, как и он, не желали умирать.

Постепенно натиск на них слабел и Руун все больше приходил в себя.

Он понял, почему они ещё живы — крысам не было до них дела и они небольшим холмиками облюбовали мертвые тела, стараясь выгрызть кусочек и для себя.

Постепенно к нему вернулся и нюх, о чем он тут же пожалел, поскольку запах крови перемешался с запахом человеческих и животных отходов жизнедеятельности.

Некоторых от этого уже мутило, тогда как остальные, вместе с Рууном, принялись добивать остальных крыс, не особо обращавших на них внимание.

Вскоре с этим было покончено и выжившие принялись рассматривать друг друга, желая увидеть, с кем они стояли только что практически спина к спине.

Руун удивился тем, что целых шестнадцать человек выжили, и все они, как и он нынче были покрыты кровью.

Песок давно перестал быть им опорой под ногами и выжившие ходили по телом мертвых крыс, иногда соскользывая по крови и внутренностям тех, падая в эту кучу.

На что в ответ, не стесняясь никого, отборно материли это место, трупы и оратора, который не обращал на них никакого внимания. А под горами этих туш проглядывались обглоданные до мяса и костей тела людей, от которых выжившие старательно отводили взгляды, не в силах не думать о том, как они были близки к тому же.

— Вы только посмотрите, какое кровавое зрелище! Какая стойкость! Какая жажда выжить! Этот турнир белых обещает быть многообещающим! Что же нас ждёт завтра? Дайте выжившим отдохнуть!

После этих слов их выпустили с арены, позволив завалиться в оружейную комнату, где тут же почти все попадали и принялись перевязывать свои раны или вовсе отрубались.

Все это время охрана не обращала на них никакого внимания и просто ушла, оставив их одних.

Подойдя к стопке тканной одежды, Руун разорвал ее на тонкие повязки и решил перевязать тех, кто был к этому в эти мгновения не способен.

Очень быстро, следуя его примеру, не нуждающиеся в перевязке принялись поступать так же.

— Спа... сибо, — услышал он, полу-шепот полу-хрип, отходя от одного из пострадавших.

Руун решил для себя после этого боя, что чем больше их будет — тем лучше для следующих раундов. Да и память крыс, что плескалась сейчас в нем, зародила в нем какой-то стайный инстинкт, который все ещё не отпустил его.

Так что, закончив со всеми, он помог некоторым из них попасть в столовую и получить свою порцию еды, а затем уложил их в койки.

Некоторых из гладиаторов странно смотрели на него, пока он сам в свою очередь ощущал, как медленно, но это ощущение все же отпускает его.

Иногда он слышал, благодаря своему слуху, как его товарищи шептались о том, что ни смотря на его уродливое лицо, он все же помогает им. Их так же смущало то, что он вышел оттуда целым и невредимым, что немного придало ему авторитета в их лицах.

Так и наступил новый день, а бойцов, пусть и раненых, погнали на арену.

— Бурс имя мне и с меня должок, который я отдам, если будет возможность, — внезапно Рууна хлопнул по плечу один из вчерашних пострадавших, что сейчас, к его удивлению, был полностью здоров.

Проводив того взглядом, он отбросил эти мысли и принялся рассматривать остальных: все такие же хмурые, а кто-то уже с отчаянием во взгляде. Впрочем, их можно было понять, ведь они, после вчерашнего, с трудом дошли сюда, не говоря уже о дальнейшем бое.

— А теперь, дамы и господа, пришла вновь пора белых. Вчерашний день потрепал их, но сегодня, с новыми силами и новой решимостью они будут стоять за свои жизни до конца! Выпускай!

— Смогут ли эти шестнадцать человек выстоять против трех десятков волков? Стая животных против стаи людей! Да начнется зрелище!

Не торопясь, из клеток вышли волки, медленно окружая эти массу людей, что жалась друг ко другу и решеткам позади.

Атмосфера накалялась, а тишина затянулась. Публика так же молча ожидала начала действия.

Ещё пара мгновений и один из стаи зарычал и бросился первым на людей, а за ним ринулись все остальные.

В этот раз Руун был более спокоен и уделял внимание окружению. Справа и слева товарищи, а значит можно, пусть и на короткий миг, но не переживать о ударе сбоку.

Прыжок волка, блок, падение твари, удар мечом, смерть. Руун вспомнил, как его преследовали точно такие же звери и как много проблем доставили ему. Теперь же они было лишь назойливой мошкаррой, пока их не станет несколько десятков. В прошлый раз его спасла удача, не более, здесь же присутствовала чистая техника и сила.

Так, не спешно, он отбивал все атаки волков и убивал их одного за другим, пока они сами налетали на них.

Первое время он следил за товарищами, чтобы не остаться одному, но те будто приклеились к нему. Даже когда Руун делал шаг вперёд — они повторяли за ним.

Впрочем, всё было не так радужно, как ему хотелось: где-то вдалеке были слышны предсмертные вскрики людей и радостные рыки зверей, получивших свою добычу.

— Окружаем и добиваем! — услышал он от кого-то сбоку.

Волки быстро утратили всю свою смелость и отступали, но в ответ люди прижимали их сами, расходясь стеной щитов.

Очень скоро бой подошёл к концу и Руун убедился, что в этот раз к нему все были подготовлены лучше: среди десятков волков он заметил лишь несколько тел людей, остальные отделались лишь новыми ранами.

«Тринадцать живых», — споро подсчитал он.

— Вы это видели? Какая выдержка, как яростно они сражались за свои жалкие жизни для вашей потехи и денег!..

Вскоре, после недолгих, но пылких речей, их выпустили, и в этот раз все окончательно поняли, куда попали, принявшись знакомиться.

Руун к ним, очевидно, присоединился, ведь некоторые из них посматривали в первую очередь в его сторону, поскольку он себя уже показал со стороны как хороший боец.

Теперь их жизни во многом могли зависеть друг от друга, так что им хотелось узнать хотя бы имена друг друга, пока обрабатывали раны.

Вместе они отправились и за едой, где переключились на тему тактик и стратегий, пытаясь хоть немного улучшить общее взаимодействие.

На одном из кораблей, пришвартованных в порту Гроста, внутри каюты капитана сейчас шел пылкий диалог

между двумя людьми.

— Капитан, он на моих глазах восстанавливал раны! Представьте ценность этого бойца! Вы давно хотели забрать кого-то оттуда, почему бы не его?

— Ты меня учить вздумал, шкет? А то, что мы пираты и нам без того мало где можно осесть, тебя не смущает? Мы потеряем после этого, в лучшем случае, возможность вставать в этом порту, а в худшем распорядитель арены лично свернёт нам шею.

— Островов много, но где мы ещё найдем такую возможность получить почти бессмертного товарища?

Так было всегда, когда на арене появлялись одаренные, ведь они почти всегда достигали больших успехов в чем-то и иметь такого подчинённого всего было хорошей перспективой роста.

— Ты пьян, молокосос, тебе лишь привиделось!

Это перепалка шла ещё долго, поскольку ни один из них не хотел сдавать свои позиции.

Однако они и не догадывались, что многие заметили того человека и сейчас более решительные люди положили глаз на перспективного бойца.

Многим из них надоело быть на дне пищевой цепочки и это был их шанс наконец выбраться из нее, пусть и, возможно, ценой своей собственной жизни.

Таким образом некоторые мелкие, но готовые идти на риск, организации и люди различных слоев пытались найти свой подход, чтобы забрать бойца.

Глава 18 — Окончание турнира

Новый день — новая битва. Тринадцать бойцов стояли на пропитанном кровью песке, и пока оратор распинался перед публикой — их, гладиаторов арены, окружали десяток голодных львов.

Полутораметровые твари, покрытые старыми шрамами становились все ближе и ближе. На их боках проглядывались ребра, сообщая о том, что их морили голодом, но этот голод сейчас играл против них. В глазах хищников гладиаторы были прекрасным источником пищи.

Их было больше и они решили повторить вчерашний подвиг: принять первый удар, а затем задавить подранков количеством.

Но львы оказались мощнее волков: их лапы проламывали щиты, а те, у кого они выдерживали — отступались назад от силы удара.

Руун, один из немногих, у кого получалось стоять на месте, но один в поле не воин и он отступал вместе с остальными.

Удары на его щит сыпались один за одним, а он в ответ отбивался мечом, ранив зверя, но не добивая.

Дела становились все хуже, но моментами звери все-таки падали под градом его ударов.

Не у него одного были успехи и всем показалось, что скоро дело закончится, но вот первый вскрик человека и первая жертва — львы прорвали стену щитов и их построение.

Ещё миг и щит Рууна так же даёт слабину, прогибаясь в центре. Разрушается в сотни заноз, которые вонзаются ему в руку.

Пелена боли на миг затмевает его взор, а затем новый выброс адреналина накрывает его и он замечает льва, что прыгает прямо на него.

Шаг назад, — к радости героя там никого не было. Меч на изготовку, тычок вперёд и зверь пронзается этим единственным ударом и оседает прямо на его руках. В лицо бьёт смрадное дыхание хищника, павшего от руки Рууна.

Вокруг начинает твориться хаос, а звери активно разделяют людей все дальше и дальше друг от друга.

К счастью, их по-прежнему было больше. На каждого зверя, грубо говоря, была два гладиатора, что прикрывали друг друга и ситуация стабилизировалась.

Руун помогал то одному, то второму, а затем они все вместе уже переключались на добивание остальных хищников.

Ситуация была вновь под контролем людей и победа в их руках, но радости они не испытали, ведь теперь в живых уже девятая и они не знают, сколько ещё испытаний им уготовили.

— Безликий по праву получает симпатии зрителей, как самый лучший боец этого раунда! — тем временем, после боя с волками, зрителя дали ему прозвище, которым его нынче именовали.

Для прозвища нужно было привлечь внимание, а это бывало уже ближе к концу жёлтой крови, но внешность Рууна позволяла привлечь больше взглядов на себя, а его умение сражаться лишь сильнее сияло под сотнями взоров, что сделало для него поблажку в этом плане.

— Даже львы не смогли остановить этих мужественных воинов! Кто же, наконец, сможет показать им их место? Вскоре их ждёт новое испытание и новый враг!

Только сейчас Руун ощутил огромную волну усталости, что накрыла его, пытаясь сбить с ног и отправить вплавать по течению.

Он хотел стать сильнее, но эти битвы слишком замедляли процесс. Животные уже ничего ему не давали, а тренировок у него и без того вдоволь было.

«Зачем тренироваться так много, когда можно забрать опыт десятков лет тренировок других?» — жаловался он сам в себе.

Уходя с арены, Руун принялся искать глазами Бурса. Этот здоровяк с севера был на удивление приятным собеседником. Ему симпатизировали его серые глаза, внутри которых плескался смех и веселье над всем и всегда.

— Ну что, господин Безликий, вы как и всегда порвали их в клочья? — Бурс сам нашелся, приобняв Рууна за плечо.

— А ты, как и всегда, выжил? — губы Рууна тронула легкая улыбка, сглаживая впечатление от его хриплого голоса.

Слишком давно он не общался и ощущал нужду в ком-то, поскольку охота на стайных хищников внушала ему нужду в своей стае.

С каждым новым диалогом с ним Руун все больше ощущал, как сглаживается его память о бытности разбойником.

— Да чтоб я и не выжил? Ну нет, я ещё не отдал свой долг, за кого ты меня вообще считаешь?! Кстати, ты

прикрыл меня и сегодня, — сочтемся.

— Прикрыл? Не заметил как-то. Впрочем, пусть будет так. Пойдешь тренироваться?

— Готов хоть прямо сейчас! Господин Безликий! — показательно положил он ладонь на рукоять клинка и вновь улыбнулся Рууна.

Общаясь, они сразу и не замечали все ту же мрачную обстановку людей, ведь с каждым днём их все меньше и меньше. Но самое страшное, что не знаешь, когда именно твой день настанет остаться лежать хладным телом на этом песке.

— Опять ехидничаешь в своих обращениях, Бурс? Завидуешь? — Тут же к ним подошёл третий участник, Ирун, влившийся вчера в их общество, предлагая неплохие стратегии за обедом.

— А ты, шкет, молчал бы! Затисался позади всех и жужжишь над ухом, что комар ночью!

— Дак ты без этой жужжалки своим крохотным мозгом не додумаешь, кого бить и куда идти! — в шутку расплылись они, желая отвлечься от обстановки, на что Руун лишь снисходительно улыбался.

Остаток дня, помимо еды и купальни, они посвятили тренировкам.

— Сегодня мы подобрали особенных тварей! Они вдвое, а то втрое больше и много тяжелее наших участников, как же они будут с этим справляться? Прямо сейчас мы и узнаем это!

— Эй, тупой увалень, прикрывай Рууна! — раздался рядом голос Ируна.

— Пасть завали и прячься уже! — не остался в долгу Бурс и встал рядом с героем.

Между тем на арену вышло пять здоровенных медведей, чем рев заставил отступить нескольких из гладиаторов.

Руун прошёлся глазами по товарищам — у всех в глазах был виден отблеск страха, да и ему самому не нравилась мысль попасть под удар этих могучих лап или под пресс этих острых клыков.

Твари, ростом под два метра, неспешно подступали к ним, будто не обращая даже должного внимания на столь незначительных букашек.

Но Руун видел в их глазах отблеск голода и осознавал, что их сейчас ждёт.

Кто-то, не выдержав нервного накала, крикнул и ринулся в бой, а все другие по инерции последовали за ним.

Очевидно, его удар оставил лишь лёгкую рану на шкуре одного из медведей, а сам он отправился в полет, скорее всего последний.

Но тут же Руун заметил, что медведи медлительней него — это их шанс.

— Отвлекай их и не попадайте под удары! — крикнул он.

Отбросив щит, он подошёл сбоку к одному из медведей и резким выпадом вонзил тому меч в шею, стараясь пробить мозг.

Сейчас он был рад, что обладает такой силой, поскольку череп никак не желал пропускать через себя меч, но с некоторыми усилиями Руун добился своей цели.

Медведь ревел от гнева и метался по сторонам, размахивая своими огромными лапами в попытке оттолкнуть обидчика, но вскоре осел и умер.

Первый закреплённый успех внушил надежды группе и они повсеместно принялись следовать тактике.

Однако у Рууна возникла проблема: его меч застрял. Пока он вытаскивал его — слышал ещё несколько криков боли и страдания, ставших, вполне возможно, предзнаменованием смертей его товарищей.

Их количество действительно уменьшалось, как и количество медведей.

Вскоре он справился во втором, а третьего смогли одолеть его товарищи. Осталось всего двое.

Тут же, прямо на его глазах, удар лапой отбрасывает Ируна, вслед за которым можно было увидеть кровавые полосы, оставленные им.

— Нет! Идиот, зачем ты полез! — это же заметил и Бурс, бросившийся на медведя.

Руун ринулся вслед за ним и они быстро справились с ним. Ещё трое выживших добились последнего.

Сейчас, весь в крови и тяжело дыша, Руун подошёл к павшему товарищу и опустил на колени рядом с ним, прощаясь с ним молчаливым взглядом.

— Руун... Бурс... — он все ещё дышал, но его слова отдавали хрипотцой, — простимся... Близится мой час. Мы не победим. Мы умрем на арене... Тем лучше, — не облысеем от женщин и перепоя — попытался улыбнуться он.

Его взгляд тускнел, а улыбка сходила. Взор устремился куда-то ввысь и он мечтатель потянулся рукой туда.

— А небо... Небо над колизеем. Такое же голубое, как над родиной нашей... Которую зря я покинул ради истин. Впрочем... — Ирун переместил взгляд на своих друзей, — Мне не обидно. Просто такая выпала доля — дать людям хлеба и зрелищ, — на этих словах он сомкнул глаза и постепенно его дыхание так же оставило тело.

Руун и Бурс молча наблюдали за этой картиной, пропуская все слова оратора мимо ушей, а затем молча ушли с арены. Другие участники битвы так же, как и они, в полном молчании, согбенные от усталости, поплелись

своими путями.

Руун не хотел себе признаваться в этом, однако внутри ничего не ощущал по этому поводу. Просто не хотел показаться бесчеловечным в глазах Бурса, который, видимо, сильно привязался за эти два дня к тому парню.

— Вот и настал долгожданный день! Финал белой крови! Сегодня мы увидим пятерых противников против одного, но особенного. Его шкуру не берут удары мечом, его размер способен затмить небо, а сила и ярость способны втоптать этих бойцов в землю без особых усилий!

— Безликий, сегодня я готов отдать свой долг, — это уже сказал Бурс, после вчерашнего потерявший свою улыбку и став более серьезным.

— Лучше выживи — этим отдашь долг, — придерживался Руун какой-то ясной лишь ему одному вежливости.

Ещё пара мгновений и на арену выходит огромный боевой слон, что тут же помчался на пятерку со своими бивнями, взревев.

Руун не успел и оглянуться, как вся команда разбежалась кто куда, в том числе и он. Сейчас слон догонял одного из них, постепенно настигая того.

Бурс и ещё один боец в это время старались пробить кожу этого монстра на задних лапах, напоминающих собой два огромных столба, способных удерживать небо над собой, но тщетно.

Руун тут же присоединился к ним и, желая проверить свои силы, ударил со всех сил, сколь позволяло это сделать на бегу, по его хвосту.

Слон тут же взревел и развернулся, ведь только что его хвост отрубили, а на коже за ним осталась кровавая борозда, из которой обильно вытекала кровь.

Один из них, не ожидая этого, не успел увернуться от бивней слона и был откинут мощным ударом, после чего гигантская лапа втоптала того в песок.

Слон тут же бросился к своему обидчику — за Рууном. Впрочем, на выносливость и скорость он не жаловался, соглашаясь сыграть в эти "догонялки" с врагом.

Боковым зрением безликий замечал, как его товарищи старались помочь и били по уже открытой ране. Он не знал, выходило ли что у них, но слон явно не собирался отставать от Рууна.

Время шло и его тело покрывал пот, а дыхание все сильнее сбивалось. Грудную клетку сжимало и в глазах темнело, но слон по прежнему не желал отставать от него.

Вот уже несколько раз он чуть ли не падал, но вовремя приходил в себя и отрывался от врага. Он заметил, что противник тоже устает.

Другие гладиаторы давно стоят в стороне и только Бурс, желая отдать долг, старается угнаться за ними, но давно уже потратил свою выносливость и просто плелся позади.

Руун понимал, что так дальше продолжаться не может. Позволив врагу догнать его, он сблизился с ним. Резкая остановка, острое лезвие нацеленное точно на глаз слона под наклоном, чтобы дотянуться до него. Упор в тело, дабы не отлететь от столкновения.

Все это произошло за мгновение. Как и планировал безликий, слон слишком привык бежать за ним и устал, потому не успел среагировать и нанизался на меч, причем, это его не остановило. Вместе с мечом он протаскивал Рууна вплоть до решетки у края арены, прижимая того, и углубляя острие в себя ещё глубже.

Слов ревел, и метался, пытаясь раздавить головой или насадить на бивни Рууна, но через время зверь осел мертвым грузом на его тело. И он действительно добился своего: многие кости в теле безликого были сломаны и выбиты.

Но его враг не знал, что для того это лишь мелочь. Сжимая зубы и мыча сквозь них, он терпел ощущение, как кости вправляются и восстанавливаются, — это было действительно очень скверное ощущение.

— Ру-у-ун! — бросился к нему Бурс, вытащив из под слона, но прямо на его руках взгляд потемнел и он потерял сознание — повреждения от десяти тон на его теле оказались слишком тяжёлыми.

Мрат, член гильдии теней, сокрытой от глаз всего мира, сейчас был у себя в подвале и пробовал пиво, готово ли оно.

— Дитя, услышь мой зов! — в его голове раздавался томный женской шепот.

— Да, госпожа, тень слышит вас, — не колеблясь, он упал на одно колено, опустив взгляд в пол.

— Пришло время указать нужный путь! Пусть шепот донесется до нужных людей и направит орудие мести по верной дороге!

— Тень услышала приказ! — после его слов, он ощутил, как связь разорвалась.

Мрат Герус был вербовщиком гильдии. Их гильдия отличалась тем, что свои приказы они получали лично от богини Лоуус, иначе известная как "Шепчущая", что нашептывала своим теням по всему миру указания, как им поступать, ведущие к процветанию организации и их самих.

Когда-то это была обширная организация, но их богиня молчала слишком долго, а к врагам переметнулся один из высших чинов, выдав всех высокоранговых членов.

«Проклятый предатель!» — от мысли об этом Мрат сплюнул в душе.

После уничтожения почти всей организации Лоуус стала очень избирательна в подчинённых, и именно Мрат был её устами к тем, кого она призывала.

Теперь у нее появились планы на одного человека, но Мрат не знал, какие. Впрочем, ему и не нужно было, ведь он всецело доверял ей, спасающей его десятки раз. Никогда её шепот не был ему во вред. Вербовщик преданно верил ей и в неё, отдавая свою жизнь для исполнения ее воли.

На грот-мачте корабля стоял старик, устремляя свой взор в далёкую морскую гладь.

Его кожа была темно-медной от влияния долгих дней под палящим солнцем юга, а глубокие морщины напоминали собой множество глубоких каньонов, глубоко изрезав его лицо. Прямо сейчас он раскуривал трубку, а солнце освещало его руки, покрытые десятками шрамов.

О его принадлежности много говорила золотая серьга в его ухе и бандана, закрывающая голову от солнца, из под которой водопадом спадали седые волосы, говоря о грузе прожитых им лет.

Сгорбленная фигура могла показаться уставшей, но голубые глаза горели огнем, в котором отразились былые сражения, кровь врагов и друзей, а так же ярость абордажных сражений.

Когда-то его имя наводило ужас на многие корабли южных морей, но вот уже десять лет как он осел, добиваясь своей новой цели.

Впрочем, времена сменились, а о нем забыли. Но обстоятельства вынудили его вновь вернуться в море.

Теперь на его черном парусе вновь красовался череп и кости, выдавая в нем пирата, а его верная команда по прежнему следовала за ним.

Сейчас его мысли были заняты сообщением о том, что нужные ему член команды находится в Гросте, участвуя в гладиаторских боях.

Ещё десять лет назад у него был особый метод, как попасть в эту арену и выбраться оттуда незаметно.

Целый год он тайно разрывал туннель под хрупким песчаником арены, достаточно глубоко и узко, чтоб своды не обвалились.

Это было сделано для другой цели, но он им так и не воспользовался. Его искушала мысль о таком шансе, данным ему судьбою.

Десять лет назад он наткнулся в морях на человека, кожу которого не брало ни одно оружие, а слабые точки на теле теряли свою слабость.

Он и вынудил тогдашнего Аарона сбежать с корабля, подобно сухопутной крысе, чего он до сих пор не мог простить себе.

С тех пор он старался найти силу, чтобы одолеть такого врага, но находил все, кроме того, что ему нужно. И вот, теперь у него есть шанс и он не хотел его упускать, но это был риск.

Либо он пойдет на дне вместе со всей своей командой, либо его имя вновь станет вселять ужас в этих морях. Что же ему выбрать?

— Капитан, торговое судно права по борту!

Обратив свой взор в ту сторону, он действительно заметил средних размеров судно, старательно уплывающее от них.

— Бери все и не отдавай ничего! На абордаж его! — оскалился старик довольной улыбкой, приняв решение.

— ...пион...нир.

— ...тая...овь.

Руун, постепенно приходя в себя, слышал на задворках сознания отзвуки голосов различных людей, а затем ощущал качку, будто его куда-то уносили.

— Угх! — Застонал безликий от неожиданности, упав на что-то твердое.

— Упс... Прости, не удержал, — Послышался голос Бурса, — ты как, уже пришел в себя?

— Где мы? — открыв глаза, он медленно осмотрелся в незнакомой обстановке.

— Казармы жёлтокровок, добро пожаловать, — протянул Бурс стакан воды другу.

И действительно, только сейчас он ощутил под собой более мягкую постель, нежели та, что была у него до этого.

— Спасибо... Хаха... Ха... — Только сейчас Руун вспомнил окончание турнира и не удержался от смеха.

— Будет тебе, Безликий. Ты что-то с чем-то, ну и начудил же, — не смог удержать улыбки и Бурс. Наконец, в его глазах за эти дни промелькнула радость.

Ни смотря на веселую атмосферу и смех, сейчас он активно осматривал окружение: почти полное отсутствие людей, лишь несколько человек отлеживаются, не обращая на них никакого внимания. А свет, сочащийся из оконных проемов сообщал, что ещё середина дня, — главная причина, почему здесь было так мало народу.

— Что нового слышно? — отсмеявшись, сменил тему Руун.

— Ничего хорошего. Мы теперь в желтой крови — место командных битв. И мы те самые "счастливчики", что заполнили последние места, а значит через три дня нас ждёт новая череда сражений, Безликий... Боюсь, наши шансы в этот раз ещё меньше, — улыбка моментально сошла с лица здоровяка.

— В чем-то Ирун и был прав, не так ли? Мы умрем на арене. За каждой победой ждём новая битва с ещё более опасным врагом.

— Кто-то все же входит в число лучших, что выживают на вершине и получают свободу. Почему бы не хвататься за эту единственную надежду?..

Ещё какое-то время они общались, из чего Руун узнал, что их тридцать два человека, которые будут сражаться против смертников, наемников и пойманных бандитов.

Общим мнением они решили познакомиться с другими бойцами, которые вскоре будут сражаться плечом к плечу с ними.

Слухи о Безликом, в одиночку поразившим слона, и до них дошли, отчего их с радостью приняли, но все же оставили где-то на рядовых позициях, тренируясь в построениях и боях один на один.

— Вы видели, как из никому неизвестный отбросов они, хватаясь зубами, вырастали в достойных бестиариев! Вы видели, как из корма для животных эти куски мяса превращались в манекены для мечей! Сегодня мы увидим, какие из них солдаты, смогут ли они и в этот раз выжить!

Для этого боя они вооружились с ног до головы: копья, мечи, метательные дротики, мечи. Если бы им можно было использовать лук или арбалет, то и его каждый имел, примастив за своей спиной, дополняя и без того полный обвес.

— Наши гладиаторы сегодня покажут себя против сотни неорганизованных, немых и не особо далеких умом бандитов, что удумали терроризировать наши земли, обирая честный люд! Выпуска-ай!

Тот час группа увидела, как со всех решёток выходят разношерстная масса с мечами наперевес.

— Фаланга! Копья вперед! — следуя приказу старшего, гладиаторы действительно выстроились, закрываясь щитами, из под которых торчали несколько десятков острых наконечников их копий.

Не прошло и полминуты, как всё было готова, но бандиты не ждали, активно наступая на них, будучи уже очень близко.

— Стрелки, готовься! Кидай! — дюжина дротиков полетела навстречу бандитам, пронзая их.

На миг те испугались за свои жизни и замедлились, но все так же активно продолжали наступать на гладиаторов.

— Кидай! — вновь разнесся приказ по их рядам, вслед за которым полетели новые снаряды во врага.

Руун между тем стоял в первой линии, блокируя натиск врага. Прямо сейчас они уже лезли на них и он перестал обращать внимание на гладиаторов-стрелков, сосредоточившись на противнике впереди.

Он колот с метровым запасом расстояния от бандитов, забирая их жизни одна за одной, но те, словно обезумевшие, пёрли на них, не желая сдаваться.

Руун видел силу рабского знака на их лбах, которому они были не в силах сопротивляться, в данный момент

напирающие на бойцов арены, теряя свои жизни.

Среди наступающих безликий старался выцепить кого-то особенного, другой расы, но пока без успеха.

Натиск все сильнее сжимал их ряды. Руун давно потерял счёт своих жертв, а те лишь шли по головам своих товарищей, обламывая древко копий и уже всячески стараясь пробить брешь в стене щитов.

Периодически со спины пролетали дротики, возвещая о своем присутствии свистом, рассекающим воздух, оказывая немалую помощь в обороне.

Копьё Рууна так же дало слабинку и обломилось, — пришла пора меча, который он тот час достал из ножен и встретил первого врага вблизи, продолжая прикрываться щитом.

Сперва их враги просовывали в щели мечи, стараясь поразить их, но пострадавших было слишком мало, и их быстро сменяли другие, становясь на переводе вместо них.

Бандиты, увидев неудачу своих действий, быстро сменили тактику: хватаясь за щиты, они голыми руками тянули на себя, вытягивая человека из толпы и вклиниваясь в брешь их построения.

«Что же, мы и без того забрали достаточно», — подумал Руун, переходя в мясорубку, ища взглядом Бурса, к которому тут же стал спина к спине, готовый бороться за свою жизнь.

Кем-кем, но этот человек явно не был трусом и всегда готов был ринуться в эпицентр схватки, и потому Руун отчасти доверял ему в данный момент.

Впрочем, другие выжившие все же быстро смогли восстановить построение под криками старшего, сменив его на более эффективное и отбивая новые волны атак бандитов.

Лишь ещё трое гладиаторов оказались рядом с ними, прикрывая сейчас друг друга.

Воспоминания потоком перетекали в его сознание, а силы наполняли тело, исцеляя.

— Бурс, держись, ещё немного! — Руун слышал, как за его спиной пыхтит здоровяк, выбиваясь из сил.

Новые воспоминания вновь напоминали ему дни, когда он был разбойником, и тот сам не заметил, как улыбка, или то, что должно было ею быть, напоззло на его лицо.

Звук стали о сталь и вид крови все больше отдавал вкусом металла на его нёбе и безликий сам не заметил, как оторвался от напарника, переходя в самый эпицентр бандитов.

Несколько раз что-то острое проскальзывало по его бокам, оставляя разрезанную броню и неглубокие раны, но он не останавливался, стараясь выцепить нескольких орков, что попали в его поле зрения.

Вскрики внезапной боли, причиненной его мечом и последующая за этим волна силы опьяняла, заставляя впадать в какой-то транс, где каждый следующий взмах меча приносил новый предсмертный вопль врага и поток новых сил, чтобы раз за разом повторять этот цикл, совершенно не обращая внимания на боль в теле.

Взгляд все сильнее окутывала пелена крови, а костры арены, что периодически мелькают в его глазах, лишь сильнее пробуждали в нем какие-то первобытные инстинкты. Ему даже начало казаться, что он вновь попал в ту деревушку, ощущая сейчас тот приторно-сладковатый и мерзкий запах палёной человеческой плоти.

Когда враги закончились, Руун заметил, что другие гладиаторы держатся от него в стороне, а его самого быстро настиг Бурс, с размаху всадив кулаком в скулу, отчего герой злобно зыркнул на обидчика, готовый накинуться на него.

— Ты куда рвешься, жить надоело? У тебя есть товарищи, чтобы прикрывать спину! Из-за тебя двое погибло, которых ты прикрывал! Их, как свиней, зарезали в спину через брешь, где ещё мгновение назад стоял ты!

Его рука дернулась, желая ответить ударом меча, но голос товарища все же смог достучаться до его сознания, выводя из этого трансa и снимая красную пелену с глаз.

Здоровяк явно неодобрял его действий, хотя Руун считал иначе.

— Оглянись, Бурс. Посмотри под ноги. Скольких они убили бы, если я стоял на месте? — взглянул на друга холодным взглядом, спокойно произнес он.

— Нисколько, если бы мы все стояли в строю и отбивались от них. Те двое в том числе были бы живы!

Между тем, Руун видел, что здоровяк прижимает одной рукой глубокую и кровоточащую рану на боку.

Сейчас, стоя между тридцатью телами, которых он в одиночку порубил, безликий вспомнил, как видел острие секиры, что снизу-верх рассекало воздух, направляясь к его шее, готовое оборвать жизнь, но кто-то или что-то приняло этот удар на себя, — Руун наконец понял, почему удар не настиг его.

— Ты прав... Прости, — сжав зубы, процедил он, осознавая, как был близок к смерти. Ни одна сила не вырастит ему новую голову.

— Извинения не вернут их жизни, а так же ставят наши под больший риск в дальнейшем! Я вернул свой долг крови. Теперь мы на равных, Безликий, — твердо произнес Бурс, твердо смотря на него, после чего замолчал.

Тишина продлилась всего мгновение, а затем раздались овации и крик толпы, наблюдающих за этим действием со зрительных мест.

— Кажется среди гладиаторов родился настоящий берсерк! Это Безликий! Уродливый лицом, он внушает страх не только врагам, но и друзьям!

В подтверждение слов оратора, Руун замечал, как другие действительно опасаются к нему подходить.

Когда день закончился, Руун вновь не мог уснуть, поскольку у него вновь было о чем подумать.

Весь день Бурс хоть и не показывал этого, но после этого боя, по какой-то одному ему лишь ведомой причине, стал ещё более открытым и теперь вовсе не отходил.

Гладиаторы же решили не трогать его, пока другие, двадцать пять выживших, посвятили себя тренировкам построений ни смотря на травмы.

Рууна удивило количество выживших, ведь умерло лишь шестеро, двое из которых пали по его вине, но абсолютно каждый вышел из этого боя с ранами разной степени. Старший действительно знал свое дело.

Но больше всего Рууна интересовали татуировки, что теперь покрывали три сотых его тела, формируя между собой какие-то рунические письмена, связанные между собой.

Ровно на три орочьих жизни, что успели обзавестись этими татуировками.

Так же он узнал, что они значат и теперь мог читать любые орочьи татуировки, в один миг они обрели для него смысл.

Те, что он заметил на других, сообщали о их силе, когда они побежали достойных врагов, причем не обязательно других орков, но конкретно у Рууна почему-то писалось лишь о том, как он отнял жизни орков-воинов, которые были достойными, перечисляя и их имени.

А так же сила, которая перешла к нему: та пелена во время боя, которую оратор назвал берсерков, придающая ему невосприимчивость к боли и наполняющая тело силой.

В тот момент ему показалось, что в его тело вселилось несколько бойцов, помимо него: орки-воины, убитые им, что двигали телом вместо него, сливаясь в одно целое между собой и ним самим.

Когда он входил в это состояние, то ощущал, как татуировки начинают обжигать кожу, а в памяти убитых им людей видел их глазами, как от татуировок исходит красное свечение, когда рубил тех.

Сейчас они были на его левой руке, вновь обретая темны-серый цвет, будучи неактивными, но даже так он ощущал, как они придают ему взрывной мощи в каждом его движении.

Рууну снился странный сон: он оказался на поле битвы, где тысячи и десятки тысяч орков сражались друг с другом, и лишь изредка мелькали воины других рас.

Прямо в эпицентре этого поля битвы был мост, ведущий к замку, который стоял на куске скалы, повисшим прямо в воздухе, отделяясь от остального мира рвом, состоящим из бездонной пропасти вниз.

Повсеместно на пути, формируя своего рода дорогу к мосту, были огромные колонны, десятки метров в высоту, состоящие из черного камня, на которых были вырезаны невероятные сцены великих битв, где крохотные создания побежали огромных драконов, страшных морских чудовищ и целые армии.

Сооружение замка было очень величественным, внушая трепет и благоговение пред ним, но и внушая жажду любой ценой туда попасть.

Изнутри исходил яркий свет, который напоминал собою скорее блеск мечей, нежели свет свечи или факела.

Ни смотря на звуки поля битвы, он слышал, как оттуда исходит весёлый гогот и радостные восклицания одобрения.

Его так и тянуло внутрь, но что-то не давало ему пройти, внушая решимость сражаться, пока он не останется единственным на этом безумном поле боя, где каждый был сам за себя, доказав, что достоин того.

Небо было темным, охваченным грозowymi тучами, в которых тут и там повсеместно мелькали вспышки молний различных цветов, завораживая своей дивной красотой.

«Белые, фиолетовые, красные, оранжевые, розовые, голубые, зелёные, жёлтые», — Руун уже был не в силах отвести взгляда, в котором эти вспышки отражались, запечатлевая себя навсегда в памяти простого смертного и перечисляя всю палитру, какую безликий только был способен различить, моментально влюбившись в эту первозданную стихию, пока в один момент его не пронзил чей-то меч, лишая жизни.

Когда взгляд накрыла тьма и он подумал, что умер, то вновь оказался цел и здоров прямо посреди этой бойни, где на него тут же кинулись новые враги.

В мгновение, которое он сам не заметил, в его руках оказался меч и он принялся отбиваться от врагов, пронзая их.

Потеряв счёт времени и жизням, которые он здесь отдал, мир, казалось, остановился и замер.

— Тебе здесь не место! — Руун услышал, как над ним пророкотал чей-то гневный глас, ничем не отличимый от настоящего грома.

— Пока не место, смертный! Поди прочь! — уже более спокойно прогремело и он больше не воскресал прямо посреди этого поля, ютясь в обволакивающих объятьях сна.

Вот уже несколько недель прошло, как Ромус сбежал из лагеря бандитов, прихватив с собой солидную часть добычи, которой ему хватит надолго.

Прямо сейчас он двигался в Таедиум, портовый город Долора, откуда он планировал наконец свалить из этого всеми забытого континента, где жизнь не хотела приживаться.

Но не это сподвигло его в первую очередь на бегство: в одной из вылазок он наткнулся на членом древнего ордена призывателей, которые были способны вызвать с другого плана реальности диких монстров, а затем приручали их, заставляя служить себе.

Базировался орден на одном из далеких островов, закрытом для всего остального мира, и те лишь изредка покидали его, поскольку, как считали люди, в том месте был разлом реальности, полный всевозможных страшных и уродливых тварей, откуда они и черпали свои силы для призыва.

Они славились тем, что никогда не отпускали своих врагов, ведь у них были средства и возможности, как выследить того, так и уничтожить.

Чем же он провинился? Все проще простого: он не устоял перед искушением завладеть чем-то по-настоящему ценным и напал на караван рабов призывателей, которые хотели скрытно от глаз сильных мира сего переправить яйцо одной из тварей, что была у них.

Призыватели часто продавали яйца своих питомцев товарищам, что по долгу службы не были на острове, и это была обычная ситуация, но на одно яйцо приходилось пятьдесят послушников, умеющих сражаться.

Все давно поняли, что это не самая выгодная идея нападать ради призрачной награды на таких врагов, которые потом не простят их и выследят, потому тех всегда пропускали — таково было негласное правило любого бандита.

«Но здесь, во всеми забытых землях, есть ли шанс, что они найдут отсюда след?» — Так решил для себя Ромус, отдавая приказ напасть.

В тот день почти весь его отряд полег, а выживших он добил лично, чтобы никто не донес главарю, а затем изранил себя, сказав, что они потерпели поражение и он сбежал.

К его счастью, Руун в то время был задумчив и не особо переживал о погибших бандитах, ведь новых набрать не вопрос. Его лишь разозлил факт, что о них узнают теперь, но надеялся, что их посчитали лишь маленькой шайкой, от которой избавились.

Все шло как нельзя лучше, после чего в один из дней Ромус сбежал, надеясь вырастить это яйцо далеко от всех, а затем вернуться с новой силой и отхватить себе какой-нибудь далёкий замок, где его не найдут, зажив хорошей жизнью.

Аарон был бы не Аароном, если бы не научился за долгие года своей жизни извлекать выгоду из всего.

Прибыв в Грост, он тут же узнал, что в порту караван гномов, торгующих товарами их личного производства.

Очень скоро он нашел среди их продукции и ящики специальных механизмов, которые они пичками острыми осколками, находящимися под огромным давлением воздуха.

Вся эта "красота", при срабатывании определенного триггера, накрывала всех вокруг, отнимая порою и десятки жизней за раз.

Раритетный товар, которым гномы, и без того редкие торговцы, не всегда сами по себе им торгуют. Он явно ощущал себя любимчиком фортуны. Всю дорогу ему везло, даже добыча с торгового корабля, что они захватили недавно, обогатила его, позволяя сделать такую важную покупку.

Так же к каждому ящику имелся пульт с определенной частотой, позволяющий их настроить на несколько режимов: моментальный подрыв, пассивное ожидание и срабатывание при любом взаимодействии с механизмом.

В своих самых рискованных замыслах Аарон уже все продумал, готовый идти на риск.

Сейчас он выкупил по пятикратной цене эти механизмы, запросив особую доставку и услуги, включающие в себя дополнительные товары, а так же вторую партию пультов к механизмам. Если все сработает, то он получит не только сильных бойцов, но и горы золота. На этом гномы и Аарон довольные разошлись, получив каждый свое.

— Ворг! Позовите Ворга! — кричал он команде.

— Капитан? — пред ним предстал худощавый полурослик, представитель древнего народа, знаменитых своей незаметностью.

— Готовься, через два дня у тебя вылазка.

Глава 20 — Ночное нападение

— Дамы и господа, сегодняшние бои будут особенные! У этих боёв есть спонсор: гномы-торговцы. В этой битве они любезно предоставили нам противников: три десятка беспризорников и отверженных собратьев, что сегодня будут сражаться не на жизнь, а на смерть!

Двадцать шесть гладиаторов стояли на краю арены, поскольку дальше им приказали не продвигаться до начала боя, и, недоумевая, слушали о своих следующих противниках, ведь всем было известно, что гномы — ремесленники, а не воины.

— Но не все так просто! Сейчас по всей арене под песком засыпаны механизмы, известные как "фрагментаты", готовые разнести любого, задевшего их! Сегодня гладиаторам предстоит опасность не только от врага, но и от самой арены! Да начнется зрелище!

Не торопясь, поднялись решетки, откуда вывалилась толпа хмурых гномов, плотно сбитых, низкого роста, обильно заросших, но без следов знака раба.

Тот час они встали в защитную формацию, ожидая гладиаторов, которым тут же приказали наступать.

Не в силах сопротивляться, старший дал приказ наконечниками копий по пути прощупывать песок, закрываясь щитами, что тут же и сделали бойцы.

Первый же взрыв оглушил их, изрядно напугав часть из них, заставив покинуть строй, из-за чего некоторые тут же пожалели об этом, поскольку сейчас их тела падали, окрашивая песок в ярко-красный цвет, наступая на новые механизмы, а ближайšie к мертвым гладиаторы могли насчитать в себе пару новых осколков, что застряли в их телах.

Взрывы были столь оглушительны, сколь и неожиданны, из-за чего многие раненные слишком поздно осознавали свои травмы.

Моментально отовсюду раздались крики боли, а с трибун арены восторженные ликования.

К счастью гладиаторов, старший успел вбить в них немного дисциплины, потому на последовавшие тут же новые команды, они сперва подчинились, а уже потом лишь принялись думать о том, почему.

Строй вновь был собран и они продолжили свой путь, но в эти разы к громкости разрыва и звуку свиста кусков острого металла все были готовы.

С каждым новым взрывом гладиаторы теряли несколько копий, заставляя все сильнее сужать поверхность исследования.

Иногда осколки пробирались за ряды щитов, ранив ноги и руки их обладателей, но подобное не могло остановить привыкших к боли бойцов.

Пройдя пол пути, кто-то из них пропустил один из фрагментатов, из-за чего моментально первый ряд был разбит, калеча и убивая неожиданных того гладиаторов, лишая их так же и последних копий.

Теперь-то пострадал даже командир этого небольшого отряда, недалеко от всех корчась от боли на песке. Строй окончательно распался и они замерли, не зная, что им делать.

— Какое прекрасное зрелище! Но теперь фрагментаты отключены, иначе от гладиаторов не останется ничего, пока они дойдут! Да начнется настоящий бой!

Гномы тут же двинулись своей общей массой, нестройно наступая на них.

К этому времени Руун так же обзавелся парой ран, что обильно истекали кровью, а сам он уже терял связь с сознанием.

«К счастью, Бурс был на последний рядах в этой битве», — успокаивала его мысль.

Несколько оставшихся целыми метателей тут же принялись метать свои дротики, цепляясь за последнюю надежду.

Руун же крепче сжал меч, готовый цепляться и за свою жизнь. Дыхание становилось все тяжелее, заставляя прикладываться больше усилий, дабы наполнить лёгкие воздухом, а его тело наливалось свинцом, затрудняя любое движение.

«Старуха... Мать-земля, или кто ты... Как же я устал от этого. Моя жизнь — постоянный цикл сражений и убийств. Неужели только это тебе и нужно от меня? Позволь хоть немного покоя найти!» — впервые в жизни безликий решил пойти на диалог с той, кто, как он был уверен, слышала даже его мысли.

Он видел, как первые враги уже были близки к нему. Безликий принял решение кинуться на них первым, застигнув врасплох не ожидавших того от раненного и одинокого врага.

— Вы что, в своих пещерах не научились, что нельзя загонять зверя в тупик, уроды? — прорычал он, ощущая, как в нем бурлит кровь, а ярость понемногу затмевает взор, — он осознано отдавал контроль над телом во власть этих разрушительных чувств.

Руун лишь помнил, как рубил, как лились фонтаны крови, как ему отсекли секирой ногу, но он и тогда не

остановился, восстанавливая ее, продолжая отнимать жизни столь неумелых, но многочисленных врагов.

Когда герой пришел в себя, то весь был в своей и гномьей крови, которая заполнило его рот, привнося привкус метала, и в равной мере ею же заложило уши, вызывая ощущение, словно он сейчас погружен под воду.

В руках Рууна был осколок его уже бывшего меча, что сломался, оставшись застрявшим куском в одной из плечевых костей предпоследнего гнома.

Если его сейчас не обманывала память его жертв, а она явно не могла этого сделать, то только что он лишил жизни семнадцать карликов, но где же остальные?

Когда полена слегка спала, тут же заметил, как помимо него осталось в живых ещё трое, что так же боролись в это время за свои жизни. Когда бой закончился, то все, кроме одного из них попадали без сознания на арену.

— Какая невероятная убойная мощь! Те, кто справились с одной напастью за другой сломали свои зубы о механизмы гномов! Кто-нибудь, скажите, почему они ещё не правят всем миром? Сегодня мы воочию видели, насколько разрушительно их оружие! Может быть такие, как...

Руун, не слушая дальше оратора, нашел взглядом тело Бурса. Он не знал, жив ли тот, но все же схватил его за ворот одежды и потащил за собой с арены.

Пока безликий шел — броня с его многострадального тела спадала, ведь по большей части от нее остались лишь лоскуты кожи, которые только и ждали своего часа, чтобы наконец освободиться от столь тяжкого бремени: защищать тушку гладиатора-раба.

По пути мимо проходили гладиаторы для следующих боев: они слышали звуки и видели сейчас его последствия, из-за чего мрачнели прямо на глазах, ведь из битв бестиариев, до сражения жёлтой крови, после этих звуков никто так и не вернулся, дабы поведать, в чем дело.

Так он и протащил его вплоть до его спальника, после чего сам упал на свой, — физические раны исцелились, но моральная усталость разрывала его как никогда, — он слишком устал воевать день за днём, ставя на кон свою жизнь.

Больше всего его выбило из равновесия это оружие, использованное против них сегодня, что вселяло страх в душу любого, кто противостоял ему: каждый твой шаг мог быть последним и ты не мог знать, какой именно и когда.

Безликий не показал этого на арене, но после первого взрыва он лишь в последний момент поддавил в себе то намерение, так же, как и другие, броситься прочь.

Из памяти гномов он узнал, что для них это было лишь обычное оружие, такое же, как и для него меч или копье, — они не видели в нем ничего такого.

Ещё Руун узнал, что эти малыши были просто худшими из ремесленников, воинов и управленцев, а другие лишь безработными побيرانцами, из-за чего при первых признаках голода от них отказались полностью, продав здесь.

Впрочем, они сами не ожидали, что их отдадут на арену, они то рассчитывали на какую-то мелкую работу в мастерских. Ведь все таки даже самый худший гном в своем мастерстве был вполне полезен для других рас.

Нужно ли говорить, что и силу от них он получил соответствующую? Это мало придало ему физических сил, но он узнал, что в мире существуют артефакты — особые предметы, которые раз или два в жизни выходят из под руки лучших из лучших ремесленников.

Такие объекты обладают своим, отдельным, зачаточным сознанием, усиливая их и позволяя взаимодействовать тому с их хозяином — эти атрибуты общи для всех артефактов, все остальное разнится один от другого.

И сейчас он ощущал, как на семнадцать сотых стал ощущать близость с ними и лучше бы взаимодействовал с любой из них. Раньше Руун бы и в упор не ощутил оного, но теперь, как только тот попадет ему в руки — сразу все поймет.

«Пройди все с достоинством воина земли, приняв удары судьбы стойко, Эсперар, только так ты станешь достойным» — сейчас он вспоминал первое наставление, что старуха дала ему, понимая, насколько она была пророчески права, а может быть, именно она и строит его судьбу такой?

А ведь завтра новый бой, неужели он так и отправится на него, не подготовившись и весь изнеможденный? Нужно хотя бы подкрепиться! Но силы все сильнее и сильнее покидали его, наваливаясь вместо них на его крепкое тело не менее крепкими объятьями сна, утягивающими за собой.

«Но что же все же значит «Эсперар?» — такой была его последняя мысль прежде, чем он уснул, окунаясь в пучину сна в надежде, что тот принесет ему желанный покой.

Если бы он не заснул сейчас, то продолжал бы ещё несколько часов слышать те самые взрывы, что порождали в душе полнейший ужас, отнимающие жизни других, не делая различий на воинов по их силам и умениям, просто отнимая оные в одно мгновение.

Руун проснулся от того, что земля дрожала и все вокруг осыпалось каменной крошкой, затрудняя дыхание и уменьшая радиус зрения.

Повсюду разносился шум: стоны боли, крики бойни и зов помощи. За окном была кромешная тьма, сообщающая, что сейчас либо ночь, либо вечер.

Вскочив, он чуть ли не упал, когда его взгляд потемнел. Попытавшись растолкать Бурса, не добился никакого успеха, — тот и не шелохнулся.

— Давай, здоровяк, прошу тебя, вставай! Что-то надвигается!

«Неужели все же умер?» — не хотел верить в это Руун, но новая серия взрывов, из-за которых более огромные куски потолка начали падать, заставила спохватиться и выбежать из этого зала, в поисках открытого пространства, чтобы его не задавило.

На путях он встречал тела охранником и людей разбойничьей наружности. Недалеко он слышал звуки скречивания металла, но к счастью Рууна, на пути он никого не застал.

Ноги его неосознанно вывели к арене, где ещё днём он сражался. Сейчас здесь, прямо в центре арены зияла огромная дыра, ведущая вниз, куда и сыпался весь песок.

Недолго мешкая, безликий все же решился и схватив с ближайшего трупа меч, сиганул туда, сползая по песку.

Пред ним предстал один, единственный путь, который ничем не был освещаем, поскольку последние крохи света, испускаемые факелами, заканчивались в самом начале проема.

Прижав к одной из стен ладонь, он наострил слух, готовый ответить ударом меча на любой шорох и в таком положении медленно двинулся вдоль стены, стараясь не издавать никаких шумов, перед тем убеждаясь лишней раз, что под каждым его шагом твердая почва, а не пустота.

— Ты что, шутить удумал? Какой полоумный подорвал бы арену?! — Тирус, распорядитель арены, пребывал сейчас в бешенстве, вопя на одного из десятников стражи.

— С-сэр, но это действительно так! Прямо сейчас они убивают наших солдат. М-мы до сих пор не уверены в их целях.

— Да плевать мне на их цели! Веди, сейчас же!

Ещё ниразу за десятки лет Тирус не встречал настолько большой наглости, чтобы напасть на главную достопримечательность их острова, на которой базировалась большая часть его казны.

Прямо сейчас он собирал все силы, конденсируя прану в области сердца, готовясь в любой момент воплотить её через руки, разрывая тела нарушителей его спокойствия.

Стражник рядом с ним содрогнулся, когда увидел, как от рук его начальника идёт пепельная дымка, которая разъедала все в десятках сантиметрах от нее, включая рукава дорогой рубахи самого Тируса, открывая сейчас вид на его набухание, слегка темные вены.

Оратор, освещающий уже второй год все бои на арене сейчас метался в душевных терзаниях: всю жизнь он добивался этого места, что у него и получилось, благодаря своему острому уму и подвешенному языку.

Ему не составила труда понять, что он, как владелец пультов контроля всех фрагментатов, явно никак не отмоет с себя вину. Прямо сейчас он забрал с собой все ценное, что мог, и убегал из этого города, с этого острова, — он старался оказаться как можно дальше отсюда.

Он не знал, что произошло и почему, но их начальнику все равно нужен будет козел отпущения, для которого он служит лучшим кандидатом, — жизнь сама его подтолкнула к этому, теперь же все, что мог сделать бедный оратор — убегать, пока ноги несли его.

Вся дальнейшая жизнь будет в поисках тихого, забытого всеми уголка, поскольку его уже не отпустят, но обязательно наймут охотников за головами, дабы выследить его. Он лишь оттягивал неизбежное.

Аарон, так же известный, как один из пиратских баронов, последние десять лет наращивал свою мощь на своей территории.

Природа, что наделила северо-западный континент Готест горами, превратив его почти полностью в родину гномов, так же сотворила за ними, севернее, сорок островов, где собирались пираты, поскольку гномьи горы стали надежной крепостью и для них, а самим гномам не нужны были эти огрызки скальных островков, где почти не было земли, чтобы хоть что-то выращивать.

С тех пор там обосновались сорок страшнейший пиратов, постоянно сменяющие друг друга и передавая владения новому владельцу, но Аарон с самого начала был один из тех ископаемых, что не проиграла ни на одной пиратской дуэли, на которые капитаны кораблей любой из армад могли бросать вызов.

Сегодня он решил сделать решительный шаг: отправить совсем зелёных новичков для отвлечения внимания, надеясь на выходах выловить всех сбежавших гладиаторов, прошедших испытания огнем и мечом, делая им

предложение, от которого нельзя отказаться: стать частью его команды, ведь он всегда предпочитал качество количеству.

Ворг, его подчинённый, исполнил первую часть плана: вынес максимум драгоценностей и золотых с арены. Хоть он и знал, что мелкий полурослик явно что-то прикорманил, но каждый раз спускал это тому с рук, ведь тот брал совсем мало, чтобы спрятать под одеждой и не выдать себя ни звоном монет, ни выпуклостями под своим тряпьем.

К тому же, в этот раз добыча действительно грела его чёрное сердце. Лишь ради этого риск того стоял, но жадность все больше и больше охватывала его разум, — ему было мало, он хотел выжать все, что мог.

Он не был глуп, и если бы дело запахло гнилой рыбой, то он тут же бросил бы абсолютно все на дно, отдавая лучше все свое золото и команду кракену в пищу, только бы уйти отсюда живым, но пока все шло слишком хорошо: чья-то незримая, божественная рука, явно вела его.

Сейчас Аарон стоял у одного из выходов подземного туннеля, ожидая своей добычи. Именно отсюда должен был выйти самый желанный член команды, — кульминация была близка.

Его улыбка на обветренном морском воздухе, старческом лице, внушала мороз по коже тем нескольким пиратам рядом с ним паче, нежели раскрытая пасть морского дьявола, желающего пожрать их.

Ромус ощущал, как его преследуют неприятности одно за одной, будто неся проклятье тому, кто переступил одно из важнейших табу любого разбойника.

Несколько раз его пытались ограбить другие бандиты, хотя он шел заросшими путями и тропами, затем солдаты не хотели его впускать в город, а когда он оказался внутри — он не смог отплыть, поскольку Долор потерял ещё два города и остался лишь с этим, куда перебрался король.

Прямо сейчас город окружили, а солдаты ходили по улицам, выискивая оставшихся мужчин, дабы добровольно-принудительно призвать в ополчение.

Ему пришлось засесть в труппах, ожидая, пока появится возможность, но и тут его не оставили: уже третий раз за два дня он ловил грабителей, что проникали в его дом. От трупов избавиться сейчас было бы накладно, из-за чего он их просто скидывал в угол небольшой лачуги.

Единственное, что его радовало: вечные холода, благодаря которым трупы все ещё не отдавали запахом разложения, а так же то, что его ночные вылазки заканчивались неплохо и он добывал себе еду.

Однако он и не догадывался, что все это время, незримо, словно его собственная тень, кто-то пристально следил за ним.

После того, как Шиоса благополучно сбежала от преследования, она отправилась куда глаза глядят.

В ту же ночь её посетила богиня, которой поклонялись многие темные эльфы: Шепчущая. Она указала ей путь, где она найдет след.

Больше ничего не было сказано, но Шиоса, отчасти поддтая своим женским любопытством, все же решила последовать за ним.

Спустя неделю она вышла на Ромуса, за которым с тех пор зачем-то следила из теней, окружающих его мир.

Где-то в глубине она надеялась встретить Рууна, что спас тогда её жизнь и даже вывел из той бойни. Они никогда не отличались благородством или добротой, но сложно забыть, когда последний человек, от которого стал бы ждать помощи — разбойника, — все таки помогает тебе.

Разбойница не знала, чего хотела от нее Шепчущая, поскольку та говорит лишь со своими последователями, из-за чего Шиоса довольствовалась лишь указкой на след, но легенды гласили, что эта богиня никогда не делала ничего просто так и не являлась людям, не позволяя вынести выгоду и для себя самих с её появления.

Темной эльфийке было очень близко её мировоззрение, поскольку и она тоже верила в принцип взаимной выгоды, поэтому с тех пор решила незримо следовать за Ромусом, став его тенью и ожидать, что из этого выйдет.

Руун сбился со счета времени и шагов, которые он старался подсчитать. Звуки боёв давно стихли, как и любые другие шумы в целом, остался лишь звук его шагов, что разносился эхом по всему коридору.

Воздух становился все более затхлым и ему казалось, что тот и вовсе пропадает все больше и больше с каждым новым шагом.

Внезапно весь его мир перевернулся и его потянуло куда-то вниз: пол под ним провалился, вынудив упасть спиной на что-то твердое, причиняя волну боли, что разнеслась по всему телу.

Глаза, привыкшие к темноте, начало слепить чем-то нестерпимо ярким, обжигая их, отчего он издал стон, подгоняемый болью от падения.

Немного придя в себя, он нащупал ладонью рукоять своего меча, что упал недалеко от него. Обхватив его, он наконец открыл глаза, шуря их.

Как оказалось, он пролетел около пяти метров вниз. К счастью, не сломав ни одной из костей, хотя падение не прошло бесследно: множество ссадин и царапин, одна нога прихрамывает, а по затылку стекает теплый поток крови.

Осмотрев окружение, ему тут же бросился во взгляд свет, окрашивающий все вокруг в голубой цвет, исходящий от горящих повсюду факелов, что находились вдоль стен вокруг, вставленные в соответствующие пазы.

До этого этот голубой огонь его слепил, но когда он привык к нему, то осознал, насколько тот тусклый и холодный по ощущению, будто температура вокруг упала на несколько десятков градусов.

В один миг это место вселило стойкое желание скорее покинуть его, но, взглянув в проем сверху, он убедился, что другого выхода у него просто нет, придется идти вперед.

Вокруг все было сделано из огромных глыб вытесанного булыжника, плотно прижатых друг к другу. Ни плесени, ни мха, ни грибов здесь не было. Лишь голые, ледяные камни, холод которых передавался ему даже через обувь, пронизывая тело.

Запах здесь стоял столь тяжёлый и застоявшийся, что ему казалось, что с каждым вдохом он проталкивает камни через свои дыхательные пути, в попытках вдохнуть ещё хоть немного воздуха.

Каждый его шаг оставлял за собой заметный след, поскольку эти полы были усыпаны слоями пыли.

«Сколько десятилетий здесь никого не было? И что это за место вообще?» — все происходящее щекотало его и без того напряжённые нервы, заставляя периодически бросать резкие взгляды по сторонам, где ему виделись какие-то движения.

Все чаще и чаще ему казалось, что тени, под влиянием этого освещения оживают, покачиваясь и удлиняясь, будто в такт дуновению ветра, глумясь над ним и дразня.

В какой-то момент он вышел в пространый зал, свод которого подпирали тяжёлые колонны округлой формы, стоящие каждые несколько метров.

Замедлившись, Руун оглядывался по сторонам. Между колоннами проглядывались каменные сооружения, напоминающие собой саркофаги.

«Крипта», — подумал безликий, увидев все вокруг.

Медленно, стараясь не издавать ни звука, он проходил дальше до тех пор, пока в конце этой комнаты не увидел каменный трон, покрытый письменами неизвестного происхождения, на котором восседало тело и прямо за ним виднелся проем, ведущий дальше.

Попытавшись обойти, он услышал, как что-то зашуршало и закряхтело, — звук исходил именно от трупа.

Бросив туда взгляд, он увидел, как кости, обтянутые иссиня-черной кожей, повернули в его сторону голову, смотря своими пустыми глазницами.

Когда их, как ему показалось, взгляды встретилось, то существо принялось подниматься, схватившись за свой полуметровый меч, направляясь к нему.

— Да что ты за тварь такая? Тебе чего вообще надо? — Руун успел многое повидать, и был готов почти ко всему, но живые мертвецы были явно чем-то выходящим за рамки его подготовки.

Воздух и без того туманил взгляд, лишая сил, но приток страха и вовсе заставил его ноги подкоситься.

Сделав несколько шагов назад, он упёрся спиной в одну из колон, пока мертвец, не торопясь, плелся к нему, волоча за собой меч, острие которого скрежетало о пол, разносясь по всему залу противным эхом.

Руун решил бежать от этого существа в проем, но тот куда-то исчез, будто его и не было вовсе там.

Пока мозг ещё не понимал, что делать, тело среагировало первее, заблокировав мечом удар врага, который, впрочем, обладал ненормальной силой, поскольку тело Рууна отлетело вбок на несколько метров, а рука, державшая меч, онемела, выпуская его.

Звук, упавшего клинка ещё не разнесся по залу, а тело безликого уже среагировало, заставив его укатиться вбок, уворачиваясь от нового удара.

«Что за ненормальная силища то вообще?!» — Рууну было сложно поверить в реальность всего происходящего сейчас.

Не успевал он подняться, как удар за ударом сыпались на него.

Тварь обладала невероятной силой и скоростью, но мозгом явно была обделена, поскольку ничему не училась.

От часто перекатов у Рууна уже кружилась голова, но ему нужно было оказаться возле своего меча, что он и сделал.

Схватив тот, беглый гладиатор рубанул по ноге противника, но меч сразу же застрял в его кости, из-за чего его вновь пришлось отпустить и продолжить уворачиваться от размашистых ударов мертвеца.

Сил становилось все меньше, дыхание тяжелело, но враг явно даже не ощущал усталости.

— Что за сила движет тобой, проклятая тварь?! — прорычал он на последнем дыхании, накинувшись на врага и потянув того за ногу вбок, заваливая его.

Когда драугр упал, Руун попытался вырвать свой меч, но как только тот поддался, то безликий и не заметил, как противник пронзил его живот своим мечом.

Не колеблясь, он рубанул из последних сил по запястью мертвеца, а затем ещё и ещё раз, и, к его счастью, кости там оказались менее прочными — рука с мечом было отсечена, тут же бывший глadiator сделал несколько шагов назад, оседая на пол.

Драугр перестал двигаться, будто окончательно умер, но сейчас Рууна волновало другое: внутри его живота расходился холод, распространяясь все дальше и дальше по телу.

Холод, который обжигал, заставлял его крепко стиснуть зубы и сжаться на месте, до тех пор, пока это жжение не начало нарастать с удвоенной силой, после чего он принялся метаться по полу в бессильных попытках вытащить из себя этот артефакт, да, именно им он и был, как сейчас понял Руун, но сейчас это было для него совершенно неважно.

Все затмила собой боль, пожирающая его сознание, которая и не думала прекращаться, пока, в конце концов, он не потерял сознание.

Руун видел сон о жизни берсерка и чародея, что срубил своим клинком четыреста двадцать голов, одна из которых принадлежала королю, после чего меч пробудился.

С каждой новой отнятой жизнью, особенный и без того меч, приобретал все большее эго, осознавая себя личностью. В конечном итоге именно меч стал придавать силу владельцу, а не наоборот.

Это была жизнь, полная боли и страданий, в которой никакая сила не принесла счастья ее владельцу. А когда срок жизни владельца подходил к концу, то артефакт решил не дать умереть своему хозяину, из-за чего он приказал построить эту гробницу и замуровать себя в ней.

С тех пор прошли тысячи лет, но владелец меча все ещё продолжал свое существование, пока это проклятое орудие было в его руках.

Мелькавшие сцены, описывающие жизнь другого человека исчезли, а вслед за ними наступила тьма, посреди которой находился дряблый, согбенный под тяжестью своей собственной жизни старец, устало смотря на него блеклыми глазами.

— Так кто-то все же пришел за ним? Как давно это было... Прошлое забывается, позволяя писать новые ошибки с чистого листа, не так ли, малыш? — проскрипел своим голосом этот человек.

Руун хотел бы что-то ответить, да голоса на было, он мог лишь созерцать, как над этой уставшей фигурой

громоздилось форма меча, нависая над ним, словно дамаклов меч.

— Что же, надеюсь, ты не пожалеешь о своей выборе и не совершишь моих ошибок. Слушай же, новый владелец Мистлтейнна, не забывай, что он — живой, и его жажда жить не даст тебе умереть так просто, но спустя долгие века это станет для тебя не более, чем проклятием!

Голос старика блек, а картины сцен жизни старика вновь прокручивались в его сознании, вторя словам того.

— Ты будешь любить, но твоя любовь будет увядать на твоих глазах, пока она не сменится другой, а затем и она зачахнет, как увядает полевая трава. Жизнь человека как дым, пар из-за рта исходящий посреди зимы, появившийся на миг и исчезнувший тот час, но теперь тебе придется наблюдать за этим долгими веками! Тебе будет служить армии, но ты будешь видеть, как твои сильнейшие воины стареют и умирают, а их сыновья, которых ты совсем крохами держал на руках, теперь уже служат тебе вместо них, а затем состарятся и они. Ты узнаешь, что такой настоящая усталость бытия, бедное дитя...

Рууну от увиденных сцен казалось, что он только что буквально несколько веков прожил в теле этого странного человека, испытав тоже, что испытывал тот.

— Знай, что сила без мудрости разрушает лишь сама себя. Корова и змея могут пить из одного источника, но первая превращает её в молоко, принося благо людям, а вторая в яд, отнимающий жизни. Если меч проснется, то подчиняй, а не подчиняйся... — последние его слова звучали где-то далёким эхом, пока тьма отступала, возвращая безликого в реальность.

Когда он очнулся, то сразу осознал, что в глубине своего сознания ощущает ещё чье-то присутствие: что-то холодное, безразличное ко всему, спало в нем самом, никак не влияя изнутри.

Он тут же понимал, что меч каким-то образом слился с ним, став его частью. Нет, даже больше, частью его души, личности, им самим.

Благодаря осколком гномов он чувствовал в своей сознании письма, выжженные теперь прямо на его душе языком гномов, который Руун уже успел узнать из воспоминаний жертв.

Меч, созданный древним гномом, нес в себе огромную силу, но сейчас был запечатан и раскрывался лишь с каждым новой десятой частью аспекта гномов.

Сейчас их было по прежнему семнадцать, а значит открыта лишь первая: привязка. Та особенность, из-за которой меч выбрал его, а ныне покойный драугр наконец обрел столь желанный покой.

Попытавшись подняться, он ощутил прилив боли: рана в животе открылась и из нее потекла струя крови, но бывший гладиатор итак знал, что время и без того играло против него, — ему срочно нужно было двигаться вперед!

Сжав зубы, Руун, упираясь о колонну, все же поднялся, предварительно найдя свой меч.

Пошатываясь, Руун двинулся к проёму за тронем, что теперь вновь был открыт. Он ощущал, что выход близко, — осталось только рукой подать!

Сознание медленно, но верно покидало его, заставляя все сильнее сгибать свою спину под эфемерным, но столь тяжелым весом усталости, навалившимся на его плечи.

Хромой, раненный и на последнем издыхании от отсутствия нормального воздуха, он наконец увидел новый обвал: упавшая плита, позволяющая подняться на поверхность прямо по ней.

Так и поступив, беглый гладиатор выбрался где-то в пещере у скального берега. Осмотревшись, Руун увидел внизу, прямо на песке, небольшую шлюпку на нескольких человек и тут же в нем закричало уже знакомое чувство опасности.

Резко развернувшись, он уклонился вбок от удара рукоятью меча по затылку, а затем перешёл в наступление, занося кулак для удара в живот на столь близком расстоянии.

Пред ним предстал пожилой мужчина, впрочем, не утративший с годами крепости и формы, поскольку легко блокировал удар ослабленного Рууна. Вслед за этим подбежало ещё несколько человек, окружая его.

Безликому пришлось перейти в защиту, отбивая удары безмолвных врагов в попытках подловить момент для ответа.

Впрочем, рана продолжала истекать кровью и срочно нужно было что-то делать, силы покидали его и он ощущал, что даже войти в состояние берсерка уже не может.

Решив пойти на рискованный шаг, он все же пронзил одного противника клинком, из-за чего тот издал болезненный стол и сразу же навалился всем своим весом уже мертвого тела прямо на Рууна, выигрывая пару секунд для товарищей.

Последнее, что он запомнил — мерзкую ухмылку старика и приближающиеся наверх его клинка, летящее прямо промеж глаз.

— Фух, ну и упрямый же ты, парниша, заставил старика вспомнить молодость, — тон Аарона был с нотками недовольства, но лицо играло радостью и удовлетворением, которое он явно давно ожидал.

— Стон, Морен, захороните товарища, а этого свяжите, а то больно резвый уж малый. Ах да, проверьте его рану, зажила ли, а то вдруг не того взяли, — будет очень обидно.

Раздав приказания, старик достал свою трубку, забивая ее табаком и раскуривая, устремляя свой взор в сторону города, что сейчас находился в огне, погружаясь в свои собственные думы.

— Закончили? Отлично, грузите его и отплываем на корабль.

Больше книг на сайте - Knigoed.net